Л. ЗУРОВЪ

ДРЕВНІЙ ПУТЬ

ИЗ-ВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

Л. ЗУРОВЪ

ДРЕВНІЙ ПУТЬ

РОМАНЪ

ПАРИЖЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»
1934

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Тѣло ротмистра Николаева привезли утромъ на санитарной двуколкѣ вмѣстѣ съ убитыми солдатами и незнакомымъ прапорщикомъ.

Эскадронъ только что отвели въ оставленные отступившимъ госпиталемъ бараки, изъ которыхъ не была выброшена солома и марлевые бинты. Въ крайнемъ, гдѣ были сложены перевернутыя верхъ потниками сѣдла, къ первому часу дня солдаты кончили сколачивать гробъ.

На кладбище Николаева провожали три офицера и вольноопредѣляющійся Назимовъ. За гробомъ вахмистръ велъ осѣдланнаго, съ покачивающимися стременами, коня.

Дорога была въ таломъ снѣгу, что разъѣзжался подъ ногами, слѣды отъ колесъ наливало рыжей водой. Священникъ шелъ, подобравъ шубу, изъ подъ которой были видны солдатскіе сапоги.

Санитарная двуколка уже отвезла убитыхъ солдатъ и прапорщика. Она выѣхала изъ воротъ кладбища, на которыхъ висѣла доска съ черными славянскими буквами.

У воротъ офицеры засуетились, вынимая гробъ, а вольноопредѣляющійся Назимовъ подошелъ къ коню и погладилъ его. У коня дрогнула кожа, и Назимова обрадовалъ блескъ глазъ и живой запахъ, шедшій отъ здороваго конскаго тѣла.

Гробъ подняли на плечи и понесли. Онъ былъ тяжелый, большой, всѣ шли въ ногу, и несшій его впереди высокій офицеръ горбился.

Кладбище было заполнено. Въ его промерзшей землѣ уже тлѣли въ гробахъ и безъ гробовъ многія офицерскія и солдатскія тѣла въ лубкахъ и марлевыхъ повязкахъ, опущенныя въ землю въ одномъ бѣльѣ, какъ ихъ принесли изъ госпитальныхъ бараковъ. Новыя могилы были готовы. Рыжіе вывороченные комья, откатившись, лежали на снѣгу, и Назимову стало зябко отъ тающаго на мокрыхъ сапогахъ снѣга, кожа головы натянулась, и его передернуло отъ мерзкой сырости и знакомаго вида выброшенной изъ ямъ рыжей земли. Онъ навсегда запомнилъ ее, когда лежалъ на ней, стрѣляя, когда ее рыли вверхъ разрывы, когда у него замирало сердце, и хотѣлось глубже запрятаться въ на-спѣхъ вырытый окопъ. Въ ней были выкопаны покрытыя бревенчатымъ накатомъ землянки, въ которыхъ межъ бревенъ свисали корни травъ. Всегда было тяжело просыпаться ночью въ темномъ, сыромъ и душномъ погребѣ. Все — шинель, желѣзо и хлѣбъ, — пахло прѣсной, словно пропитанной древнимъ запахомъ тлѣна, землей.

Пѣхотинцевъ хоронили безъ гробовъ. Они, всѣ четверо, лежали въ рядъ, затылками въ землю, на днѣ могилы, а съ краю — прапорщикъ, коротконогій съ простымъ лицомъ. Его маленькая, полусжатая, положенная на грудь рука чуть бѣлѣла изъ широкаго рукава шинели, и онъ отличался отъ лежавшихъ рядомъ солдатъ лишь тѣмъ, что на его ногахъ сапоги были лучшаго товара, съ очень высокими мягкими голенищами, а пуговицы на шинели были обшиты защитнаго цвѣта сукномъ.

Назимовъ, посмотрѣвъ на него, подумалъ, какъ прапорщикъ изъ училища попалъ въ окопы, гдѣ ему было очень одиноко и страшно, гдѣ онъ быстро

снялъ купленные съ радостью ремни, сдалъ въ обозъ мѣшавшую на походѣ, ненужную ему шашку и, вотъ такъ же, какъ и онъ, Назимовъ, сталъ похожъ на солдата, такъ-же свертывалъ цыгарки, такъ-же радовался, какъ и онъ, горячему обѣду, отдыху, на которомъ можно смѣнить вшивую заношенную рубаху, выспаться и, получивъ изъ дому письмо, отойти въ сторону, чтобы прочесть его, а потомъ, улыбаясь, писать отвѣтъ и вспоминать о томъ, что далеко позади, въ родномъ домѣ думаютъ о немъ, по вечерамъ зажигаютъ огонь, и свѣтъ падаетъ на снѣгъ подъ окномъ. И, полюбивъ мелочи, которыя онъ не замѣчалъ ни въ юности, ни въ дѣтствѣ — свѣтъ лампы въ столовой, дерево, растущее у окна, икону въ спальнѣ, передъ которой мать учила молиться, оставленныя имъ на полкѣ книги, — онъ думалъ, что его почему-то не убьютъ, и, полный жалости къ самому себѣ, молился, какъ одиноко молились многіе, глядя въ ночное небо, какъ молился и онъ, Назимовъ, прижавшись плечомъ къ крошившейся земляной стѣнкѣ окопа...

На краю могилы стоялъ, разставивъ ноги, пѣхотинецъ и бросалъ въ могилу шинели, а другой, спокойный, бородатый, съ ложкой, засунутой за обмотки, стоя въ могилѣ, закрывалъ шинелями тѣла.

Поручикъ Валь, черноголовый, съ мелкими чертами лица, стоялъ на одномъ колѣнѣ передъ крышкой гроба. Онъ и Назимовъ, пока священникъ служилъ, телефонной проволокой прикрѣпляли къ крышкѣ гроба шашку Николаева. Крышку пришлось пробить гвоздемъ, чтобы продернуть проволоку и затянуть узлы изнутри. Валь накололъ концомъ обрубленнаго провода палецъ, торопливо вытеръ кровь о бѣлую доску гроба и испуганно и удивленно поглядѣлъ въ лицо Назимова.

Шашка была въ протертыхъ до дерева, обтянутыхъ кожей плоскихъ ножнахъ. Валь закрутилъ вокругъ рукоятки Анненскій темлякъ, и шашка, притянутая проводами, хорошо легла по бѣлой, чисто выструганной, доскѣ.

Назимовъ и Валь подняли крышку и поднесли ее къ гробу. И, какъ всегда, съ мучительнымъ чувствомъ, помня, что онъ уже больше никогда въ жизни его не увидитъ, Назимовъ посмотрѣлъ на лежавшаго въ большомъ бѣломъ гробу Николаева. Шинель на груди была порвана. На волосахъ, лицѣ и сукнѣ лежали крошки рыжей земли, которой его уже посыпалъ священникъ. Щека его склоненной на бокъ головы была не брита, и на восковой пыльной желтизнѣ видна была щетина и несмытая, идущая отъ шеи къ виску грязная полоса. Онъ лежалъ въ своей облегающей длинныя худыя ноги шинели, которая на поясѣ сохранила складки ремня, сложивъ на груди отяжелѣвшія руки. Шпоры его уткнулись въ дно гроба, отчего торчали носки сапогъ.

Братскую могилу начали зарывать. Бородатый солдатъ, выбросивъ лопату, полѣзъ, вбивая носки сапогъ, въ мерзлую, обрубленную уступами, рыжую стѣну могилы, а другой началъ ссыпать землю, подталкивая ее ногами, лопатой, и она струей текла на лица.

Назимовъ стоялъ, сутулясь, держа въ рукахъ фуражку.

— Назимовъ, помоги, — крикнулъ Валь.

Онъ опомнился и подбѣжалъ къ офицерамъ. Они вчетверомъ, стоя по двое на нетвердой, ползущей подъ ногами землѣ, стали на веревочныхъ возжахъ опускать гробъ. Гробъ былъ тяжелъ, веревка рѣзала руки, высокій, изогнувшійся, съ длинными, но слабыми руками офицеръ держалъ плохо,

и у него на лбу надулась жила. Поручикъ Валь крикнулъ:

— Пускай, пускай!

И тотчасъ же гробъ глухо стукнулъ о дно.

Всего было двѣ лопаты. Высокій офицеръ быстро усталъ, и Назимовъ взялъ у него лопату. Могилу умяли ногами. Валь поднялъ съ земли бѣлый, съ толстымъ, круглымъ, обожженнымъ концомъ крестъ, прижалъ его къ груди, вбилъ въ могилу и крикнулъ:

— Назимовъ, посмотри, правильно-ли стоитъ?

— Прямо, — отвѣтилъ Назимовъ.

Священникъ ушелъ, вахмистръ сѣлъ на коня и уѣхалъ. Валь оглядѣлъ кладбище, вытеръ о шинель руки и сказалъ:

— Ну вотъ и похоронили Николаева.

— У кого есть адресъ? — спросилъ черноусый офицеръ.

— Я матери напишу, — спокойно отвѣтилъ Валь.

— А какъ быть съ его вещами?

Валь пожалъ плечами, поправилъ криво надѣтую фуражку и сказалъ:

— Чудакъ. Нашелъ время думать о вещахъ.

У воротъ остановились и закурили.

— Свертывай, Назимовъ, — сказалъ Валь, протягивая кисетъ.

Назимовъ захватилъ изъ кисета щепоть табаку, вынулъ изъ-за обшлага газетную бумагу, и сталъ свертывать.

Внизъ на дорогу спускаться никому не хотѣлось. Пошли по скользкой полевой тропинкѣ.

Вечерѣло. Дорога и поля были грязны. Началъ медленно падать снѣгъ. Лѣсокъ вдали былъ такъ рѣдокъ, что черезъ его стволы было видно ровное снѣжное поле. Вдали рѣдко била артиллерія, и короткія малиновыя вспышки мелькали надъ голымъ кустарникомъ.

— И какого чорта они стрѣляютъ, — сказалъ зло Валь и бросилъ папиросу.

Тропинка кончалась, выходя на дорогу.

— Дѣлать больше нечего, — сказалъ Валь и остановился. — Надо распыляться.

Онъ стоялъ слегка разставивъ ноги, его фуражка съ темнымъ пятномъ на мѣстѣ кокарды, была надѣта набекрень. Снѣгъ, падавшій на тропинку, быстро таялъ. У Назимова уставшія ноги чувствовали тяжелые, съ набухшей кожей сапоги.

— Какъ, господа? — спросилъ Валь, засунувъ руки въ карманы, и обвелъ всѣхъ глазами.

— Я согласенъ, — сказалъ все время молчавшій черноусый поручикъ.

— А ты, Назимовъ?

— Согласенъ.

Валь разстегнулъ шинель, досталъ изъ внутренняго кармана бумажникъ, перелисталъ аккуратно сложенныя бумаги и далъ каждому по выписанному на солдатское имя удостовѣренію.

— А кому ты сдашь канцелярію? — спросилъ высокій офицеръ.

— Чортовой матери, — сказалъ Валь и засмѣялся.

Всѣ быстро спустились внизъ, и послѣднимъ, по скользкой тропинкѣ, на дорогу сбѣжалъ Валь и, чтобы удержаться, крѣпко схватилъ Назимова за плечи.

По дорогѣ отъ бараковъ шла пѣхотная рота, а позади тащился обозъ. Солдаты, уже безъ винтовокъ, съ мужицками, толсто набитыми мѣшками, шли, спустивъ назатыльники папахъ. Сзади, безъ мѣшка, опираясь на палку, шелъ высокій, въ шинели безъ погонъ, офицеръ съ рыжими усами.

— Куда ведете часть? — спросилъ Валь.

— Часть идетъ на станцію, я ее не веду, — отвѣтилъ тотъ, не останавливаясь.

Назимовъ прошелъ нѣсколько шаговъ.

— Господа, — сказалъ онъ твердо.

Всѣ остановились.

— Разрѣшите проститься, — сказалъ Назимовъ, поднося руку къ козырьку.

— Какъ проститься? — спросилъ удивленно Валь и поднялъ брови.

— Я на станцію, — отвѣтилъ Назимовъ.

— Дѣльно, — сказалъ Валь. — Ну, что-жъ, прощай Назимовъ.

Назимовъ пожалъ руку Валя, но тотъ, снявъ фуражку, обнявъ его, сдавилъ шею рукой и три раза крѣпко поцѣловалъ, уколовъ небритой щекой.

— Прощай, Валь, — сказалъ Назимовъ, и у него защемило въ глазахъ. — Прощайте, господа.

Онъ поцѣловался съ остальными и какъ-то неловко началъ натягивать фуражку.

— Назимовъ, а деньги у тебя есть? — уже бодрымъ голосомъ спросилъ Валь.

— Спасибо, есть, — коротко и въ тонъ отвѣтилъ ему Назимовъ.

— А твои вещи?

— Не такое время!

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! — закричалъ Валь, махнувъ рукой, глядя, какъ у Назимова дрогнуло лицо. — А за тобой и мы...

Назимовъ повернулся и, не оглядываясь, быстро пошелъ вслѣдъ за пѣхотной частью.

II.

Въ этотъ вечеръ Дарья Федоровна долго не ложилась. Она обошла домъ со свѣчей и, накинувъ платокъ, заглянула въ закрытыя на зиму лѣтнія комнаты, гдѣ крѣпко пахло яблоками, что грудой были навалены на подостланную солому, гдѣ огонь

свѣчи холодно и пусто отражался въ мутноватыхъ зеркалахъ и очень сильно — въ темныхъ, чистыхъ, необмерзающихъ окнахъ, за которыми шумѣлъ садъ.

Стоялъ февраль. Уже давно перенесли съ веранды въ одну изъ лѣтнихъ комнатъ ульи, зайцы по ночамъ прибѣгали въ садъ, срѣзали торчавшіе изъ подъ снѣга кленовые побѣги и обгладывали кору молодыхъ, плохо укутанныхъ въ этомъ году яблонь. Чисты по ночамъ были звѣзды, и протекающій надъ садомъ и домомъ Млечный Путь былъ особенно прозраченъ, словно промытъ морозами.

Вернувшись, она тихо пріоткрыла дверь въ комнату мужа. Онъ лежалъ на диванѣ, въ валенкахъ, въ коричневой вязаной курткѣ, ей была видна его сѣдая голова.

— Какъ себя чувствуешь, душа? — спросила она.

Бѣлки его глазъ были желты, волосы спутаны. Онъ ничего не отвѣтилъ.

Мужъ сильно постарѣлъ за послѣдніе дни. Послѣ обѣда, забравъ съ собой табачную коробку, онъ садился въ столовой къ окну, въ глубокое, съ проваленнымъ сидѣньемъ, кресло, ставилъ рядомъ палку, курилъ, смотрѣлъ въ садъ, а то ножемъ крошилъ табачные листья на деревянной, позеленѣвшей по изсѣченному мѣсту доскѣ. По цѣлымъ днямъ онъ молчалъ. Вечеромъ онъ то медленно, заложивъ руки за спину, ходилъ по кабинету, то, кряхтя и морщась, ложился на диванъ. Третьяго дня ночью онъ поднялся и подошелъ къ дверямъ ея спальни:

— Душа, а душа, — сказалъ онъ, — мнѣ что-то неможется.

Онъ медленно опустился на диванъ, и его лобъ пробили крупныя капли пота. Она растирая его тѣло видѣла, какъ онъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, сердился и на нее, и на болѣзнь, и на самого себя, и ей было жалко его до слезъ.

Вчера она поѣхала за докторомъ. По дорогѣ молодые уже не кланялись, только старики снимали шапку. Доктора она не застала и, подъ вечеръ, на обратномъ пути, проѣзжала мимо знакомаго имѣнія. Ворота были распахнуты, дорогу къ разоренному дому замело, а домъ стоялъ угрюмый, съ чернѣющими безъ стеколъ окнами, и она подумала, что вечеромъ по-кладбищенски страшно мимо него проѣзжать...

Въ столовой она попробовала, плотно ли привернуты горячія дверцы печей, и прошла коридоромъ, гдѣ у входа въ комнату сына, на набитомъ сѣномъ мѣшкѣ, лежалъ Задай. Онъ шевельнулся, и свѣтъ свѣчи мелькнулъ въ его полуоткрытыхъ глазахъ.

Комнату сына она часто прибирала и топила. И теперь она зашла къ нему, сѣла у стола и заплакала, посмотрѣвъ на пустую кровать. Она вспомнила, какъ онъ, гимназистомъ, пріѣзжалъ передъ Пасхой, когда рѣзали живность и запекали въ тѣсто копченые окорока. Къ Пасхѣ въ ея спальнѣ всегда расцвѣтали поставленные въ тѣнь, подъ сѣрыми колпачками, гіацинты. На тучную, насыпанную на блюдо землю она сѣяла самый крупный овесъ, и каждый день, когда солнце падало въ окна, выносила блюдо на свѣтъ, поливала, и блѣдные ростки поднимались дружно. Къ Пасхѣ овесъ былъ уже высокій, радостный, и въ его тонкой, прямой зелени лежали красныя яйца.

Къ Свѣтлой Заутрени она ѣздила съ сыномъ. До погоста было восемь верстъ. Ночи всегда были темныя, беззвѣздныя, къ оглоблѣ былъ привязанъ фонарь. Впереди ѣхалъ верховой и везъ узелъ съ куличомъ, пасхой и яйцами. Въ поляхъ пахло сырой землей, осенними травами, изъ ложбинъ и овраговъ еще тянуло холодкомъ, въ спицахъ глу-

боко увязавшихъ колесъ шумѣла вода, грязь налипала на шины, меринъ, тяжело поднимая копыта, тужась, наклонивъ голову, съ трудомъ вылакивалъ тарантасъ на бугоръ, и она держалась за одѣтаго въ темный армякъ сына.

Въ церкви пахло воскомъ. Отъ дыханья свѣчъ отпотѣвали стѣны, плечо къ плечу стояли въ бѣлыхъ платкахъ бабы и съ приглаженными головами мужики. Она передавала черезъ сына привезенные къ запрестольному кресту гіацинты и становилась на клиросѣ противъ пѣвчихъ у любимой иконы Богородицы Умиленія. Божья Матерь держала на рукахъ Сына. Онъ щекой прижимался къ Ея щекѣ. Склонивъ голову, Она смотрѣла грустно и умиленно.

Саша, въ мундирѣ, стройный и худой, стоялъ съ строгимъ лицомъ и крестился. Было радостно, когда на середину церкви сѣдобородый церковный староста выносилъ изъ алтаря зеленый желѣзный, съ теплящейся свѣчой фонарь, мужики подымали изъ пристѣнныхъ колецъ хоругви, крестоходъ подходилъ къ дверямъ, толпа густо валила вслѣдъ, и уже за церковными стѣнами, подъ дрогнувшій радостный перезвонъ, рождалось пѣніе. Изнутри по окнамъ было видно, какъ огибалъ стѣны крестный ходъ. Остановившійся на ступеняхъ храма священникъ, благословляя крестомъ, христосовался со стоящимъ внизу съ обнаженными головами народомъ, христосовался съ могилами, полями, хоръ звучалъ торжественно и глухо, во влажной черной тьмѣ, потрескивая и закипая, желтымъ густымъ пламенемъ дымно горѣли смоляныя, поставленныя по кладбищенской оградѣ бочки, по закругленному своду притвора колебались отсвѣты огней, пѣніе вздохомъ доносило сквозь двери.

Радостно и, послѣ ночной тьмы, особенно увѣренно и сильно, принося свѣжій воздухъ, со скло-

ненными хоругвями, входилъ крестоходъ, пѣніе крѣпло, и вдругъ замолкали хоръ и колокола, и въ наступившей торжествованной тишинѣ священникъ говорилъ: «Христосъ Воскресе!»

Начиналась какая-то преображенная, свѣтлая служба, словно несшая всѣ радости и счастье древности. Радостно пѣлъ хоръ о воскресшемъ Христѣ, священникъ кадилъ, кланялся, христосовался съ образами, и ему отвѣчала вся церковь. А подъ иконами стояли крестьянскіе, полусѣраго хлѣба куличи, завязанный въ платки творогъ и желтыя яйца. Воскъ догорающихъ свѣчей капалъ на хлѣба и пасхи.

Возвращались на разсвѣтѣ. Словно омытое, большое, розовое солнце выходило изъ за лѣса. Дорога шла по веселымъ затопленнымъ лугамъ и казалась короче. Съ большака были видны Засѣки, домъ, гдѣ она прожила жизнь и гдѣ родила сына.

Въ освѣщенной солнцемъ столовой, по утреннему пустой и теплой, гдѣ на чистой скатерти стояла пасхальная снѣдь и подъ солнцемъ зеленѣлъ молодой овесъ, она разговлялась съ Сашей...

Въ шестнадцатомъ году онъ окончилъ гимназію и все лѣто провелъ въ Засѣкахъ. Въ началѣ сентября случилось горе: онъ ушелъ добровольцемъ на фронтъ.

— Вотъ какъ давно отъ Саши не было писемъ, — подумала она и вспомнила, какъ они получили послѣднее. Было это еще до болѣзни мужа. Онъ придвинулъ кресло къ столу, палка у него упала, и она увидѣла, какъ онъ волнуется. — «Душа, дай-ка мнѣ очки», — сказалъ онъ. Она ихъ давно приготовила, держала подъ платкомъ толстый, въ серебряной насѣчкѣ, потертый футляръ. Сергѣй Петровичъ медленно протеръ очки чистымъ платкомъ, а когда посмотрѣлъ на свѣтъ, у него задрожала рука. Онъ неторопливо взялъ со стола сизое

простое письмо, прочелъ вслухъ адресъ, два раза ударилъ его ребромъ о столъ и, срѣзавъ ножницами край конверта, развернулъ исписанное слабымъ химическимъ карандашомъ письмо, а она взяла конвертъ и положила его на колѣни. Сергѣй Петровичъ, поправилъ очки, негромкимъ голосомъ сталъ читать, повторяя отдѣльныя мѣста, поглядывая на все поверхъ очковъ, склонивъ голову. Они вдвоемъ, близко другъ къ другу, разбирали трудныя мѣста, и она тихо плакала, прижимая платокъ къ глазамъ, поправляя волосы, и слушала съ радостнымъ, уже запухшимъ отъ слезъ лицомъ...

III.

Въ своей комнатѣ она долго молилась, долго стояла на колѣняхъ, не на коврѣ, а на голомъ полу. Тяжело поднявшись, она поправила лампаду, переплела косу и легла. Кровать заскрипѣла подъ ея грузнымъ, сильно устающимъ къ вечеру тѣломъ. Она хотѣла было потушить свѣчу, но въ спальню, не постучавшись, вбѣжала въ разстегнутомъ полушубкѣ Наталья.

— Барыня, — сказала она испуганнымъ шопотомъ, — пожаръ!

Кровь отлила отъ лица Дарьи Федоровны.

— Кудрово горитъ, — сказала Наталья.

— Боже, какъ ты меня испугала, — черезъ нѣсколько секундъ отвѣтила Дарья Федоровна.

Она одѣлась и, захвативъ ключи отъ службъ, вышла на дворъ. Вѣтеръ стихъ. Въ разныхъ мѣстахъ лаяли собаки. Вдали росло и ширилось зарево. На освѣщенномъ снѣгу сада темнѣли видныя

до малыхъ сучковъ яблони, за теплыми снѣгами и прозрачной березовой рощей широкимъ золотымъ языкомъ пылала усадьба. Дымъ, клубясь и свиваясь, пронизанный искрами летѣлъ вверхъ въ громадное небо.

Дарья Федоровна вернулась въ усадьбу, надѣла тулупъ, взяла изъ комода всегда на случай приготовленный узелокъ съ бумагами и деньгами, сунула его за пазуху и повязалась крѣпко, по бабьи. Мужъ спалъ.

— Ахъ, какъ зашлось сердце, — сказала она и остановилась. — А, можетъ быть, его разбудить? Нѣтъ, не надо. Ну, какъ на грѣхъ и кучеръ ночуетъ въ деревнѣ.

— Наталья, запряги коня въ розвальни, — выйдя на крыльцо, приказала она. — Если не дай Богъ, начнутъ поджигать, выпусти коней, коровъ и гони въ поле. Накинь на голову полушубокъ и по одному выводи. Барина я сама выведу.

Она отдала Натальѣ часть ключей и пошла за гумно. Близокъ былъ черный, слегка шумящій по вершинамъ лѣсъ. Ей стало страшно, но она перекрестилась и начала подыматься на бугоръ къ одинокой ели. Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, она сбилась съ тропинки и попала въ глубокій снѣгъ. Отсюда было еще виднѣе высокое, жуткое въ ночномъ, погустѣвшемъ отъ огня, небѣ, зарево. Дарья Федоровна расправила у ушей платокъ и прислушалась. По тишинѣ доносило трескъ, шумъ огня и смутный гулъ человѣческихъ голосовъ.

— Вотъ и службы занялись, — подумала она, когда слѣва прибавилось два новыхъ клуба дыма, и искры, отрываясь отъ верхушекъ загулявшаго слѣва пламени, полетѣли очень высоко.

Кругомъ были болота, поля.

— Вотъ такъ-то пріѣдутъ, убьютъ, никто и не услышитъ, — подумала она, — да кто и услы-

шитъ? Вотъ изъ Кудрова уѣхали и слава Богу. Уѣхать бы въ городъ, продать все, купить домъ и жить вмѣстѣ съ Сашей. Богъ съ ними съ Засѣками.

Ель была высокая, толстостволая, низко опустившая вѣтви. Дарья Федоровна, запрятавъ руки въ рукава тулупа, прислонилась спиной къ шероховатому стволу. Ночь была долгая, съ легкимъ морозцемъ. Она увидала, какъ вдали, словно большая собака, сильной побѣжкой прошелъ къ лѣсу волкъ. Она вспомнила, какъ они бѣжали на кровь, — такъ говорили бабы, — изъ Сибири въ Восточную Пруссію, въ болота, гривастые, полусѣдые, ростомъ съ теленка.

— Вотъ вся жизнь прожита, а подъ конецъ всѣ страхи пришли. Ну, потухаетъ Кудрово, — со слезами подумала она.

Зарево блѣднѣло, спускалось все ниже и ниже, только иногда, когда рушились крыши, падали стѣны, поднимались широкіе столбы бѣлаго дома.

Она услышала, какъ начался разъѣздъ. По большаку, отъ Кудрова, ѣхали мужики, и она слышала, какъ они покрикивали на медленно идущихъ коней. Ночь была тихая. Въ Костыгахъ, сосѣдней деревнѣ, не зло, а радостно на подъѣзжающихъ залаяли собаки, а потомъ полозья перестали скрипѣть, разбуженная деревня зашевелилась, и бабы завели перебранку.

Она измучилась отъ напряженнаго ожиданія и думъ. Ей вспомнился разсказъ приходившей въ Засѣки старухи Ефимовны, какъ мужики жгли имѣніе въ пятидесяти верстахъ, какъ грабили вещи, дѣлили скотъ, сѣно и хлѣбъ, а старуху Харину, разбитую параличемъ, съ маленькимъ обезьяньимъ перекошеннымъ лицомъ, посадили въ кресло, вынесли на дворъ, зажгли домъ, и она, сѣдая, простоволосая, сидѣла въ заревѣ и трясла головой...

Начало разсвѣтать. Сначала стала видна обрѣзанная солома гуменной крыши, придорожный кустарникъ, потомъ отдѣльныя деревья лѣса, что ночью казался жуткимъ въ своей сплошной чернотѣ. Когда стали видны бревна гумна, Дарья Федоровна медленно спустилась съ холма и по видной уже дорогѣ пошла на дворъ.

У крыльца сѣраго и соннаго на видъ дома стоялъ запряженный въ розвальни конь и лѣниво бралъ кинутое на снѣгъ сѣно. На кухнѣ стояло густое тепло. Наталья, въ нагольномъ тулупѣ, спала, привалившись къ столу, положивъ голову на руки.

— Распрягай, Наталья, — сказала Дарья Федоровна, развязывая платокъ. — Баринъ не просыпался?

— Нѣтъ, спитъ.

— Ну и слава Богу, — сказала Дарья Федоровна.

Оставивъ на кухнѣ валенки, въ однихъ чулкахъ, она прошла въ столовую. Послѣ проведенной въ полѣ ночи, она почувствовала, какъ сильно пахнетъ яблоками и перегорѣвшей печной краской.

Она, какъ была въ тулупѣ, съ блѣднымъ отъ безсонной ночи, похудѣвшимъ лицомъ прошла въ спальню и опустилась передъ образомъ на колѣни.

Потомъ она крѣпко уснула, но кругомъ зашумѣло, изъ тьмы повалили искры, горящія бревна, и она проснулась отъ сильно забившагося сердца.

Голубоватый свѣтъ утра уже наполнялъ спальню. Она услышала, какъ за стѣной началъ ворочаться мужъ. Снявъ тулупъ, умывъ ледяной водой лицо, она пошла въ столовую готовить для него утренній завтракъ.

IV.

Деревья станціоннаго сада шумѣли отъ ночного вѣтра. Паровозъ уже не дымилъ, изъ переднихъ вагоновъ гайдамаки высаживали солдатъ, завязалась стрѣльба, крики, какой-то офицеръ, прорвавшись сквозь цѣпь, бѣжалъ, и по немъ стрѣляли. Затихло. Хлынулъ вѣтеръ и сильнѣе закачалъ голубоватый фонарь.

Въ концѣ эшелона, у послѣдней теплушки, стояли солдаты съ мѣшками.

— Все обобрали! — сказалъ пѣхотинецъ. — Что за плечами довезъ, и того не оставили!

Снова раздались выстрѣлы. Солдаты тревожно замолчали. Изъ подъ вагонныхъ колесъ дуло по ногамъ, холодъ забирался подъ шинели. Только желѣзнодорожникъ спокойно обходилъ составъ. Онъ нагибался у каждаго вагона, свѣтилъ фонаремъ и шелъ дальше, пощелкивая молоткомъ по тупо отзывавшимся колесамъ.

— Товарищъ, — спросилъ его высокій крайній солдатъ, — гдѣ граница?

За послѣдней теплушкой, по оголеннымъ путямъ мело сухой снѣгъ. Желѣзнодорожникъ фонаремъ показалъ наискось отъ станціи, освѣтивъ свои рыжеватые съ сѣдиной обмерзшіе усы и черный мѣхъ воротника. Солдатъ посмотрѣлъ въ ту сторону. У него было острое, съ ввалившимися щеками лицо, изъ-подъ надвинутой папахи внимательно глядѣли холодные глаза.

— Ну, какъ Максимовъ? — спросили его.

— Пошли! — сказалъ онъ, поправилъ за плечомъ мѣшокъ и побѣжалъ наискось черезъ широкую черную линію съ нанесеннымъ къ рельсамъ, сухимъ, бѣлѣвшимъ въ темнотѣ снѣгомъ.

За станціей, въ огородахъ, они перекидали черезъ заборъ мѣшки, перелѣзли и, обогнувъ черныя глухія строенія, вышли къ рѣкѣ. Ихъ было десять человѣкъ. Всѣ они, съ большими мѣшками, тяжело дышали. Они столпились на украинскомъ берегу.

Русскій берегъ бѣлѣлъ вдали. Надъ нимъ стояло черное въ острыхъ звѣздахъ небо. Вѣтеръ былъ сѣверный, колкій и сухой.

Максимовъ первый побѣжалъ по обметенному вѣтромъ гладкому льду. Снѣжная прибрежная корка захрустѣла подъ сапогами, и изъ темноты отъ желѣзнодорожнаго моста стукнулъ выстрѣлъ. Тонко и томительно пропѣла пуля. Нѣсколько человѣкъ легло ничкомъ, остальные присѣли. Вторая пуля ударилась объ ледъ и зазвенѣла, какъ струна.

Въ чистомъ полѣ, на русской сторонѣ, они снесли въ одно мѣсто свои мѣшки, сбились въ кучу и плотно сѣли спинами другъ къ другу. Такъ они провели ночь.

Разсвѣло. На мѣстѣ украинской станціи горѣлъ голый и жалкій къ утру фонарь. Начала падать крупа. На станціи засвисталъ паровикъ, поѣздъ, на которомъ они пріѣхали, пошелъ назадъ. Стали видны кусты надъ рѣкой и зеленый, на двухъ гранитныхъ устояхъ желѣзнодорожный мостъ. Поле было унылое, солдаты продрогли и топтались. Максимовъ стоялъ, глубоко засунувъ озябшія руки въ карманы новой пѣхотной шинели. Папаха была завалена на правое ухо, лобъ косо оголенъ, острое лицо посѣрѣло отъ холода. У всѣхъ свело лица, когда вдали, изъ засѣянной крупой дали показался дымъ. Отъ Россіи медленно шелъ поѣздъ.

— Ну, какъ Максимовъ? Какъ, землячокъ? — радостно сказалъ топтавшійся около мѣшковъ маленькій коротногій солдатъ.

— Домой ѣдемъ, — отвѣтилъ Максимовъ. — Пошли на линію, ребята!

Поѣздъ подходилъ задомъ. На стѣнѣ послѣдняго вагона висѣлъ фонарь. На разсвѣтѣ его толстое стекло краснѣло глазкомъ. Буфера натянуто-ржаво заскрипѣли, колеса медленно повернулись, прорѣзавъ цѣлый снѣгъ, и стали. Паровозъ тепло и легко задымилъ.

V.

Поѣздъ прибавилъ ходу, легонькая снѣжная крупа, что раньше падала прямо, начала быстро и косо сѣчь. Максимовъ стоялъ въ дверяхъ, взявшись руками за стѣнки.

— Ну, слава Богу! — сказалъ стоявшій за нимъ солдатъ. — Хорошо по Россіи пошелъ!

Солдатъ былъ худъ, съ жидкой русой бородкой, его губы обметало отъ вѣтра. Онъ былъ въ кавалерійской затрепанной шинели и въ высокихъ сапогахъ.

— Сколько, Савровъ, отслужилъ? — спросилъ сидѣвшій на полу бородатый солдатъ.

— Много, милый, — отвѣтилъ Савровъ.

— А ты четыре года послужи, — посмѣиваясь, хриплымъ, простуженнымъ голосомъ сказалъ солдатъ. Подвернувъ лѣвую ногу онъ перематывалъ зеленую обмотку, накручивая ее по-мужицки, очень толсто, до полъ-икры. — Послужи съ мое, — сказалъ онъ, крѣпче подтягивая обмотку, — тогда и узнаешь службу.

Максимовъ закрылъ дверь, сѣлъ спиной къ стѣнкѣ, протянулъ ноги и сталъ свертывать папиросу.

Даже сквозь голенища чувствовалось, какъ тянетъ холодомъ черезъ дверь. Изъ опущенныхъ оконъ шелъ сѣрый утренній свѣтъ.

— Какъ изъ весны шестнадцатаго года взяли, — сказалъ Савровъ, — такъ своихъ и не видѣлъ. Подошелъ я, матери въ ноги поклонился, благословила мать образкомъ и осталась, милый, на завалинкѣ и не помнила себя. Я поѣхалъ, а ее сосѣди въ избу увели.

— Да, — протяжно сказалъ бородатый солдатъ и вздохнулъ.

— А вы давно какъ взяты? — спросилъ Савровъ.

— И не спрашивай. Съ четырнадцатаго года.

— Ранены?

— Нѣтъ. Миловалъ Богъ.

— Вы какъ фельдфебелемъ были или каптенармусомъ?

— Старшій ундеръ-офицеръ, — отвѣтилъ солдатъ и густо откашлялся.

Кисетъ у Максимова былъ зеленый, матерчатый, его шила жена. Онъ только два года пожилъ съ Варварой и полгода въ своемъ новомъ хозяйствѣ. Осенью, передъ уходомъ, жена была тяжелая вторымъ сыномъ. Осенью пришлось занимать хлѣбъ. Передъ отъѣздомъ она всю ночь плакала. Подъ утро она заснула, а онъ лежалъ и думалъ. Все было плохо. Изба была голая, проконопаченная бѣлымъ мохомъ, только въ ней и было, что печь, кровать за пологомъ, по стѣнамъ старыя, черныя лавки, проточенный червями столъ и два темныхъ образка. Приготовленная съ вечера торба съ двумя положенными ладонями другъ къ другу хлѣбами, лежала на лавкѣ. Утромъ онъ разбудилъ жену, одѣлся и вышелъ на дворъ, запрягать. Дождь шелъ мелкій, назойливый, вдали желтѣли поля. Хуторъ былъ новый, мокрая изба стояла на зеле-

номъ пригоркѣ, и онъ подумалъ, что за малую жизнь не успѣли даже вытоптать травы.

Въ избѣ Варвара взяла на руки Васю и завернула его въ платокъ. Сонный мальчикъ пріоткрылъ глаза и, привалившись къ матери, снова заснулъ. Варвара, спускаясь съ крыльца, заплакала голосомъ. Конь смолкъ, потемнѣла кинутая на сѣно дерюжка. Варвара сѣла, спустила ноги и подвернула верхнюю юбку. Колеса прорѣзали раскисшій дворъ, конь перешелъ новый канавный мостикъ. На пригоркѣ, гдѣ росла старая береза съ большимъ, обломаннымъ надъ дорогой сукомъ, онъ въ послѣдній разъ оглянулся на свой хуторъ...

Вспоминать было тяжело. Максимовъ досталъ спички и закурилъ. Табакъ показался горькимъ и отъ него запершило въ горлѣ.

— Страшно было, милый, страшно, — вполголоса говорилъ Савровъ. — Пришли мы днемъ въ мѣстечко на отдыхъ. Разсѣдлали коней, вижу на площади — костелъ. Зашелъ въ него и помолился. Религія, милый мой, разная... Развели насъ потомъ по квартирамъ. Есть дрова, есть картошка, разулись, сварили картошекъ, чаю напились, стало тепло и легли спать прямо на голомъ полу. Такъ тепло и хорошо. Вечеромъ, говорятъ, придетъ кухня, супъ горячій. А спать не удалось. Бросился непріятель въ наступленіе. Такъ лѣзъ, что не успѣвали отбивать. По окопу бѣгали взадъ, впередъ и залпами стрѣляли. Вывели насъ на поле, а до насъ другіе бѣдняжки ходили. Пока шли, встрѣчались раненые, а впереди, на передней линіи, Боже мой, сколько набито... Подошелъ къ одному — голова у груди, на одной кожѣ шейной держится. На свою голову легъ. Остановились мы въ опушкѣ — туманъ, темнѣть стало, — обратно лошади бѣгутъ. Подбѣжала одна, положила голову на плечо и дрожитъ. А уже ночь, холодно, осень. Погнали

насъ по водѣ. Какъ ночью пройти по водѣ? Взяли мы на берегу соломы и зажгли. Тутъ съ пулеметовъ и засыпали... Сѣлъ я въ воду и окунулся съ головой, пока немного перетихнетъ. Высунулся, воздуху набрать — снова пулеметъ. А, Господи! Въ мѣшокъ набралось воды и бѣлье смочило и хлѣбъ. Тогда мѣшокъ бросилъ и выскочилъ на сухое. Только выскочилъ — тутъ и сѣлъ. Пуля прошла сквозь ногу. Началъ просить, чтобъ не бросили. Какое! Стрѣльба поднялась, пошли впередъ и оставили меня одного. Утро холодное, весь я мокрый, дрожь бьетъ. Долго лежалъ, сначала кричалъ, а потомъ все тише, тише и жалостнѣе. Пожалѣлъ себя и заплакалъ...

— Насъ тоже, — соннымъ голосомъ сказалъ бородатый солдатъ, — какъ съ шелона высадили, не было объяснено куда, зачѣмъ...

Помолчали. Бородатый солдатъ повернулся на спину и заснулъ. Бѣлый свѣтъ наполнялъ согрѣвшійся отъ людского дыханія вагонъ.

— Спишь, Тимофей?

— Нѣтъ.

— Мнѣ тоже не спится, — сказалъ Савровъ. — Какъ все это вспомнишь, сразу-то и не заснуть.

Тимофей пробовалъ подсчитать, сколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ его взяли. Вышло годъ и четыре мѣсяца. Когда новобранцевъ сажали въ вагоны, онъ былъ пьянъ. У него была повязана тряпкой разбитая наканунѣ голова. Въ вагонѣ снова пили, играли на гармоніи, бабы на станціи голосили, день былъ сѣрый, моросило. Дядьку, унтеръ-офицера въ черномъ мундирѣ, коротконогаго и краснаго съ лица, съ желтыми подкрученными усами, угощали всю дорогу самогономъ, ржаными лепешками, деревенской свининой и измятыми яблоками. Онъ пилъ, не хмелѣлъ, мрачно

откашливался, лицо его все больше наливалось кровью, глаза стеклянѣли, онъ становился мраченъ. Поѣздъ шелъ мокрыми полями, дождемъ прибивало сырой паровозный дымъ, проходили черные, замоченные телеграфные столбы. Въ Псковѣ, передъ станціей, эшелонъ окружили солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ темными отъ дождя подсумками на поясахъ, съ примкнутыми къ винтовкамъ штыками. Надѣвшій шинель унтеръ-офицеръ, злѣе чѣмъ нужно, закричалъ на вылѣзавшихъ изъ вагона новобранцевъ, и ихъ кучей погнали черезъ рельсы и засыпанный хрустящимъ угольнымъ соромъ дворъ. Передъ вокзаломъ на каменной площади ихъ построили и, какъ арестантовъ, погнали въ городъ. Бульваръ былъ голъ, листва кучами лежала въ канавахъ, отъ города, бросая потрескивавшую искру, шелъ трамвай съ мокрой крышей, извозчикъ везъ на вокзалъ на дребезжащей колясккѣ офицера, и конь билъ стертыми подковами по блестящимъ, темнымъ отъ дождя камнямъ. Окруженные солдатами, взваливъ за плечи сундучки, мѣшки, деревянные коробья, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, въ черныхъ, съ измокшими бумажными цвѣтами, фуражкахъ, въ полушубкахъ и измятыхъ пальто они шли не въ ногу, и солдаты на нихъ покрикивали. Такъ, подъ конвоемъ, ихъ пригнали въ казармы.

Первые дни прошли хорошо. Койки были чистыя, занятій изъ за дождя на дворѣ не производили. Выдали учебныя берданки и пояски съ ворончеными пряжками. Унтеръ-офицеръ, котораго они угощали въ вагонѣ, все время хрипло покрикивалъ, а выравнивая строй, торкалъ концомъ штыка въ вороненыя пряжки. У многихъ былъ еще домашній припасъ: соленая свинина и масло въ жестяныхъ банкахъ. Унтеръ-офицера начали угощать, онъ бралъ, но съ каждой взяткой становил-

ся суровѣе и злѣе: облегченія отъ него трудно было ждать, но страшно было и не давать.

Домашній хлѣбъ такъ и остался не съѣденнымъ, хлѣба давали вдоволь, былъ онъ лучше деревенскаго, кусковъ оставалось такъ много, что ихъ начали продавать торговкамъ на квасъ. Кухня была хорошая, ежедневно мясо, но отъ чужой жизни и строя всѣ похудѣли. Послѣ занятій всѣ валялись по койкамъ, а то глядѣли по окнамъ и молчали. Подъучивъ, имъ выдали все солдатское: короткую шинель безъ разрѣза, съ пустыми погонами и неподрубленной полой, теплое бѣлье, новые, крѣпкіе, съ тяжелыми подметками сапоги, защитнаго цвѣта одежду, папаху, кокарду, и строемъ, съ музыкой сосѣдняго полка, погнали на плацъ.

Начиналась зима, порошилъ снѣжокъ, шагъ былъ уже слышенъ, ногу ставили твердо. Когда построились, принесли аналой, вышелъ священникъ въ серебряной ризѣ съ зелеными крестами, твердо стоявшей надъ шеей, скомандовали молитву. Всѣ скинули папахи и взяли ихъ на лѣвую руку. Головы у всѣхъ были стриженыя, лица сѣрыя отъ холода, воротники шинелей отставали. Многіе крѣпко молились. Священникъ отсложилъ молебенъ, всѣ подняли правыя руки со сложенными перстами, стало тихо. Слушая голосъ батюшки, недружно, глухимъ ропотомъ, стали повторять слова присяги.

На четвертый день, на фехтованіи, учили колоть. Плотно набитое чучело было привязано къ рамѣ.

— Впередъ коли! Назадъ прикладомъ бей! — скомандовалъ ефрейторъ.

Онъ былъ рыжій и, несмотря на зиму, веснушчатый. Тимофей плохо сдѣлалъ выпадъ. Ефрейторъ подошелъ и далъ въ зубы.

— Какъ колешь, мать твою такъ! — сказалъ онъ.

У Тимофея во рту стало солоно, онъ поблѣднѣлъ, задохнулся.

— Смирно! На руку! Впередъ коли, назадъ прикладомъ бей!

Блѣдный, съ провалившимися глазами и плотно сжатымъ ртомъ, Тимофей правильно сдѣлалъ выпадъ, вогналъ въ чучелю штыкъ, выдернулъ и съ новымъ обратнымъ выпадомъ, повернувъ голову, вынесъ подвернутую на ходу винтовку.

— Ну, погоди, сука, — сказалъ онъ за обѣдомъ вслухъ, зачерпнувъ ложкой изъ бака кусокъ мяса. — Выйдемъ на фронтъ...

Черезъ нѣсколько недѣль ихъ вывели на плацъ. Полковникъ съ золотыми широкими погонами, въ сѣрой солдатской шинели, объявилъ, что они пойдутъ на позицію, поздравилъ, попрощался, они отвѣтили, и батальонъ погнали на станцію.

На товарной, на пустыя вагонныя платформы длиннаго поѣзда съ паровозомъ, обороченнымъ въ фронтовую сторону, грузили двуколки и походную, на двухъ высокихъ колесахъ, уже дымящуюся кухню. Многіе изъ солдатъ заранѣе дали знать своимъ объ отправкѣ, и на станціи, пока грузились, собралось много мужиковъ и бабъ. Они принесли съѣстное и бутылки съ самогономъ. Бабы выли и замирали. Шелъ мокрый снѣгъ. Тимофей былъ трезвъ. Родня не пріѣхала. Хмурый и злой онъ глядѣлъ на прощанье. Рыжій ефрейторъ остался въ казармахъ, учить вновь прибывшихъ новобранцевъ. Отъ Петрограда пришелъ эшелонъ, съ сибиряками. Стрѣлки были пьяны, въ вагонахъ пѣли, кричали съ злой удалью уже охрипшими, отчаянными голосами.

— Не такъ-то хочетъ сибирякъ войны, — сказалъ Тимофею пожилой мужикъ.

Мужикъ провожалъ сына. Онъ пришелъ съ мо-

лодой и красивой бабой. Ея мужъ, рослый солдатъ, былъ пьянъ и лежалъ въ вагонѣ на сѣнѣ, раскинувъ руки, блѣдный, въ большихъ съ короткими голенищами сапогахъ, въ ватныхъ, съ разстегнутой ширинкой штанахъ. Она смотрѣла на него и плакала.

Сибирскій эшелонъ пошелъ къ фронту.

— Кто крестится, а кто водку въ горло льетъ, — сказалъ мужикъ молодой бабѣ. — А, ну его къ лѣшему! — показалъ онъ на сына, — пойдемъ. Отъ него, какъ отъ мертваго, слова не добьешься.

Въ вагонѣ передъ отправкой всѣхъ пересчитали, закрыли дверь. Когда составъ дернуло, всѣ замолчали, а потомъ запѣли, какъ сибиряки, и одинъ пьяный маленькій курносый солдатъ сталъ плясать, ударяя ложками по голенищамъ.

VI.

Днемъ Назимовъ дремалъ, прикрывая вѣками глаза, не желая, чтобы съ нимъ заговаривали. Темнѣло. Хоронясь и ни на кого не глядя, солдаты начинали ѣсть вынутый изъ торбъ хлѣбъ. Ночью, когда душное тепло шло отъ сырыхъ немытыхъ тѣлъ, Назимовъ слушалъ храпъ рыжаго, съ опухшимъ лицомъ, приваливавшагося къ нему пѣхотинца.

На остановкахъ эшелонъ обступала толпа. Когда откатывали тяжелую, на колесикахъ, дверь, всовывая мѣшки, цѣпляясь и отругиваясь, въ вагонъ лѣзли пѣхотинцы. Паровозъ, выбрасывая опадавшій къ землѣ дымъ, медленно уводилъ эшелонъ въ поля.

На крышахъ ѣхали артиллеристы. Ночью они мерзли, стучали ногами и затихали, когда эшелонъ шелъ черезъ мостъ, когда громыхали желѣзныя полосы и съ рѣчного простора, сдувая въ сторону дымъ, летѣлъ вѣтеръ.

Все дальше отходилъ фронтъ. Тяжело было думать, что тамъ, на братскихъ кладбищахъ — ночь, что Николаевъ и другіе погибли, а онъ ѣдетъ къ матери и радуется, что все позади: и ежедневное ожиданіе смерти, и частыя погребенія, и утренній, въ туманѣ, отраженный лѣсомъ, пулеметный шумъ. Закрывая глаза, онъ чувствовалъ усталое тѣло: расчесанную грудь, натруженный висящимъ на поясѣ гимнастерки тяжелымъ ноганомъ бокъ, икры ногъ, стянутыя голенищами высохшихъ закорузлыхъ сапогъ.

На четвертыя сутки, когда онъ проснулся, вагонъ былъ пустъ. Паровозъ угнали. День былъ сѣрый и теплый. Около полотна, зашнуровывая ботинокъ, нагнувшись, сидѣлъ солдатъ.

— Эй, землякъ, — спросилъ Назимовъ, — что, поѣздъ дальше не пойдетъ?

— Обратно погонятъ.

Когда Назимовъ подходилъ къ станціи, мимо него прошумѣлъ паровозъ. Его прицѣпили, и поѣздъ, пусто погромыхивая, легко пошелъ къ фронту. Онъ узналъ эту станцію. Онъ проѣзжалъ мимо нея, отправляясь съ драгунами на фронтъ. Онъ тогда лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на раскачивающійся подъ стукъ колесъ, привѣшенный къ потолку, съ выдавленной на пузатомъ стеклѣ летучей мышью, фонарь, слушалъ дыханье спящихъ драгунъ, перетаптываніе коней и былъ радъ, что въ вагонѣ пахнетъ деревенскимъ сѣноваломъ, а у него такіе ладно сшитые походные сапоги. Онъ поворачивалъ голову, чтобы видѣть приставленную

къ дверямъ, пришедшуюся по рукамъ, хорошо смазанную винтовку и, какъ мальчикъ, игралъ съ кожанымъ, въ рубчикахъ, темлякомъ шашки, которую онъ и ночью клалъ рядомъ. И то, радостное и новое, что наполняло его, связанное съ войною и молодостью, сдѣлало все необычайнымъ: и чувство снѣга, и паровозные вечерніе свистки, и грузившуюся на станціи батарею. Морознымъ утромъ, съ выпавшимъ за ночь снѣгомъ, эшелонъ остановился передъ этой станціей, и онъ, со сна, простоволосый, въ одной гимнастеркѣ, выскочилъ изъ вагона и побѣжалъ, помахивая котелкомъ, къ баку за кипяткомъ для себя и спящихъ драгунъ. Шпоры позванивали, толстыя новыя подошвы скользили. Онъ бѣжалъ быстро, чувствуя, что вотъ-вотъ поскользнется и упадетъ, а у двери станціи стояли женщина съ дѣвочкой и смотрѣли на него. Дѣвочка улыбалась. Потомъ всю дорогу онъ чему-то радовался, смѣясь, одѣлялъ сахаромъ проснувшихся драгунъ, и, обнявъ одного изъ нихъ за плечи, раскачиваясь, пѣлъ съ нимъ пѣсни. Въ тотъ день поѣздъ шелъ особенно ходко и бодро, снѣгъ былъ особенно бѣлъ и чистъ, и все, что онъ ни дѣлалъ, было радостно и хорошо, вплоть до вечерней, въ сумеркахъ, съ медленно падающимъ снѣгомъ, выгрузки, когда посѣдлали и онъ разобралъ повода, поглядѣлъ на свои вдѣтыя въ стремена ноги и тронулъ коня...

На перронѣ плотно, такъ что видны были только спины, затылки и папахи, митинговалъ батальонъ, а около буфета третьяго класса, сбившись по мужицки въ кучу, на мѣшкахъ сидѣло человѣкъ десять. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій съ края, жидкобородый, худой, въ кавалерійской шинели, всталъ и пошелъ навстрѣчу.

— Савровъ, — удивленно сказалъ Назимовъ.

— А я васъ, взводный, сразу узналъ, — сказалъ

Савровъ. — Ну вотъ и хорошо! А у насъ тутъ партія земляковъ.

На станціи зашумѣли. Назимовъ посмотрѣлъ въ ту сторону. Отовсюду на шумъ уже бѣжали солдаты.

Когда они подошли, блѣднаго, простоволосаго, въ черной шинели начальника станціи вели черезъ линію.

— Товарищи, — срывающимся голосомъ сказалъ онъ, остановившись на колеѣ, — свободнаго состава нѣтъ.

— Иди, — отвѣтили ему, и толпа повалила на запасный путь, гдѣ стоялъ десятокъ новыхъ вагоновъ второго и перваго класса.

— А это что? Мы тебя, сволочь, на рельсахъ растянемъ, — закричали въ толпѣ.

Сбоку вывернулся блѣдный, низкорослый пѣхотинецъ съ черной бородкой.

— Кому бережешь? — сказалъ онъ и ударилъ начальника станціи по лицу.

Тотъ пошатнулся. Солдаты разступились. Пѣхотинецъ, тяжело дыша, обвелъ всѣхъ глазами.

— Не бей, — сказали въ толпѣ, — пусть паровозъ дастъ.

— Я все сдѣлаю, товарищи, — растирая по лицу кровь, сказалъ начальникъ станціи и заплакалъ.

VII.

— Ну теперь держись, земляки, — подбѣгая, весело крикнулъ молодой остролицый солдатъ въ заломленной папахѣ. Онъ вскочилъ на ступеньку вагона, взялся за ручку, но дверь была заперта.

А уже отовсюду, разобравъ свои мѣшки, заваливая ихъ на ходу за плечи, вразсыпную и сбиваясь въ кучи, къ вагонамъ торопились солдаты. Назимовъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, длинный, въ разорванной на плечѣ шинели, снялъ папаху и, надѣвъ ее на руку, смаху ударилъ въ вагонное стекло. Въ толпѣ засмѣялись. Всюду начали бить стекла.

— Такъ не годится, — сказалъ остролицый солдатъ. — Подымай меня, ребята!

Его подхватили, подняли вровень съ окномъ и, подъ смѣхъ, ударомъ тяжелыхъ сапогъ, онъ выбилъ стекло, и оно зазвенѣло, разсыпавшись по вагону.

Послѣднимъ втянули Саврова, Назимова и маленькаго солдата. Улыбаясь, приговаривая, онъ долго запихивалъ свои мѣшки.

— Ну, залѣзъ, слава Богу, — сказалъ онъ, сѣлъ, снялъ папаху и утеръ ладонью лобъ. — Крупу, землячокъ, мамашкѣ везу, — сказалъ онъ Назимову. — Два мѣшка гречневыхъ крупъ. Какъ отправляли — вижу ребята изъ склада таскаютъ. Я въ мѣшки и наклалъ.

— Максимовъ, я земляка нашелъ, — сказалъ Савровъ остролицему солдату. — Съ нами поѣдетъ.

— А пожалуйста, товарищъ, — сказалъ Максимовъ и, не вставая, протянулъ Назимову руку. Они посмотрѣли другъ на друга. У Максимова были острые зеленоватые глаза съ покраснѣвшими отъ безсонницы вѣками. Назимовъ досталъ кисетъ.

— Спрячь, — сказалъ Максимовъ и небрежно протянулъ свой вышитый деревенскій кисетъ. Пока Назимовъ бралъ табакъ, онъ лѣниво, избоченившись, прищурясь, глядѣлъ на него:

— Въ кавалеріи служили?

— Да, — отвѣтилъ Назимовъ.

— Офицеромъ?

— Вольноопредѣляющимся на взводѣ.

Максимовъ замоталъ кисетъ и, уже не глядя на Назимова, отваливаясь въ сторону, пряча кисетъ въ карманъ, сказалъ обращаясь къ маленькому солдату:

— Насъ какъ пихнули въ резервъ — были какія-то переброски — мы тамъ и окопались. Такъ тоже, сами себя грабить стали. Обозъ подѣлили, все подѣлили. Хотите, мальцы, домой? Хотимъ.

— На другихъ фронтахъ, — сказалъ стоявшій въ проходѣ бородатый солдатъ, — армію въ четыре срока распускаютъ.

— Какого бѣса въ четыре, — сказалъ Максимовъ, — теперь солдату только бы до избы добиться.

Савровъ сидѣлъ у окна. Онъ томился, посматривалъ въ окно, поправлялъ папаху и вздыхалъ. Былъ онъ длинношеій, молчаливый, въ большихъ не по ногѣ сапогахъ, черезъ плечо у него висѣла брезентовая сумка съ голубой, пристегнутой къ пряжкѣ эмалированной кружкой.

Прицѣпили паровозъ. Поѣздъ съ запасного пути начали подавать къ вокзалу. У водокачки его встрѣтила толпа и крики. Низко надвинувшіе папахи солдаты совались въ разныя стороны, лѣзли съ мѣшками на крышу и буфера. Въ проходѣ набились плотно, плечо къ плечу.

— А ты что-жъ, Савровъ, безъ мѣшка? — спросилъ Назимовъ.

— Богъ съ нимъ съ этимъ добромъ, — отвѣтилъ онъ. — Эхъ, милый, только бы до дому добраться.

Дернуло, щелкнули буфера. Въ проходѣ заругались.

— Какъ грязью поѣздъ облѣпили, сказалъ Савровъ, — паровозъ не беретъ.

Но паровозъ дернулъ второй разъ, и поѣздъ медленно тронулся. Бѣлое зданіе станціи поплыло въ сторону.

— Эй! — тревожно закричали впереди, — остановите! Человѣка задавило.

Тамъ толпа стояла особенно плотно. Всѣ глядѣли подъ колеса медленно шедшаго вагона. У переднихъ были любопытныя брезгливыя лица. А изъ сосѣдняго окна высунулся по поясъ чернобородый пѣхотинецъ.

— Дальше пускай! — кричалъ онъ яростно и хрипло. — Что тутъ глядѣть! Мы тыщами домой ѣдемъ!

Вышли въ поле, начался вѣтеръ, дымъ стало забивать въ раскрытое окно. Кое-гдѣ чернѣли на взгорьяхъ пашни, но чѣмъ дальше, тѣмъ снѣгъ становился толще и плотнѣе.

VIII.

Въ Ново-Сокольникахъ было бѣло отъ выпавшаго снѣга, и Назимовъ увидѣлъ, какъ грязны и замучены вылѣзавшіе изъ теплушекъ пѣхотинцы. Было пусто. Только впереди стояли три платформы, и около нихъ ходилъ человѣкъ въ зеленой, съ смушковымъ воротникомъ бекешѣ, съ неумѣло заваленной за спину офицерской шашкой.

Первый разъ пѣхотинцы не шумѣли, а сбившись стояли около теплушекъ, изъ которыхъ ихъ

высадили. Отъ паровоза, останавливаясь и присматриваясь, шелъ коренастый, съ голой шеей матросъ. Онъ былъ въ новомъ распахнутомъ полушубкѣ, съ карабиномъ за плечомъ, черные штаны были заправлены въ сапоги съ короткими, какъ у нѣмцевъ, голенищами. Онъ поровнялся — всѣ разступились. Сопровождавшій его солдатъ, забѣжавъ впередъ, отодвинулъ до отказа вагонную дверь.

— Офицера есть?

— Нѣтъ, товарищъ, — отвѣтилъ Максимовъ.

Матросъ заглянулъ въ теплушку, и Назимовъ увидѣлъ его подстриженный въ скобку затылокъ и синеватую, свѣже-выбритую шею. Послѣднимъ шелъ и курилъ хромой, въ начищенныхъ сапогахъ человѣкъ.

— Пишись въ красную гвардію, — посмотрѣвъ на Тимофея, остановившись, сказалъ хромой.

— Мы на мѣстахъ въ свою запишемся, — отвѣтилъ Максимовъ.

День проходилъ. Нагруженныя платформы угнали и за ними открылась пустая даль. Солдаты достали молока и долго хлебали его ложками, сидя въ папахахъ, вокругъ трехъ поставленныхъ на снѣгъ крынокъ.

Было безвѣтрено, сумрачно и тихо, зимнее небо опустилось низко, казалось скоро пойдетъ снѣгъ. Назимовъ смотрѣлъ, какъ по перрону, взадъ и впередъ, ходилъ часовой. Съ фронта не было новыхъ поѣздовъ. Тишина и ожиданіе утомляли. Онъ плохо спалъ и, когда пристально глядѣлъ на снѣгъ, передъ глазами плыли блестящія мушки.

Отъ станціи пришелъ Савровъ. Лицо его было тревожно. Онъ присѣлъ и, разрѣзавъ принесенный хлѣбъ, подѣлился съ Назимовымъ. Онъ ѣлъ

медленно, снялъ папаху, собирая крошки въ ладонь. Назимовъ смотрѣлъ на его лохматую голову, и лицо солдата казалось старше и худѣй. Савровъ выждалъ время и поглядѣлъ по сторонамъ.

— Пойдемъ-ка, — сказалъ онъ Назимову.

Они обогнули эшелонъ и вышли на запасный путь.

— Я за станціей былъ, — сказалъ Савровъ. — Только что изъ уѣзда трое дровней пригнали. Ой, милый, видалъ я, какъ батюшку везли! Только по длиннымъ волосамъ и узналъ. Вѣришь-ли, ряса разодрана, лица не разобрать — такъ битъ. Вся борода въ лѣпняхъ крови. А на двухъ дровняхъ люди веревками связаны, какъ скотъ брошены.

Впереди стоялъ поѣздъ, — почтовый, отведенный на запасный путь и разбитый. Назимовъ сѣлъ на сундукъ, и сжалъ межъ колѣнями руки.

— Плохо, взводный, — сказалъ Савровъ. — Знаешь, двухъ офицеровъ съ нашего эшелона сняли. А Богъ знаетъ, что будетъ!

— Плохо будетъ, Савровъ, — сказалъ Назимовъ и посмотрѣлъ на свои крѣпко сжатыя грязныя, словно чужія руки.

Все притихло. Первыя хлопья снѣга начали опускаться на землю. Савровъ посмотрѣлъ на Назимова. Тотъ сидѣлъ, согнувшись, — засаленный воротникъ шинели отсталъ, открывъ худую, съ впадиной, немытую шею.

— Ну, разъ до Ново-Сокольниковъ доѣхали — дома будемъ, — сказалъ Савровъ. — Никто, какъ Богъ.

Назимовъ поднялъ на него глаза. Лицо его было темно, щеки впали, смятая фуражка была низко надвинута, у висковъ отросли темныя косицы.

Савровъ постоялъ, потрогалъ снѣгъ носкомъ са-

пога и, оставивъ Назимова одного, пошелъ къ станціи. Линія уходила въ поля. Вдали загорѣлся огонь семафора, снѣгъ началъ падать сильнѣе: невысоко надъ головой рождались большіе сѣрые хлопья и медленно ложились на землю. Кругомъ, около разбитыхъ сундуковъ и корзинъ, сотнями валялись вмятыя въ снѣгъ письма. Тѣ, что съ печатями, были вскрыты, а простыя цѣлы.

Около семафора бродилъ паровозъ. Онъ то выпускалъ паръ, то гудѣлъ, то медленно пятился задомъ. Теперь онъ остановился. Съ него соскочилъ машинистъ и подбѣжалъ къ краю насыпи. Сквозь сѣтку падающаго снѣга Назимову отчетливо былъ виденъ паровозъ, семафоръ и остановившійся машинистъ.

Неожиданно тамъ сломался сырой залпъ. Вдали кто-то закричалъ жалобно и протяжно, какъ звѣрь, но крикъ заглушила безпорядочная стрѣльба, отзвукъ которой глухо прошумѣлъ вдали и прокатился по станціи. Раздалось три одиночныхъ выстрѣла. Поднявшійся Назимовъ увидалъ, какъ машинистъ снялъ шапку и перекрестился.

— Разстрѣливаютъ, — подумалъ Назимовъ, съ замираніемъ сердца и той знакомой внутренней, ни съ чѣмъ не сравнимой дрожью. Все было жутко, и пустота, и внезапно зазвенѣвшая въ ушахъ тишина, и сырыя зимнія сумерки. Назимовъ разстегнулъ бортъ шинели и выкинулъ хлѣбъ. Поднялъ полу шинели, онъ вытащилъ изъ кобуры наганъ и сунулъ его за пазуху. Сердце забилось. Онъ передохнулъ, снялъ фуражку, погладилъ волосы и перекрестился. Потомъ медленно, съ похудѣвшимъ внезапно лицомъ, длинноногій, узкій въ таліи, сутулясь, пошелъ къ станціи.

Всѣ сидѣли на мѣшкахъ. Максимовъ вернулся отъ коменданта. Савровъ посмотрѣлъ на Назимова и опустилъ глаза. Они, видно, до него о чемъ-то

говорили. Назимовъ сѣлъ, откинулъ истрепавшуюся полу шинели, положилъ ногу на ногу, досталъ изъ кармана кисетъ и сталъ свертывать. Руки у него не дрожали.

Максимовъ, заминая окурокъ, оглядѣлъ всѣхъ и сказалъ:

— Ну, теперь не разбиваться. Поѣздъ разъ въ трое сутокъ идетъ.

Подогнали паровозъ. Всѣ забрались въ теплушку. Назимовъ залѣзъ послѣднимъ, сѣлъ у двери и обнялъ руками колѣни. Поѣздъ медленно тронулся. Когда онъ вышелъ за станцію, стоявшій за Назимовымъ бородатый солдатъ, указывая на насыпь, сказалъ:

— Вотъ гдѣ они лежатъ.

Всѣ они были полураздѣты. Отъ сумерокъ и потемнѣвшаго снѣга, забрызганное темнымъ бѣлье на ихъ тѣлахъ казалось желтымъ, восковыми — ноги и руки. Одни лежали ничкомъ, уткнувшись въ снѣгъ, другіе подвернувшись на бокъ, и уже чувствовалось, что затоптанный, забрызганный темными клочьями снѣгъ не таялъ подъ ихъ тѣлами.

Стемнѣло. Закрыли дверь. Въ темнотѣ долго молчали. Потомъ Максимовъ запѣлъ. Пѣсня было протяжная, унылая, подъ медленный шагъ пѣхотныхъ полковъ:

Вы послушайте, стрѣлочки,
Я вамъ пѣсенку спою...

Онъ пѣлъ высокимъ голосомъ, приноравливаясь къ ходу поѣзда, пощелкиванью колесъ и дрожи деревянныхъ стѣнъ.

Да ой-ли-и...
Ой-да люли...

Солдаты подхватили. Голоса были хриплые, простуженные. Вагонъ покачивало. Назимовъ зналъ эту пѣсню. Ее пѣвали въ городѣ, гдѣ онъ учился, пѣхотныя роты, возвращаясь съ ученья, пѣли отведенные изъ окоповъ стоявшіе въ резервахъ полки, пѣли все больше по вечерамъ.

Мы три года прослужили,
Ни о чемъ мы не тужили,
Сталъ четвертый наступать, —
Стали думать да гадать,
Какъ бы дома побывать.

— Какъ-бы дома побывать, отца съ матерью видать, — пѣлъ Максимовъ, и сидѣвшій рядомъ Савровъ вздыхалъ.

Назимовъ прижался къ двери. Было темно и никто не видѣлъ его лица. Изъ щелей дуло. Вагонъ покачивало. Онъ шелъ все быстрѣй и быстрѣй.

IX.

Гимназистомъ, онъ подъѣзжалъ къ этой станціи. Вагонное стекло было въ тѣни, отъ него тянуло холодомъ, и широкія морозныя лапы отливали по утреннему синимъ. Вдоль полотна шелъ лѣсъ. Ели въ снѣгу были темныя, рождественскія. Бѣлыя, въ инеѣ, струны падали и поднимались. Заскрипѣвъ, останавливался поѣздъ.

Паровозъ рѣдко вздыхалъ. Восходя по утреннему столбами, весело розовѣлъ его дымъ, тѣни ложились на заиндевѣвшія березы, и березы синѣли. Онъ выскакивалъ, передавалъ ожидавшему его Никитѣ тяжелый отъ пороха и дроби тючекъ и бѣжалъ къ лошадямъ. Лошади обросли шерстью, ноги на бабкахъ стали мохнаты, бока заинѣли. Онъ

надѣвалъ тяжелый армякъ, запахивалъ одну полу подъ правую руку, а вторую на лѣвый бокъ и поднималъ руки. Никита его подпоясывалъ.

Черный паровозъ со свистомъ выпускалъ изъ теплаго нутра бѣлые курчавые усы пара, съ края трубы текли вверхъ прозрачныя струи. Выждавъ, паровозъ вздыхалъ особенно глубоко и, выкинувъ вверхъ клубъ завернувшагося съ краевъ дыма, медленно трогалъ зимній, какой-то усталый поѣздъ. Пустѣла станція, становилось печально, но лошади и Никита напоминали о домѣ.

Съ поѣздомъ уходило все: и городъ и книги. У станціи пахло деревней, по зимнему было очаровательно тихо, онъ садился въ сани, ворочался, чтобы удобнѣе устроиться, и Никита закрывалъ его до пояса полостью.

Полозья, отрываясь отъ снѣга, визжали и легко шли по накатанной дорогѣ. Начиналось бѣлое, чистое, радостное для глазъ поле. Сани потряхивало, льдинки летѣли отъ копытъ и плоско били въ передокъ. Уже клеилось въ носу отъ мороза. Уже попадались встрѣчные. Мужикъ въ рваной шубѣ, стоя на колѣняхъ, гналъ запряженнаго въ дровни конька. Попадался высокій возъ сѣна. Обчесанный и зеленый, онъ плылъ на низкихъ дровняхъ и, опустивъ сзади хвостъ, мелъ дорогу.

На полъ-пути они всегда останавливались въ Боровой. Онъ вылѣзалъ изъ саней и, путаясь въ армякѣ, поднимался на высокое крыльцо, входилъ въ полутемныя, пахнувшія дѣтьми и дымомъ, сѣни. Иванъ, кланяясь, распахивалъ дверь въ чистую половину, гдѣ уже баба Ивана, улыбаясь, накрывала на столъ. У Ивана останавливались всей семьей, когда ѣхали въ городъ. Тогда на лавкахъ были навалены теплыя вещи, мать хлопотала за столомъ, отецъ курилъ, а Иванъ, рыжеватый веселый му-

жикъ, стоялъ около отца, заложивъ за спину руки, поддакивалъ и улыбался...

Назимовъ шелъ, узнавая знакомыя мѣста. Кругомъ было безмолвіе, снѣга, но они были чисты, нетронуты, и это наполнило Назимова тишиною и грустью. Поднявшееся высоко солнце мутно золотило облака, когда вдали показалась Боровая. Онъ обрадованно узналъ большія избы и улицу, на которой пахло жильемъ и печнымъ дымомъ. Онъ поднялся на высокое знакомое крыльцо и, нагнувшись, вошелъ въ черную половину. У печки, на полу, на карачкахъ, въ одной рубашкѣ ползалъ бѣлоголовый мальчишка съ измаранными лицомъ. Жена Ивана сидѣла у задернутой пологомъ постели, качая привѣшенную къ шесту люльку. Самъ Иванъ въ порткахъ и рубахѣ, съ рыжей отросшей бородой, большой и полнотѣлый, стоялъ посреди горницы.

— Здравствуй, Иванъ, — снимая фуражку, сказалъ Назимовъ.

— Здравствуй, — удивленно всматриваясь, отвѣтилъ Иванъ. — Да никакъ Александръ Сергѣичъ? Откуда?

— Съ фронта, — поздоровавшись за руку, сказалъ Назимовъ и, съ замираніемъ сердца, добавилъ: — Ну, какъ вы здѣсь? Какъ въ Засѣкахъ?

— А что въ Засѣкахъ? Чего имъ? Цѣлы, — равнодушно отвѣтилъ Иванъ. Онъ былъ сытый, раздобрѣвшій и увѣренный.

Шумно шли висѣвшіе на бревенчатой стѣнѣ часы съ мѣдными потемнѣвшими гирьками, съ цвѣтами по бѣлому циферблату. Въ избѣ было душно, полъ не метенъ, не подтерта оставленная ребенкомъ лужа. Баба качала люльку и смотрѣла на Назимова. Онъ сказалъ:

— Вотъ хочу попросить тебя, Иванъ, можешь-ли ты до Засѣкъ меня довести?

— У-у, гдѣ, милый мой, теперь довезти, — отвѣтилъ Иванъ и подошелъ къ окну. — Теперь гляди, какъ-бы тебя на дорогѣ не кончили.

— Такъ, — сказалъ Назимовъ, чувствуя тяжесть тепла и шинели. — Такъ. Значитъ, отказываешься?

— Отказываюсь, Александръ Сергѣевичъ, наотрѣзъ отказываюсь.

X.

По промороженному, покрытому неглубокимъ снѣгомъ мху, тянулся скользкій, едва припечатанный полозьями слѣдъ. Солнце освѣщало мутную даль и снѣга. Назимовъ отошелъ съ версту, когда услышалъ ровное потрюхиванье: изъ-за сворота рыжая лошаденка съ заваленной назадъ дугой легко вынесла низкія дровни. Ѣхало двое. Правилъ сидя бокомъ, положивъ на колѣни винтовку свѣтлоусый солдатъ въ папахѣ. Второй сидѣлъ спиной къ коню. Они проѣхали, посмотрѣвъ на посторонившагося человѣка, и Назимовъ пошелъ дальше.

— Эй, товарищъ! — услышалъ онъ окрикъ.

Назимовъ оглянулся. Лошадь стояла, а сидѣвшій сзади солдатъ слѣзалъ съ дровней.

— Въ чемъ дѣло? — подойдя, спросилъ Назимовъ.

— Подай-ка документъ, — коротко и строго приказалъ сидѣвшій въ дровняхъ.

Назимовъ изъ-за рукавнаго обшлага вынулъ удостовѣреніе и протянулъ его стоявшему на дорогѣ солдату.

— Василій, поди-ка сюда, — сказалъ тотъ.

Солдатъ слѣзъ. Онъ неторопливо подошелъ, снялъ рукавицу и, взявъ ее подъ мышку, прочелъ удостовѣреніе.

— Документъ правильный, — сказалъ онъ, глядя на Назимова блѣдно-голубыми холодными глазами. — А вотъ ты срокъ пропустилъ.

— А у тебя не пропущенъ?

— Вѣрно. Пропущенъ, — сказалъ солдатъ, — а все-таки, поѣдемъ въ село. Тамъ разберутъ.

Въ селѣ, передъ школой, были привязаны кони, въ сѣняхъ толкались мужики. Въ классной комнатѣ они стояли тѣсно, толстые отъ надѣтыхъ армяковъ и тулуповъ, говорили и спорили. Было сизо отъ дыма, стоялъ тяжелый запахъ махорки, парты въ углу были составлены до потолка. Солдатъ подвелъ Назимова къ столу.

— Вотъ, товарищи, — глядя на сидѣвшаго за столомъ, плѣшиваго, темнобородаго мужика, сказалъ онъ. — Поймали человѣка, а документъ правильный.

Мужики стихли. Сидѣвшій за столомъ былъ въ темномъ домотканномъ пиджакѣ, носъ у него былъ толстый, пористый, а брови густы. Онъ хмуро поглядѣлъ на Назимова.

— А ну-ка документъ дай, — сказалъ онъ низкимъ съ сипотцей голосомъ. Рука у него была большая, съ прокуренными искривленными ногтями. Онъ взялъ отъ солдата бумажку и такъ же хмуро сталъ ее читать, временами переводя глаза на Назимова. Сидѣвшій рядомъ молодой писарь въ новомъ полушубкѣ, облокотившись на руку, любопытно смотрѣлъ.

— Ты откуда? — положивъ на столъ руки, спросилъ мужикъ.

— Съ фронта.

— Такъ. А чей ты?

Мужики придвинулись ближе.

— Съ Засѣкъ.

— Съ Засѣкъ? — переспросилъ мужикъ. — А кого ты въ Засѣкахъ знаешь?

— Всѣхъ знаю, — громко и зло сказалъ Назимовъ. — Я Сергѣя Петровича сынъ.

— Сергѣя Петровича мы знаемъ, — сказалъ стоявшій ближе всѣхъ маленькій свѣтлобородый мужикъ въ лаптяхъ и чиненномъ полушубкѣ.

— Кто за тебя можетъ поручиться? — спокойно и такъ же хмуро, не снимая рукъ со стола, спросилъ мужикъ.

Всѣ молчали. Назимовъ оглянулся, но не увидѣлъ ни одного знакомаго лица.

— Я за него поручаюсь, — сказалъ, выступая впередъ, мужикъ въ худомъ полушубкѣ.

— Обыскать его надо, — сказали позади.

— А что-жъ меня обыскивать? — уже увѣренно отвѣтилъ Назимовъ. — У меня наганъ есть, — онъ взялся за пазуху, — время теперь: пулю вгонятъ, съ дороги скинутъ, и будешь валяться въ кустахъ.

— Это такъ, — согласился сидѣвшій за столомъ и, обратившись къ писарю, добавилъ: — Ты пропускъ ему напиши!

XI.

Смеркалось, когда онъ подошелъ къ Кудровскому парку съ двумя голенастыми елями. Подувшій вѣтеръ принесъ крѣпкій запахъ гари. Все было

сожжено. Опаленныя деревья чернѣли въ сумеркахъ. Назимовъ поднялъ книгу. Она была старинная, французская, съ смерзшимися, набитыми снѣгомъ страницами. Было тихо, тревожно, нехорошо.

Онъ вышелъ на большакъ. Онъ шелъ быстрѣе, чѣмъ нужно, и уставалъ. Онъ увидѣлъ вырубленный лѣсъ. Отъ него остался десятокъ старыхъ сосенъ. Въ этомъ лѣсу онъ первый разъ поднялъ и убилъ зайца, а вечеромъ, послѣ зари, развелъ костеръ: голубоватый пахучій дымъ отъ затрещавшаго въ огнѣ можжевельника низко ложился надъ ровной и темной поляной, по вечернему пахло цвѣтами, и надъ поляной, какъ надъ спокойнымъ озеромъ, было видно большое, открытое, съ догорѣвшей зарею, небо... Онъ услышалъ, какъ далеко залаяли собаки. — «Ну, слава Богу», — сказалъ онъ, — «разъ собаки лаютъ, — все хорошо».

Ели и березы оберегали садъ отъ вѣтровъ. Садъ выдержалъ морозы, вьюги, его заборъ опустился, яблони казались коротkоствольными и низкими. Небо очистилось. Видны были милыя деревенскія звѣзды. Онъ всегда любилъ, возвращаясь съ поля вечеромъ, смотрѣть на домъ. Домъ деревянный, теплый, позади его — лѣсъ, и если идетъ снѣгъ, то на темной зелени елей, надъ крышей видно медленное его паденье, если тихо — виденъ сѣрый, едва примѣтный, поднимающійся изъ трубы дымъ.

XII.

Печь весело, по утреннему потрескивала. Въ комнатѣ пахло березовыми дровами и яблоками. Когда онъ проснулся, снѣгъ за окномъ уже сильно блестѣлъ.

Вчера, придерживая рукою абажуръ лампы, онъ оглядѣлъ комнату и увидѣлъ, что въ ней все такъ-же, по старому. На стопкѣ книгъ лежала найденная имъ на дорогѣ подкова съ двумя загнувшимися гвоздями, про которую онъ уже забылъ. Онъ все вспоминалъ съ нарастающей любовью и нѣжностью. Печь была протоплена, одѣяло открыто, полушубокъ лежалъ въ ногахъ, и на столикѣ у постели стоялъ старинный съ мѣдной ручкой подсвѣчникъ и лежали его гимназическіе часы. У образа теплилась лампада. Такъ-же Спаситель въ одной рукѣ держалъ раскрытое Евангеліе, а правой, тонкой, съ сложенными перстами, благословлялъ. Вчера Назимовъ подошелъ къ окну. Свѣтъ упалъ на снѣгъ и онъ увидѣлъ ту же рябину. Осенью, по утрамъ его всегда будили дрозды. Они шумѣли, перелетая съ яблонь на рябину, и клевали тронутыя утренникомъ гроздья. Зимой подъ окнами клали снопы овса. Ихъ заносило снѣгомъ, а по утрамъ прилетали синицы и сойки. Онъ поставилъ лампу, перекрестился, сѣлъ на край постели, и медленно сталъ раздѣваться. Онъ легъ, замеръ, закрывъ глаза, и тотчасъ же почувствовалъ, что все медленно начало опускаться, все поплыло въ легкомъ головокруженіи... Но онъ не упалъ, а съ забившимся сердцемъ открылъ глаза и почувствовалъ всю невыразимую сладость отдыха, мягкой постели, холодныхъ льняныхъ, пахнущихъ можжевеловыми ягодами, простынь, свое освѣженное водою, свободно дышащее тѣло. Его тѣло наполнила легкая зыбь, словно черезъ тѣло все струилось, протекало, и черезъ этотъ прозрачный, куда-то уносившій потокъ — медленное и ровное движеніе отдыхающей крови — онъ слушалъ тишину дома, ходъ лежащихъ на столикѣ часовъ, шопотъ матери въ столовой, медленные мягкіе шаги отца. Онъ увидѣлъ, какъ, отворивъ мордой дверь, въ комна-

ту просунулся Задай, поднялъ лапу и прислушался. «Задай, обратно», — сказалъ отецъ, и лягашъ потянулся назадъ и скрылся. Мать заглянула въ спальню. Она поцѣловала его въ лобъ, присѣла на край кровати и взявъ его руку, сказала: «Какой ты худой и темный сталъ, Саша...»

Вода въ кувшинѣ была со льдинками, и, когда онъ ее наливалъ, онѣ съ шумомъ ударялись о дно таза. Въ наполненной утренней дремотой столовой, гдѣ, отъ неостывшихъ за ночь печей, еще держалось ровное тепло, было солнечно, и она казалась веселой и просторной. Кофейникъ былъ придвинутъ къ его прибору, а въ стаканъ положенъ сахаръ и серебряная съ витой рукояткой ложка. Въ домѣ было тихо, отецъ спалъ. Радуясь солнцу, теплу, чистой скатерти, свѣжему хлѣбу и блеску ножа, онъ густо намазалъ масломъ и творогомъ ломоть чернаго хлѣба. Творогъ былъ свѣжій и солоноватый. Онъ прибавилъ еще творогу и, держа хлѣбъ въ рукѣ, неумѣло налилъ кофе. Въ столовую заглянула бѣловолосая дѣвченка. Онъ поманилъ ее къ себѣ.

— Гдѣ Дарья Федоровна?

— Легла отдохнуть, — сказала она. — Приказала разбудить, когда ты проснешься.

— Ты ее не буди.

Онъ прошелъ въ прихожую, взялъ полушубокъ, фуражку и вышелъ на кухню.

Уже горѣла печь, дрова то пострѣливали, то шипѣли, огонь лизалъ чугунъ, въ которомъ ключемъ кипѣла вода, подворачивая маленькія картошки. Дѣвчонка, вытянувъ изъ подъ печки лукошко, выпустила куръ съ запекшимися отмороженными гребнями, насыпала на полъ овса, и куры, пачкая полъ, весело задробили носами.

Въ сѣняхъ подошелъ лягашъ.

— Здравствуй, Задай! — сказалъ Назимовъ. — Что глупый? Лапу!

Задай сѣлъ, ему было лѣнь, онъ посмотрѣлъ на Назимова и забилъ по полу хвостомъ.

— Лапу!

Задай, дрожа и облизываясь, поднялъ свою согнутую мокрую лапу. Назимовъ пожалъ ее, потрепалъ Задая по мордѣ и далъ ему сахару.

На крыльцѣ Назимовъ прищурился и прикрылъ рукой глаза. Все сверкало. Дулъ мягкій вѣтеръ, по небу шли облака.

— Сашенька съ фронта пріѣхалъ — сказала стоящая у крыльца Наталья. Улыбаясь широким смуглымъ, съ бабьими тонкими морщинами у глазъ и углов рта лицомъ, она подошла къ Назимову. — Ахъ, родименькій нашъ, — пѣвуче сказала она, — а какъ-же мы ждали! Время теперь, Сашенька, настало плохое, поговариваютъ, что новыхъ въ Засѣки посадятъ, — она вздохнула и поправила выбившіеся изъ подъ платка волосы. — Да вотъ и вчера были съ волости, говорили: кто будетъ служить господамъ, тѣхъ изъ волости выгонятъ.

— Такъ ты-то будешь служить, Наталья? — спросилъ Назимовъ.

— Не буду, милый, — ласково отвѣтила она, — придется подняться.

Изъ собачьей будки, волоча цѣпь, вылѣзъ Бурка. Назимовъ пошелъ къ нему. Въ будкѣ была примята старая солома, около нея въ снѣгу валялась большая желтая кость. Глиняная чашка была вылизана до блеска.

— Вотъ гдѣ хозяинъ-то, — снова радостно сказал Назимовъ, стараясь отстегнуть цѣпь отъ скользкаго сыромятнаго ошейника. Песъ радостно вилялъ и, когда отстегнутая цѣпь упала въ снѣгъ, кинулся въ сторону и сталъ кататься въ снѣгу.

XIII.

День былъ бодрый. Снѣгъ блестѣлъ на взгорьяхъ, мягкій вѣтеръ шелъ по вершинамъ, и тонкія чистыя вѣтви яблонь легко шумѣли. На солнце находили крѣпко сбитыя вѣтромъ облака.

Около молодыхъ укутанныхъ яблонь Назимовъ увидѣлъ слѣды. Зайцы играли и на клумбѣ; на шипахъ розъ осталась сѣрая шерсть.

Песъ былъ темнолапый, чутья у него не хватало, онъ бѣжалъ, обнюхивая снѣгъ, кружился и, остановившись, вопросительно глядѣлъ на Назимова. Онъ катался по снѣгу, а потомъ, вскакивая, раздвигалъ лапы и отряхивался такъ, что на немъ ходила вся шкура. Былъ онъ простъ, грубъ и радовался, что его спустили съ цѣпи. Его густая шерсть маслянисто отливала подъ солнцемъ, по вѣтру отъ него пахло псиной.

Подъ вѣтромъ освобожденно шумѣлъ садъ. Отъ гряды елей шелъ важный и долгій шумъ. Ели были высокія, прямыя. Отливая на солнцѣ зеленымъ блескомъ, раскачиваясь, ходили темныя, тяжелыя отъ смолистой иглы лапы.

Назимовъ, въ легкомъ полушубкѣ, едва поспѣвалъ за собакой. Онъ выломалъ жидкій орѣховый прутъ и то пробовалъ его гибкость, то, обдирая прутъ до зелени, сѣкъ имъ снѣгъ. Когда на солнце набѣгали облака, онъ останавливался и смотрѣлъ, какъ, проходя по солнцу, они серебрились изнутри, какъ тепло озаряло ихъ край. Тѣнь бѣжала полемъ и садомъ, а потомъ солнце снова освѣщало яблони, сѣрый заборъ, и сверкали снѣга.

Лѣсныя ели шумѣли, какъ рѣка. Отъ лѣса свѣжо пахло смолой. Назимовъ остановился. Большое плотное облако надолго закрыло солнце. Собака

забѣжала впередъ. Въ полѣ она стояла сторожко, поднявъ правую лапу. Шерсть распушило, былъ виденъ свѣтлый подшерстокъ. Съ набѣжавшей тѣнью все сразу по деревенски стало сѣрымъ, унылымъ, и поля, и бурые кусты, и сожженое Кудрово.

Онъ вспомнилъ, какъ въ Засѣки лѣтомъ наѣзжалъ кудровскій хозяинъ, выбритый коренастый сухой офицеръ, веселый, съ загорѣлымъ лицомъ, съ обтянутой кителемъ спиной, съ тонкими пальцами маленькихъ сильныхъ рукъ. Назимову нравилось его ласковое добродушіе, сдержанность и рѣзкіе повороты крѣпкой головы. Входя въ домъ, онъ отстегивалъ и ставилъ въ уголъ свою шашку съ пристегнутыми къ рукояткѣ замшевыми перчатками. Онъ позволялъ Назимову вытягивать изъ ноженъ широкій отпущенный клинокъ съ долгимъ, не доходящимъ до конца желобкомъ. Назимовъ дышалъ на него, смотрѣлъ, какъ съ зеркала стали сходитъ туманъ, пробовалъ пальцами остріе, а потомъ вкладывалъ его обратно, и шашка легко скользила по ножнамъ и, войдя, щелкала мѣдью. Капитанъ Львовъ пріѣзжалъ съ женой и худенькимъ блѣднымъ мальчикомъ, одѣтымъ въ матроску. Въ церкви Назимовъ смотрѣлъ, какъ капитанъ молился. Онъ пріѣзжалъ въ орденахъ, съ золотой пластинкой подъ воротомъ мундира, къ которой былъ припаянъ накладной двуглавый орелъ. Онъ стоялъ очень прямо, а то опускался на одно колѣно и молился, склонивъ голову, прикрывая рукою глаза.

Облако выросло. И оттого-ли, что онъ вспомнилъ покойнаго капитана, оттого-ли что шумѣлъ боръ, отъ вѣтра-ли или пустого снѣжнаго поля, Назимову стало печально. Онъ потрепалъ собачью шею и вздохнулъ. Ему захотѣлось на люди.

Свернувъ на дорогу, онъ пошелъ къ скотному двору. Дверь была открыта. Онъ увидѣлъ, какъ

черезъ порогъ, перенося большую сѣнную корзину, шагнулъ мужикъ.

— Здорово, Никита! — радостно сказалъ Назимовъ.

— Здорово, Александръ Сергѣичъ, — отвѣтилъ мужикъ, поставилъ корзину, обтеръ руку объ полушубокъ и поздоровался. Онъ былъ средняго роста, съ лицомъ побитымъ рѣдкой оспой, съ русой бородкой. Маленькіе, подъ свѣтлыми бровями, глаза глядѣли хитро. Онъ всегда усмѣхался. И теперь, переступивъ съ ноги на ногу, Никита, усмѣхаясь, молча ждалъ, что скажетъ Назимовъ.

— Ну, какъ?

— Да что-жъ, братъ Сергѣичъ, — отвѣтилъ Никита, — дѣла худыя.

— Чѣмъ-же худыя? Вѣдь свобода.

— Да что-бы лѣшій взялъ свободу эту, — сказалъ Никита, усмѣхнулся и оглядѣлъ съ головы до ногъ стоявшаго противъ него, веселаго, съ хлыстомъ, въ разстегнутомъ полушубкѣ Назимова. — Вотъ что, Сергѣичъ, — помолчавъ, медленно началъ онъ, — я старику твоему не сказалъ, а тебѣ скажу. Теперь, самъ знаешь, землю подѣлили, хозяйства общее. Такъ вотъ какое дѣло. Вчера были съ волости. Меня просили въ Засѣкахъ за старшаго быть.

— Ну, что-же ты? — спросилъ Назимовъ. Онъ пересталъ улыбаться и, наклонивъ голову, по отцовски, исподлобья глядѣлъ на мужика.

— Я что, — отвѣтилъ Никита и отвелъ глаза, — я говорилъ: я служить барину служилъ, а старшимъ становиться не буду.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ Назимовъ, — какіе бы порядки ни настали, ты отца обижать не будешь?

— Да что ты, Сергѣичъ! За что-жъ обижать? — взявшись рукой за грудь, сказалъ Никита.

XIV.

Въ комнатѣ отца было сумрачно отъ сѣраго неба и остро пахло старостью и табакомъ. Онъ сидѣлъ у окна, положивъ на ручки кресла руки, и его большая, съ спутанными сѣдыми волосами голова, замѣтно дрожала. Онъ выслушалъ все, не проронивъ ни слова, медленно поднялъ на сына усталые глаза и сталъ смотрѣть въ окно. Тамъ стояли голыя яблони, да покачивали вершинами ели.

— Подлая страна, — тихо сказалъ онъ, — подлый народъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Черный, запорошенный теплой сажей паровозъ, часто и шумно выбрасывая дымъ, медленно тянулъ вагоны. Тимофей Максимовъ сидѣлъ въ дверяхъ теплушки. Сторона была солнечная, и его обогрѣло. Уже шли знакомыя мѣста. То открывалось ровное болото, то снова тянулись заросли сосенъ, кривыхъ березъ и голой, съ черными шишками, ольхи. Подъ насыпью шла баба въ поршняхъ. Обмотанныя чистой холстиной ноги были перекрещены ремешкомъ, новый полушубокъ былъ узокъ въ плечахъ, но широкъ и толстъ на заду. Шла она, легко переступая, хорошо обутыми ногами, и отставала отъ мелькающихъ вагоновъ.

У полустанка, гдѣ виднѣлись покрытыя снѣгомъ полѣнницы, поѣздъ остановился. Тутъ, по лѣсному, пахло снѣгомъ, и хороши были росшія вдоль линіи полностволыя, прямыя, въ черныхъ чистыхъ рубцахъ по шелковистой корѣ, березы. Тимофей зналъ эти мѣста. Въ пятнадцати верстахъ жилъ отецъ.

Когда набравшій дровъ паровозъ тронулъ поѣздъ, Тимофей уже былъ далеко. Онъ шелъ лѣснымъ проселкомъ. День былъ теплый, сквозь негустыя березовыя вершины видны были проходив-

шія по солнцу желтоватыя облака. Съ поля шелъ прохладный и чистый вѣтеръ.

Въ верстѣ, за полустанкомъ, передъ деревней, на бугрѣ, стояли три, съ чехлами на дулахъ, пушки. Кони отдыхали, постромки были опущены. Верховой на рыжемъ лохматомъ конѣ что-то кричалъ, а ѣздовые помогали конямъ тащить на бугоръ четвертую, безъ надульнаго чехла пушку. Она была на половинѣ подъема. Спѣшившіеся артиллеристы, взявшись за уздечки, помогали худымъ, выгибающимъ шеи конямъ: одни замахивались, другіе подкладывали подъ колеса измочаленные кругляши, всѣ кричали и, подъ крикъ, кони вытащили пушку на гору.

— Какой бригады, товарищъ? — спросилъ Тимофей ѣздового въ порванной снизу шинели.

— Вся пятая армія отступаетъ.

— Развѣ нѣмецъ сюда идетъ?

— Эвоно! — отвѣтилъ насмѣшливо тотъ, — когда Двинскъ то сдали! Не сегодня-завтра Псковъ займетъ.

Деревня была съ большими избами. На широкой улицѣ стоялъ нераспряженный пѣхотный обозъ, и у повозокъ не было часовыхъ. Тимофей толкнулся въ крайнюю избу. Въ ней было душно, на полу вповалку спали обозники. Въ другой избѣ онъ нашелъ хозяйку. Спустившись въ погребъ, она вынесла ему каравай хлѣба и горшокъ молока.

Онъ поѣлъ въ тишинѣ и покоѣ. Баба перебирала тряпки и шерстяные, вываленные на лавку изъ лукошка, мотки.

— Какой сегодня день, мамаша?

— Четвергъ, милый, — отвѣтила она.

Тимофей, вздохнувъ, сталъ переобуваться. Онъ скинулъ сапоги, которые не снималъ больше недѣ-

ли, и ему стало тяжело. Онъ досталъ изъ мѣшка казенную рубаху и, разодравъ ее, обернулъ ноги.

Попрощавшись, онъ вышелъ на улицу, и его снова обрадовало деревенское небо, и крыши избъ. За околицей онъ увидѣлъ пару сѣрыхъ, запряженныхъ въ пулеметную двуколку коней. Отвязавшись они вышли за околицу, лѣвый конь запутался, наступивъ на вожжу. Свернувъ съ дороги, они стояли, понуро глядя на снѣгъ.

— Ахъ ты, дуракъ, — сказалъ Тимофей, подойдя къ запутавшемуся коню и, нагнувшись, захватилъ ногу у копыта. — Вотъ такъ-то дуракъ, — добавилъ онъ, когда худой сѣрый конь послушно поднялъ ногу. Онъ освободилъ коня, и ему стало весело. — А что! — неожиданно подумалъ Тимофей, и у него радостно завело дыханіе. Въ деревнѣ было тихо, въ полѣ пусто. Онъ прислушался, а потомъ, подобравъ вожжи, вскочилъ на двуколку...

II.

Къ городу онъ подъѣзжалъ на закатѣ. Кони были голодны и тяжело тянули. Густое желтое солнце стояло надъ полемъ, телеграфные столбы уходили въ даль, тлѣли струны, черезъ дорогу переносило сухой снѣжокъ. Черныя связанныя заборами избы пригорода низко сидѣли въ снѣгахъ, кривыя окна горѣли огнемъ заката. По шоссе въ городъ шли войска. Кони мотали головами, солдаты, въ папахахъ, по мужицки неторопливо брели сбоку повозокъ. Шинели и кони порыжѣли отъ заката, солдаты казались рыжебородыми и кареглазыми. Тимофей выѣхалъ къ рѣкѣ. По небу разлилась желтая заря, на другомъ бере-

гу, надъ потемнѣвшей, окруженной деревьями церковью, взлетая и садясь на вершины, шумѣли галки. Темнѣло, но выходившіе на рѣку дома не зажигали огней. Спускавшійся съ длиннаго холма городъ былъ теменъ, и только надъ площадью свѣтился куполомъ соборъ.

Пять верстъ отъ города кони прошли шагомъ. Изба отца была крайняя. Тимофей остановилъ коней передъ старыми высокими воротами и спрыгнулъ. Калитка была закрыта. Онъ звякнулъ нѣсколько разъ желѣзнымъ кольцомъ и заглянулъ въ окно. Мать подошла, поглядѣла на него и не узнала. Тимофей услышалъ, какъ отецъ, хлопнувъ, дверью, вышелъ изъ сѣней на дворовое высокое, поскрипывающее отъ мороза крыльцо, спустился по износившейся отъ ходьбы лѣстницѣ и сердито отодвинулъ ржавый засовъ. Въ накинутомъ на плечи полушубкѣ, онъ всматривался, загораживая входъ.

— Ты, что-ль, Тимка, — удивленно сказалъ отецъ. — А я думалъ, солдатъ на постой.

За калиткой они обнялись и поцѣловались.

— Принимай добро, — сказалъ Тимофей.

— Добро-то добро, — осмотрѣвъ коней и двуколку, вполголоса сказалъ отецъ, — а стоитъ ли Тимъ? Нѣмцы придутъ, будетъ плохо.

Мать стояла на крыльцѣ и прислушивалась. Она сначала не узнала сына. Потомъ торопливо, спустившись на дворъ, она подбѣжала и, захвативъ Тимофея за рукава шинели, прижалась къ нему головой, плоской грудью и заплакала. Онъ, какъ былъ въ папахѣ, нагнувшись, поцѣловалъ ее въ щеку.

— Куда повозку дѣнешь? — спросилъ отецъ.

— Устроимъ, — спокойно отвѣтилъ Тимофей.

Онъ вышелъ на улицу. Все было тихо, въ избахъ давно погасили огни. Высыпали звѣзды, снѣгъ начиналъ похрустывать. И подъ звѣзднымъ свѣтомъ и вечерней синевой еще зимнихъ, но уже тронутыхъ весной небесъ мирно дышала деревня. Въ чистомъ, охлажденномъ воздухѣ чувствовался запахъ хлѣвовъ и избъ. Тимофей подалъ коней съ двуколкой задомъ, завернулъ и поѣхалъ за деревню. Онъ распрягъ коней, бросилъ повозку на дорогѣ, взялъ пулеметъ въ охапку и, проваливаясь по колѣна, отнесъ его въ кусты, кинулъ, забросалъ снѣжкомъ, и, выбѣжавъ на дорогу, потоптался, стряхивая съ сапогъ снѣгъ, и поглядѣлъ на выходившій мѣсяцъ.

III.

Мать Тимофея долго не могла заснуть. Всю ночь по дорогѣ черезъ деревню шли солдаты и везли тяжелое. Передъ зарею въ городъ потянулись мужики. Она опустила съ постели ноги, нащупала валенки, обулась и подошла къ обмерзшему съ краевъ окну. Мужики были дальніе, ѣхали порожнякомъ, ихъ кони заинѣли отъ ночного мороза.

Тимофей спалъ на полу, накрывшись съ головой тулупомъ. Посмотрѣвъ на него, она сняла съ постели свое одѣяло и, прикрывъ имъ босыя ноги сына, побрела въ темныя промерзшія сѣни, гдѣ у стѣны стоялъ деревянный ларь. Въ ларѣ она хранила полотна, шерсть и рубахи. Сверху, подъ тяжелой суровой холстиной, лежали лакированные Тимошины сапоги, синій витой, съ разсыпчатыми шелковыми кистями поясъ и голубая рубашка, въ которой онъ гулялъ въ послѣдній разъ. Она вынула изъ голенищъ сапогъ шерстяные мотки, за-

сунутые туда, чтобы лакъ не потрескался, и унесла одежду въ избу. Рубашку она положила на лавку, а на нее — свернутый поясъ. Она разгладила кисти, и шелкъ цѣплялся за ея огрубѣвшую ладонь.

Она сѣла на лавку и вспомнила, какъ осенью Тимофея забрали на военную службу, какъ онъ, прощаясь, гулялъ, какъ потомъ ей пришлось смывать кровь съ голубой рубашки. Въ ту осень, въ дождь онъ прiѣхалъ съ своего хутора, съ Замошья, вмѣстѣ съ женой Варварой. Она заплакала, посмотрѣвъ на скучное лицо сына, и стала накрывать на столъ. Она поставила щи со свининой, два теплыхъ, съ намасленной коркой, закрытыхъ полотенцемъ, пирога, а отецъ принесъ бутылку отзывающагося гнилымъ хлѣбомъ самогона. Въ избѣ Тимофей открылъ привезенный деревянный сундучекъ и надѣлъ праздничную голубую рубаху. Старикъ, захмелѣвъ, сталъ разговорчивъ, а Тимофей хмурился. Въ избу пришли новобранцы, пять человѣкъ, все одногодки. Тимофей надѣлъ новое пальто, синюю блестящаго сукна фуражку и вышелъ съ ними на улицу. Они прощались, заходили въ избы, и ихъ угощали. Они обошли всѣхъ и начали гулять по деревнѣ. На войну угоняли и гармониста, худого сутуловатаго парня съ бумажной розой, воткнутой за козырекъ фуражки. У него на плечѣ, на широкомъ ремнѣ, висѣла тяжелая старая гармонiя. Шелъ дождь. Улица была широкая, мощеная, но изъ избъ никто не выходилъ, только дѣвки и ребятишки глядѣли изъ оконъ. Къ проводамъ всѣ привыкли, изъ каждой избы кто-нибудь ушелъ на войну. Гулять было обидно. Тимофей былъ уже сильно во хмелю. Она, боясь за него, вышла за ворота и стояла, накинувъ платокъ. Бревна избы снизу почернѣли, съ соломенной крыши капало. Тимофей шелъ обнявшись съ двумя мальцами, пошатываясь, его лицо заострилось и

поблѣднѣло, онъ нарочно изъ подъ фуражки выпустилъ прядь волосъ. Когда дождь пошелъ сильнѣе, изъ сосѣдней избы выбѣжала жена гармониста, силой отобрала гармонію и унесла ее въ избу. Всѣмъ стало зло и скучно. Тимофей, остановившись посередь дороги, сталъ привязываться къ гармонисту. Его успокоили и заставили поцѣловаться съ хмурымъ сутуловатымъ мальцемъ. Когда разговоры покончили и пошли дальше, Тимофей ударилъ гармониста по лицу. За того вступились. Тимофей былъ не твердъ на ногахъ и отъ удара упалъ въ грязь, потерялъ фуражку и разбилъ губу. Она подбѣжала, когда его поднимали. Его грудь была въ грязи. Онъ смотрѣлъ исподлобья, угадывая, кто ударилъ. — «Пойдемъ, Тимоша, пойдемъ, сынокъ», — говорила она, взявъ его за руку. Выдернувъ руку, онъ поглядѣлъ на нее узкими и злыми глазами. На него надвинули фуражку и, крѣпко схвативъ подъ руки, повели. Когда онъ подошелъ къ кучѣ камней, что были свалены для починки шоссе, то вырвался и нарочно грудью упалъ на камни. Его подняли, а онъ, нагнувъ голову, упрямо прижималъ обѣими руками къ груди захваченный съ дороги угловатый булыжникъ... Онъ очнулся въ избѣ. Смеркалось. Варвара сидѣла у окна и плакала, пьяный старикъ спалъ. Тимофей лежалъ поперекъ кровати, и она, подставивъ лохань, изъ ковша поливала его разсѣченную голову. Розовая съ кровью вода стекала съ прямыхъ потемнѣвшихъ волосъ, и, не говоря ни слова, стиснувъ зубы, онъ, поматывая головой, глядѣлъ въ воду...

Печь была растоплена, справившійся въ городъ отецъ ушелъ на дворъ запрягать, когда Тимофей проснулся. Онъ надѣлъ не голубую рубашку, какъ думала мать, а новую гимнастерку. Мать поглядывала на него, но онъ былъ хмуръ и молчаливъ. На-

пившись чаю, онъ вышелъ во дворъ, гдѣ отецъ запрягалъ вороного. Въ это утро Тимофею все казалось скучнымъ и, не поговоривъ съ отцомъ, онъ вышелъ за калитку.

Поле подъ солнцемъ играло морозомъ, день былъ ясный, тянулъ вѣтеръ, на улицѣ пахло навозомъ и дымомъ. Во второмъ дворѣ слѣва открыли ворота, и на улицу, стоя на колѣняхъ въ дровняхъ, выѣхалъ парень въ тулупѣ и солдатской папахѣ.

— А, Тимоша! — сдерживая коня, сказалъ онъ, — вернулся!

Тимофей неторопливо подошелъ къ поспѣшно скинувшему рукавицу парню, и они поздоровались.

— Куда справился?

— Въ городъ, — оглядывая новую, съ двумя карманами на груди гимнастерку, отвѣтилъ парень. — Туда до зари всѣ мужики потянулись. Сегодня армейскій складъ разбивать будутъ.

— А знаешь что, — неожиданно сказалъ Тимофей, — и я поѣду.

Сразу повеселѣвъ, онъ побѣжалъ на дворъ. Запряженный въ дровни вороной стоялъ головой къ воротамъ. Отецъ поднимался на крыльцо.

— Послушай! — окликнулъ его Тимофей. — Вотъ что, — сказалъ онъ, когда отецъ спустился. — Ты запрягай кобылу, а на ворономъ я поѣду.

Отецъ нахмурился и хотѣлъ что-то сказать.

— Да брось ты свое разсужденіе! — раздражаясь, сказалъ Тимофей. — Я дѣло говорю. Сегодня армейскіе склады разбивать будутъ.

Онъ вбѣжалъ въ избу, поспѣшно надѣлъ шинель, захватилъ съ печки связку веревокъ, оглядѣлся, думая, не забылъ-ли чего и, не сказавъ ни слова матери, побѣжалъ на дворъ, застегивая на ходу шинель, загремѣвъ по лѣстницѣ тяжелыми сапогами.

IV.

На площади стоялъ ярморочный гулъ. На площади густо ходила толпа. Въ ней больше всего было крѣпко подпоясанныхъ мужиковъ, въ ольховаго, бѣлаго и орѣховаго цвѣта тулупахъ. Среди нихъ были вернувшіеся въ деревню, снявшіе обмундированіе солдаты, которыхъ можно было узнать по глазамъ и квартировавшіе въ городѣ артиллеристы въ длинныхъ шинеляхъ, въ мягкихъ черныхъ фуражкахъ. Стоялъ ровный гулъ, какъ послѣ удара колокола. На площади видна была деревянная трибуна съ перилами, на ней что-то краснѣло. Человѣкъ въ черномъ, то отшатывался отъ перилъ, то, схватившись за нихъ руками, нагибался къ толпѣ. Оттуда долеталъ хриплый, смѣшанный, быстро выдыхающійся крикъ.

Надъ всѣмъ возвышался соборъ. Бѣлый, съ высоко высѣченными окнами, онъ стоялъ посрединѣ, и изъ его тѣла, крестомъ на всѣ четыре стороны выходили каменныя лѣстницы крытыхъ притворовъ съ гранитными, темнаго блеска колоннами. И зеленая, опрокинутая чашей крыша, и куполъ казались сухими отъ ночного мороза. Соборъ былъ освѣщенъ съ рѣки. Сѣверная сторона была темна и морозна, а вверху, въ ясномъ синемъ небѣ, съ бѣлыми, уносимыми вѣтромъ облаками, дробилось золото крестовъ и рѣзко бѣлѣло словно вытесанное изъ снѣга, ребро колокольни.

Тимофей поставилъ коня у соборной стѣны. Базаръ былъ маленькій. Торговалъ латышъ. Мимо него, посмѣиваясь, проходили мужики, а онъ спокойно покуривалъ свою трубку, стоя около обшитыхъ лубомъ саней.

— Максимовъ!

Тимофей повернулъ голову. Крикнулъ знакомый мужикъ. Поднятый воротъ его новой шубы стоялъ выше шапки. Онъ ѣхалъ въ розвальняхъ стоя.

— Здорово, Петръ! Какъ живешь?

— Да, слава Богу. Вотъ видишь, по большимъ дѣламъ справился, — останавливая коня, посмѣиваясь, сказалъ Петръ.

—Что, склады откроютъ?

— Должны открыть. Съ увозомъ-то маленько запоздали.

— Ай! — сказалъ Тимофей, — а развѣ что слышно?

— А то слышно, что нѣмецъ подъ Псковомъ.

— Такъ, — сказалъ Тимофей и покачалъ головой. — Значитъ, завтра къ намъ. Веселое дѣло.

— Да, ужъ на что веселое!

Позади закричали. Петръ поправивъ вожжи, тронулъ. Оставшійся на мѣстѣ Тимофей прислушался. Круглый, сиповатый говоръ былъ слышенъ вездѣ.

— Подо Псковомъ идетъ, а, Боже мой! — быстро говорилъ худой мужикъ въ черной шапкѣ, — и на лошадяхъ и пѣшкомъ тащатъ. Валенки, полушубки за керенку идутъ. Такъ разовъ семь возьметъ и богатъ...

Неподалеку кавалеристы продавали коней. Одинъ изъ нихъ въ шинели до шпоръ, въ казацкой шашкѣ, гонялъ верхомъ. Мужики торговались, смотрѣли; а одинъ изъ нихъ уже велъ въ поводу рыжую кобылу, и она шла опустивъ костлявую голову, тяжело поднимая копыта. Верхом, безъ сѣдла гарцовалъ на артиллерійскомъ конѣ цыганъ и, скаля зубы, подбадривалъ коня кнутовищемъ и каблуками.

— Какъ торгуютъ! — съ восхищеніемъ сказалъ стоявшій въ толпѣ мѣщанинъ. — Все продаютъ, подлецы!

V.

Василій Максимовъ ѣхалъ верхней улицей. По дорогѣ онъ встрѣтилъ знакомаго мужика, и тотъ сказалъ, что на этой недѣлѣ сожгли Кудрово. Кудровская земля принадлежала старухѣ Львовой. Тамъ старый домъ былъ совсѣмъ гнилой, а новый, за пять лѣтъ до войны, рубила знакомая плотниничья артель. За постройкой смотрѣлъ пріѣхавшій изъ Пскова сынъ старухи офицеръ Львовъ. Онъ самъ вымѣрялъ мѣсто, самъ выбиралъ деревья въ лѣсу, приказалъ перенести изъ стараго дома вещи, каждый годъ пріѣзжалъ на лѣто съ женой и сыномъ, но не долго пожилъ. На третій годъ войны, лѣтомъ, въ іюльскую жару, черезъ деревню провезли его гробъ. Впереди шла ломовая телѣга, запряженная большимъ воронымъ конемъ, на ней стоялъ большой, изъ сосноваго теса длинный ящикъ. Вдову вели подъ руки мать покойнаго, сухая строгая старуха съ карими горячими глазами, и молодой офицеръ. За деревней подвода свернула на большакъ, и вышедшія за околицу бабы долго глядѣли, какъ въ іюльскихъ хлѣбахъ уплывалъ деревянный ящикъ, и на нивы сносило тяжелую пыль...

Василій арендовалъ у Львовой пустошь. Теперь земли были подѣлены, и Василій не платилъ аренды. Но время было нетвердое. Изрѣдка, въ базарные дни, пріѣзжая въ городъ, онъ ставилъ на львовскомъ дворѣ коня и заходилъ поклониться.

Свернувъ съ верхней улицы, Василій остановился передъ двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ. Лѣтъ сорокъ назадъ, во время пожара, онъ одинъ

уцѣлѣлъ, защищенный садами, желѣзной крышей и толстыми стѣнами. Онъ стоялъ на горѣ.

Василій прошелъ во дворъ и поднялся наверхъ по большой каменной лѣстницѣ. Изъ столовой къ нему вышла Львова. Она была въ коричневомъ широкомъ платьѣ.

— Здравствуй, барыня, — сказалъ Василій и поклонился. — Вотъ заѣхалъ сказать, что ваше Кудрово сожгли.

VI.

До вокзала было полторы версты. Выглаженная полозами дорога сверкала, обметенный вѣтрами полевой снѣгъ загорался металлическимъ блескомъ полдня. Тимофею попались встрѣчные. Мужики везли ящики съ консервами, тюки гимнастерокъ и бочки свиного сала. Мѣщанка съ сыномъ несла ведро патоки. На ней былъ солдатскій полушубокъ, а на мальчишкѣ новая шинель.

Слѣва сквозилъ ольховый лѣсокъ, а за нимъ темнѣли построенные городкомъ военные склады. Поле было порѣзано санными слѣдами. Дулъ веселый и сильный вѣтеръ. Вокругъ городка скопился таборъ. Быстро и легко подъѣзжали порожніе, нагруженные возы направлялись прочь. За версту были слышны крики, ржанье и тяжелые удары.

Тимофей свернулъ. Рядомъ, къ военному городку, бойко бѣжала маленькая, въ веревочной сбруѣ лошадь. Невысокій, крѣпкій, какъ столбъ, мужикъ стоялъ на дровняхъ, разставивъ ноги и часто покрикивалъ. Его грязная солдатская папаха была надѣта прямо, драный полушубокъ туго перетянутъ ремнемъ.

— Всѣ къ городку ѣдутъ, — крикнулъ онъ, обернувъ къ Тимофею избитое оспой, заросшее клочковатымъ свѣтлымъ волосомъ лицо. — Поѣдемъ и мы!

Дровни поровнялись. Онъ казался хмельнымъ. Маленькіе каріе глазки маслянисто блестѣли.

— Ну и народу! Весь снѣгъ затоптали! Кто ломаетъ, кто рветъ, кто во дворъ, кто со двора, а никакъ не пробиться!

— Много за утро набралъ? — спросилъ Тимофей.

— Какое, милый! Развѣ это много? Первый разъ штаны солдатскія взялъ, второй разъ пріѣхалъ — одно желѣзо бѣлое. Бѣсъ, вотъ я duракъ-то! взялъ цѣлый возъ желѣза бѣлаго на ведра... Съ версту отвезъ, зарылъ и вся недолга!

Навстрѣчу отъ городка сѣдобородый старикъ катилъ селедочную съ ржавыми обручами бочку. Шапка спустилась ему на глаза, онъ усталъ, онъ то подталкивалъ бочку ладонями, то, выпрямляясь, толкалъ ее обутой въ лапоть ногой.

— Много везутъ, — сказалъ Тимофею мужикъ. — Всѣ деревни пустыя. А съ вокзала солдаты съ орудіями отступаютъ. Нехорошо! Нѣмецъ близко, а тутъ такая форменная грабиловка затѣяна. Боже мой, вотъ грѣхъ-то!

— А самъ справился, — смѣясь, погоняя коня, сказалъ Тимофей.

— А какъ-же милый, — насмѣшливо глядя ему въ глаза, отвѣтилъ мужикъ, — и я оглядѣлся!...

Было за полдень, когда Тимофей возвращаясь домой, ѣхалъ городской окраиной, закрывъ ши-

нелью тяжело нагруженный возъ. Вмѣсто шинели на немъ былъ новый, съ сыромятными завязками полушубокъ. Городъ пустовалъ, солнце освѣщало низкіе дома съ толевыми и красными крышами. Только у воротъ одного дома стоялъ маленькій, въ высокой каракулевой шапкѣ купецъ. Увидавъ Тимофея, онъ погрозилъ:

— Эй, малецъ, — крикнулъ онъ. — Попадешься!

Дорога шла подъ гору. Тимофей вскочилъ на задокъ саней, поправилъ папаху, и сани такъ сильно и весело пошли внизъ, что у него вѣтромъ распахнуло полы новаго полушубка.

VII.

Анастасія Михайловна опустилась въ кресло и надѣла очки. На столѣ лежала развернутая Библія. Опирая ее о край стола, она въ полслуха начала прерванное чтеніе. Ей шелъ семьдесятъ второй годъ: гладко причесанные на прямой проборъ волосы отливали желтизной, широкіе рукава прямой старинной кофты прикрывали усталыя, морщинистыя руки.

Первыя слова, всегда смирявшія ее, какъ церковная тишина, были горестны. Придерживая Библію, она правой рукой сняла очки.

— Господи, — подумала, она, — въ какое время приходится жить.

Библія была древняя, въ дубовомъ, обтянутомъ кожей переплетѣ. На титульномъ, цвѣта старой слоновой кости листѣ, темнѣли крупно напечатанныя имена погребенныхъ и истлѣвшихъ: царя, ца-

рицы и патріарха. Подъ началомъ киноварныхъ буквъ узкими столбцами текли славянскія бурыя строки. Отмѣтки, начертанныя на поляхъ дѣдомъ, выцвѣли и водянисто порыжѣли. Какъ земля почернѣлъ обрѣзъ, съ шорохомъ отходилъ листъ отъ листа. Отъ листовъ пахло воскомъ и зрѣлой землей.

Межъ страницъ лежали легкіе ландыши, розы, жасмины и прямые, въ тончайшемъ плетеньи рыжихъ жилокъ, прозрачные кленовые листья. Лепестки розъ крошились. Ландыши отцвѣли въ свой срокъ въ псковскомъ бору, одервянѣли розы, корни жасминовъ стали садовой землей.

Библія была въ цвѣтныхъ закладкахъ: бабкина, парчевая — серебряныя травы по зеленому полю и любимая материнская — голубая съ бисерной вышивкой, и дѣвичья темно-синяя лента изъ косы. Ее Анастасія Михайловна положила въ день своей свадьбы. Среди закладокъ была алая анненская лента сына, снятая имъ съ темляка послѣ японской войны.

Въ шестнадцатомъ году, въ товарномъ вагонѣ, привезли его гробъ. Мертваго лица она не увидѣла. Офицеръ передалъ ей письма, изломанные, на красной подкладкѣ золотые погоны и потемнѣвшую икону Нерукотвореннаго Спаса, величиною съ ладонь.

На деревенскомъ кладбищѣ она не плакала. Ея сухое, темное, съ поджатыми морщинистыми губами, съ сѣдыми волосами на подбородкѣ лицо было сурово, глаза высохли. Во всемъ темномъ, она стояла съ внукомъ. Нагорное кладбище осѣняли старыя сосны. Въ зной, во время похоронъ, аисты, запрокидывая головы, трещали костяными клювами. Лицо Ольги опухло отъ слезъ, она уже не могла плакать и держала у рта, подъ крепомъ,

платокъ. Когда мать всхлипывала, у Сережи начинала склоняться голова съ худенькимъ затылкомъ. Анастасія Михайловна клала правую руку на плечо внука, и онъ выпрямляясь оглядывался на нее влажными сѣрыми глазами.

Послѣ смерти сына она часто ходила на загородное кладбище той дорогой, по которой ее скоро понесутъ. Она знала, что впереди поѣдетъ телѣга съ дрожащими еловыми вѣтвями, мужикъ будетъ скидывать ихъ на дорогу, за городомъ у кирпичныхъ воротъ ее встрѣтитъ рѣдкій кладбищенскій звонъ и причитанія простоволосыхъ нищихъ.

Она полюбила кладбище, какъ свою дубовую рощу, какъ домъ, который нужно обжить. Кладбищенская мощенная дорожка ведетъ къ церкви. Кругомъ старыя ели, березы, много въ вершинахъ гнѣздъ. Недалеко отъ входа, налѣво — чугунныя, свисающія съ каменныхъ столбовъ цѣпи — ладыгинское купеческое мѣсто. Межъ обшитыхъ дерномъ могилъ — гранитный крестъ. Приходя сюда, она опускалась на колѣни и, припадая лбомъ къ могильной землѣ, молилась за родителей. Она хозяйственно-грустно слѣдила за могилами, приносила цвѣты своего сада: резеду, анютины глазки и сажала ихъ, разрыхляя землю рукой. Городъ далекъ, въ оградѣ — береза съ низкимъ навѣсомъ вѣтвей. Начиная съ весны, ландыши развертываютъ на могилахъ темныя трубки. Лѣтомъ на могилахъ растетъ чистотѣлъ, съ полными оранжеваго сока стеблями. Лѣтомъ въ березовой листвѣ поютъ птицы. Вечеръ, церковно-кладбищенская служба, за березами — ровный и тихій зарѣчный закатъ. Вздохами доноситъ пѣніе изъ открытыхъ церковныхъ оконъ, по могиламъ — женщины и дѣти. Осенью съ березы падаетъ зубчатый листъ, старые обросшіе мхами стволы темнѣютъ отъ дождя, въ развилинахъ сучьевъ чернѣютъ галочьи,

грачиныя гнѣзда, церковь съ золотыми мокрыми звѣздами на потемнѣвшемъ куполѣ по осеннему легко стоитъ среди прохладныхъ вершинъ.

На прошлой недѣлѣ, въ субботу, она шла по присыпанной рѣчнымъ пескомъ тропинкѣ и замерзшіе комки, хрустя, распадались подъ ея ногами. Снѣгъ былъ выкиданъ за ограду, счищенъ съ зеленой скамьи. Было пусто, тихо, вороны стряхивали снѣгъ. Анастасія Михайловна сидѣла и думала, что скоро межъ родительскихъ могилъ опустятъ ея гробъ. Она знала эту землю, запомнила съ материнскихъ похоронъ: отъ березы идутъ корни, ихъ тогда обрубили и измочалили лопатами, сверху слой земли черноватый, на днѣ — слежавшійся сухой песокъ...

А въ домѣ стояла та утренняя тишина, когда въ большихъ комнатахъ только три человѣка и одинъ изъ нихъ, самый младшій, еще спитъ. Солнце шло по южной стѣнѣ къ его окну, въ столовой неторопливо подрагивали часы, маятникъ за стекломъ игралъ золотымъ переходящимъ блескомъ.

Безъ внука было-бы одиноко въ этомъ старомъ и большомъ домѣ. Съ вечера онъ сказалъ, что перваго урока не будетъ. Эту зиму мальчики занимались днемъ, а гимназистки вечеромъ. Въ женской гимназіи стоялъ военный лазаретъ.

Послѣ смерти отца Сережу поселили у бабушки. Ольга жила въ деревнѣ, въ небольшой оставшейся послѣ отца усадьбѣ. Вначалѣ Сережѣ было скучно безъ матери и друзей. Онъ сидѣлъ дома, и рисовалъ. Анастасія Михайловна отвела ему угловую южную солнечную комнату съ большимъ письменнымъ столомъ и книжнымъ шкапомъ. Онъ снесъ въ нее всѣ книги, перетаскалъ съ чердака пыльныя связки старыхъ журналовъ, гдѣ-то отыскалъ старинный, съ мѣдной ручкой тесакъ и повѣсилъ его

на волчью, подбитую синимъ сукномъ шкуру. Анастасія Михайловна, радуясь, наблюдала, какъ онъ вьетъ въ ея домѣ гнѣздо.

Къ нему начали забѣгать пріятели. Они катались съ горъ, ходили на катокъ, въ лѣсъ на лыжахъ, лазили на стѣны старой крѣпости, что на островкѣ, и строили на дворѣ свою, снѣжную, съ круглыми полѣшками вмѣсто пушекъ. Они готовили для боя кучи снѣжковъ, стругали деревянныя сабли, выпиливали щиты, рисовали на нихъ цвѣтными карандашами гербы и съ крикомъ воевали въ глубокомъ снѣгу большого сада.

Ему недавно исполнилось пятнадцать лѣтъ. Анастасія Михайловна боялась за его юность, ее пугала очень слабая окраска овальнаго, съ припухлыми по дѣтски губами, лица, нервность, влажность печальныхъ сѣрыхъ глазъ.

Часы пробили половину. Нужно было его будить. Анастасія Михайловна прошла въ гостиную. Кружевныя занавѣси голубѣли, какъ иней, большой коверъ мягко цвѣлъ красновато-бурымъ узоромъ. И отъ лежащаго на полу, падавшаго изъ четырехъ высокихъ оконъ солнца въ гостиной по утреннему было радостно, свѣтло, и солнце отражалъ черный блескъ голаго рояля и прозрачный холодокъ стеклянной двери въ прихожую.

VIII.

Сережа лежалъ, открывъ глаза, съ ладонью подъ щекой. Онъ проспалъ и досадовалъ. Вчера, поздно вечеромъ, онъ взялся за алгебру, но глаза слипались, въ комнатѣ хорошо на ночь протопили, и онъ рѣшилъ выучить все на свѣжую голову. Проснув-

шись, онъ разрѣшилъ себѣ поваляться въ постели еще пять минутъ.

Стрѣлка маленькихъ, висѣвшихъ на стѣнѣ часовъ успѣла пробѣжать цѣлый кругъ. Сережа, вздохнувъ, крѣпко потянулся и легъ на спину. Слегка закружилась голова. Онъ сдѣлалъ утомленное лицо и подумалъ: хорошо-бы заболѣть. И ему показалось, что онъ немножко боленъ, голова несвѣжа, ее трудно приподнять съ подушки. Потолокъ дѣлался мутнымъ. Это не потолокъ, а рѣка, и по ней плыветъ размолотый весенній ледъ.

— Сережа, — сказала, входя въ комнату, Анастасія Михайловна.

— Да, бабушка, — отвѣтилъ онъ вялымъ голосомъ.

— Пора, милый, вставать.

— Знаешь, мнѣ что-то нездоровится.

Она внимательно посмотрѣла на внука и положила руку на его лобъ. Сережа вздохнулъ и полузакрылъ глаза.

— Значитъ, въ классъ не пойдешь?

— Нѣтъ, бабушка.

Онъ лежалъ очень смирно. Лобъ былъ теплый, какъ у каждаго мальчика пятнадцати лѣтъ, долго остающагося утромъ въ постели. Она осмотрѣла комнату и сказала:

— Ты всегда книги бросаешь открытыми. То-то у тебя въ головѣ ничего не держится.

Въ комнатахъ снова стало тихо, на стѣну упало солнце, часы чуть позванивали, въ нихъ сворачивались и разворачивалась нѣжная пружина. Вотъ такъ же, годъ тому назадъ, онъ лежалъ въ постели и медленно выздоравливалъ. Градусникъ тогда скатился съ постели и упалъ. Ртуть собрали и отдали ему. Онъ каталъ живое серебро разбивалъ его на

маленькія, играющія блескомъ, капли, сливалъ ихъ въ одну большую, и она, медленно текла тяжело переливаясь. Его кормили бульономъ и цыплятами. Изъ деревни пріѣхала мать. Она долго обогрѣвалась въ столовой, онъ слушалъ издалека словно незнакомые голоса, задремалъ, а очнулся — она положила на его голову руку, и вотъ — легче, легче, и совсѣмъ легко. Вечеромъ дверь комнаты открыли, и она играла для него на рояли. Онъ закрывалъ глаза и видѣлъ на клавишахъ ея руки, золотое кольцо, ея тяжелыя, собранные сзади волосы и поднятую на черной подставкѣ крышку рояля. Словно онъ стоялъ рядомъ, слушалъ и глядѣлъ на голыя струны. Снизу выскакивали замшевые зайцы, ударяли въ струны и испуганно падали.

Днемъ его перевели въ гостиную, на диванъ. Большія окна, два высокихъ зеркала въ простѣнкахъ и овальное — въ золотой рамѣ надъ роялемъ. Солнце, крышка рояля похожа на черное озеро, большая раковина прижимаетъ заворачивающійся темнымъ свиткомъ уголъ ковра, и вся она изъ теплаго розоваго перламутра, завита и таинственно отвернутъ слойчатый полупившійся край. Ему принесли накопившіеся за время болѣзни журналы и стопки приложеній въ цвѣтныхъ бандероляхъ. Костянымъ ножемъ онъ разрѣзалъ страницы, и на одѣяло сыпались бѣлые бумажные хлопья. Ему купили переводныя картинки и старинные пожелтѣвшіе листы съ турками и замотанными въ плащи бедуинами. Одинъ, въ тишинѣ, онъ разворачивалъ, разглаживалъ руками листы, любовался тонконогими шоколадными конями и алыми фесками. Краска была густа, блестяща, цвѣтныя радужныя крупинки проступали на оборотѣ. Переводныя картинки были покрыты голубовато-бѣлымъ налетомъ. Осторожно, поглядывая за работой пальцевъ, не довѣряя себѣ, онъ отгибалъ смо-

ченный водой уголокъ. И вотъ рождалась очаровательная, яркая и влажная зелень круглаго дерева, такого выпуклаго и сіяющаго на кремовомъ листѣ.

Онъ рѣзалъ картонажи, наминая пальцы. И какія слабыя у него были руки, какъ быстро уставали, онъ ихъ съ ножницами клалъ отдыхать на одѣяло, закрывалъ глаза и лежалъ, чувствуя въ ногахъ пріятное бремя книгъ. За усталостью приходилъ сонъ.

Вечеръ, все убрано, круглый столъ покрытъ темной скатертью, а на немъ — похожая на маленькаго аиста лампа, на розовой мраморной ногѣ. Мать съ книгой въ креслѣ. Ея подбородокъ, колѣни и руки тепло освѣщены блѣднымъ шелковымъ абажуромъ. Пріоткрывъ глаза, онъ слѣдитъ за ней и любуется. Ему хорошо, она не знаетъ, что онъ проснулся, а онъ все видитъ. Вотъ она подняла голову и посмотрѣла. Теперь онъ прикрылъ глаза, началъ ровно дышать, боясь, что она замѣтитъ, какъ у него дрожатъ рѣсницы.

Приносятъ чай, сухари и вазочку съ вареньемъ. Въ ней вишни безъ косточекъ, съ отстающими набухшими шкурками, на днѣ — вишневыя зерна. За окномъ все темнѣе и темнѣе, въ его комнатѣ топятъ печь, пылятъ сосновой эссенціей, въ домѣ пахнетъ свѣжо, по лѣсному, и воздухъ кажется зелено-янтарнымъ.

Зима, мать въ Голышевѣ, онъ поправился, а на дворъ еще не пускаютъ. Онъ рисуетъ въ большой тетради все, что вздумается. Вотъ подскочила и встала на хвостъ пушка, дымъ относитъ, высоко разорвалась махровая шрапнель. Солдаты идутъ впередъ. Одни преслѣдуютъ, другіе отступаютъ. Бѣглецовъ надо спасать. Онъ велъ ихъ лѣсомъ къ рѣкѣ, сажалъ въ лодку, плылъ съ ними черезъ весь листъ къ морю. Для моря онъ бралъ сразу двѣ страницы, рисовалъ броненосецъ, по бортамъ —

пушки, на носу — развѣвающійся флагъ. Въ него стрѣляли съ берега, снаряды ложились, разбрызгивая снопами воду, большой и острый рвалъ броненосецъ пополамъ. Люди ползли къ бортамъ, прыгали внизъ, плыли, схватившись за опрокинутыя шлюпки, а офицеры тонули, стоя на мостикѣ, отдавая честь. Вода крутилась большой затягивающей воронкой. Хорошо было погибать, глядя на зеленое пустое море, на голубое небо, на бѣлыхъ, печально кричащихъ, чаекъ. Вцѣпившись застывшими руками въ снасти, опутавшія сломанную мачту, онъ долго, изнемогая, носился по волнамъ. Его выкидывало на берегъ острова. На островѣ было великолѣпно: въ устьѣ прѣснаго ручья — бархатныя рыбы, по песчанымъ золотымъ отмелямъ — панцырныя, съ змѣиными головками черепахи, рощи пальмъ со стволами, покрытыми ананасной корой, съ зелеными, шелковистыми на вѣтру вѣерами, въ скалахъ — яйца птицъ, въ пескѣ — рогатыя лиловыя раковины. Можно купаться, ходить голымъ, жечь костры изъ бамбука и пальмовыхъ вѣтвей, разбивать о камни опутанные рыжими волосами кокосовые орѣхи, добывая бѣлое молоко, и спать на пескѣ.

Онъ бралъ сумку съ патронами и свѣжими финиками, закидывалъ за плечо ружье и отправлялся открывать новыя мѣста. На днѣ лазурной бухты, въ тихой водѣ, голыми кустами росли алые кораллы, изъ норы, шевеля рябиновыми усами, выползъ омаръ, по песку, средь нѣжныхъ, покачивающихъ лепестками, похожихъ на астры цвѣтовъ, загребая гребенчатой лапкой, съ раковиной на спинѣ, переползалъ рачекъ.

На скалахъ снѣжной пѣной разбивались волны, соленая пыль летѣла въ лицо. Онъ шелъ, прорубая ліаны, онъ ползъ по рыжимъ камнямъ, слушалъ, припадая ухомъ къ землѣ. Лѣсная поляна! Зажавъ

ружье, онъ замиралъ въ кустахъ. Стадо тонконогихъ козъ, похожихъ на маленькихъ жеребятъ-сосунковъ, паслось у ручья, поднявъ коротенькіе хвостики, милыя полосатыя зебры пили сладкую воду. Колючіе острорылые кабаны, разрывая клыками дернъ, повизгивая, лакомились большими бѣлыми луковицами. Онъ ихъ не трогалъ. Онъ возвращался. Солнце склонялось, надъ моремъ разливался вечерній закатъ, волны безсильно подкатывали и, запѣнившись, ложились у брега, а онъ, одинокій, гордый человѣкъ, стоялъ на скалѣ, глядѣлъ въ морскую пустынную даль и на его глаза набѣгали слезы.

Выросшій и похудѣвшій за время болѣзни, онъ подходилъ къ окну. Смеркалось. На подоконникѣ бѣлѣлъ сухой зернистый снѣгъ. Поднявъ голову, онъ видѣлъ ласточкино неровно слѣпленное гнѣздо, холодное и голое, какъ замерзшая въ безснѣжную зиму глинистая дорога. Сѣрый пушекъ на немъ дрожалъ подъ вѣтромъ. Вдали — поля, еловый лѣсъ, заваленные снѣгомъ кусты. Тамъ все по вечернему, очень грустно синѣетъ. Колоколъ ударитъ въ монастырѣ за рѣкой, а онъ стоитъ, смотритъ, дышитъ на стекло и выписываетъ вензеля...

IX.

Онъ умылся, разгладилъ волосы на косой проборъ и убралъ постель. Онъ посмотрѣлъ на часы: урокъ алгебры шелъ къ концу. Въ большомъ классѣ солнце и тишина. Александръ Ивановичъ въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ плотный, съ восковымъ лицомъ, нѣжнымъ румянцемъ во всю щеку, слегка раздвоеннымъ кончикомъ хрящеватаго носа, протираетъ платкомъ пенснэ и смотритъ

поверхъ головъ водянисто-сѣрыми глазами. Вотъ онъ заложилъ золотую проволоку за ухо, цѣпочка пенснэ правильно повисла, его глаза остры и пристальны. Всѣ ждутъ. А за окномъ — солнце, снѣгъ, рѣка, на каткѣ — гимнастики, слышенъ скрипъ проходящаго по улицѣ военнаго обоза. Въ училищномъ корридорѣ Андрей уже вынулъ изъ-за борта мундира, съ котораго онъ давно снялъ колодку съ крестами и медалями, толстые серебряные часы. Слѣдующій урокъ — рисованіе. Въ классѣ на черной доскѣ повѣшенъ гипсовый, съ отколотымъ краемъ орнаментъ. Дежурный раздаетъ синія тетради. Сережину положили на пустое мѣсто. Нервный худощавый учитель остановился передъ окномъ и, самодовольно прищурившись, подкручиваетъ тонкій усъ. А въ чистыя окна видны легкія вершины деревьевъ, что переросли церковныя главы. Черезъ дорогу въ кругу высокихъ липъ стоитъ церковь Покрова съ блѣдной иконописью на кремовыхъ стѣнахъ. Всѣ сидятъ вольно, подогнувъ ноги, широко разложивъ локти. Всѣ веселы, скоро большая перемѣна, игра въ снѣжки, а после четвертаго урока всѣхъ распустятъ...

Какъ тихо и одиноко послѣ полудня въ большомъ домѣ. Медленно идутъ часы, медленно переходитъ по стѣнѣ солнце. Какъ скучно смотрѣть черезъ двойныя зимнія стекла на открытое небо и солнечный блескъ!

Вчера, поздно вечеромъ, съ горы, по дорогѣ, на большихъ мужицкихъ саняхъ катались реалисты старшихъ классовъ и гимназистки. Внизу, по главной улицѣ, рѣдко отступали войска, ворота дворовъ были открыты настежь, въ домахъ погашены огни. Слегка дуло съ рѣки, морозъ отпустилъ, высыпали мутноватыя звѣзды. Снѣгъ на горѣ не скрипѣлъ, на спускѣ онъ былъ хорошо накатанъ. Эта тишина и мягкость напоминали масленичные дни, когда под-

кова, пробивая рыхлый снѣгъ, ударяетъ о камень, санки легко потряхиваетъ на ухабахъ, на раскатахъ, сдирая снѣгъ, они сползаютъ къ панели, и далеко слышно недружное побрякиванiе бубенцовъ. Одна изъ дѣвочекъ спорила лѣнивымъ и упрямымъ голосомъ, а семиклассница, Паля Бжезовская, рыженькая, съ большимъ ртомъ, очень громко смѣялась. Наконецъ, всѣ усѣлись, успокоились и замолчали. Но сани сразу не пошли. Ихъ оттащили очень далеко отъ спуска. Снѣгъ на горѣ былъ глубокъ. Тишину нарушилъ дружный смѣхъ и женскiе голоса. Одинъ изъ реалистовъ вскочилъ и началъ подталкивать сзади.

— Ну, теперь держись! — крикнулъ онъ, вспрыгнулъ и схватился за чьи-то плечи.

— Съ дороги! Съ дороги! — весело закричала Паля, и тяжело нагруженныя сани легко пронеслись мимо Сережи. Они докатились до переѣзда, ихъ мягко задержалъ глубокiй снѣгъ. Сначала всѣ сидѣли молча, словно ожидая, что вотъ-вотъ сани пойдутъ дальше, а потомъ снова засмѣялись и долго изъ-за смѣха не могли встать. Сережа отошелъ на панель. Старшеклассники полубѣгомъ тащили сани въ гору, а Паля то и дѣло садилась и заставляла себя везти. На полдорогѣ реалисты остановились передохнуть, а Паля сняла гимназическiй беретъ, встряхнувъ головой, поправила волосы и надѣла беретъ по мальчишески, набекрень.

— Господа! — полнымъ и счастливымъ голосомъ сказала она. — Который часъ? Вѣдь въ городѣ осадное положенiе.

Вѣтеръ совсѣмъ затихъ. Сережа стоялъ у забора и думалъ, что скоро появится мѣсяцъ, на него мелкими жемчужными яблоками пойдутъ облака, за покосившимся заборомъ сада на заискрившiеся снѣга упадутъ отъ деревьевъ легкiя тѣни, а ночью,

когда всѣ уснутъ, въ тишинѣ медленными хлопьями начнетъ падать снѣгъ. И то, что на дорогѣ смѣялись, и всѣмъ было радостно, усиливало его одиночество. Ему было грустно, что онъ не видѣлъ Валю, хотя встрѣчаться съ ней было томительно и страшно. Онъ стоялъ у забора, горько и сладостно вспоминая ея лицо, а вдали, въ зарѣчной темнотѣ былъ виденъ одинокій огонь...

Онъ побродилъ по комнатѣ и зашелъ въ прихожую. На бурыхъ, съ гладкими концами лосиныхъ рогахъ висѣли шубы. Надѣвъ фуражку, отворивъ дверь, онъ вышелъ на лѣстницу и тихо поднялся на чердакъ, гдѣ на полу, густымъ мягкимъ слоемъ, лежала сухая, сильно промерзшая пыль, гдѣ пахло голубиными гнѣздами, и было полутемно, какъ въ покинутой башнѣ. Вверху, перекрещивались балки, кирпичныя трубы уходили въ темноту, окна глядѣли башенными дозорными глазами. Стекла оконъ были затканы паутиной, стекла были въ грязныхъ брызгахъ, залетѣвшихъ съ крыши во время осеннихъ дождей. Но какъ прекрасенъ казался черезъ эти пыльныя стекла солнечный день! За женскимъ монастыремъ, въ поляхъ ослѣпительно сверкали снѣга, зеленъ и свѣжъ былъ молодой сосновый лѣсокъ. И даже здѣсь чувствовалось, какъ крѣпко и сильно дуетъ въ тѣхъ поляхъ февральскій вѣтеръ. А по рѣкѣ, словно по вѣтру, другъ за другомъ, легкимъ обозцемъ торопливо гнали санки мужики, а вдали маленькіе, запряженные по двое кони, едва перебирая ногами, тянули маленькую пушку.

Сережа вынулъ раму и вылѣзъ на крышу. Свѣжо пахло февральскимъ садомъ. Здѣсь легко дышалось и весело думалось. Снѣгъ въ желобахъ былъ грязноватъ отъ печного дыма. По гребню крыши ходила галка. Она каждый день таскала изъ сада сучья, сносила ихъ въ трубу, а по утрамъ разгули-

вала и чистила о снѣгъ носъ. По утрамъ въ домѣ топили, и ей было слишкомъ тепло отъ печного дыма въ своемъ бархатномъ отъ сажи гнѣздѣ.

X.

Съ темнотой все затихло. Въ домахъ плотно занавѣсили окна. Когда онъ спустился на главную улицу, въ окнахъ аптеки по старому, удивительно радостно, сіяли два прозрачныхъ шара. Реальное училище было освѣщено. Въ немъ по вечерамъ занималась женская гимназія. Свѣтъ изъ оконъ падалъ черезъ дорогу, на припорошенную площадку, гдѣ у ограды церковнаго парка стояли пушки.

Въ январѣ выпало много снѣгу. Онъ тяжело легъ на крыши и отогнулъ водосточные желоба. Въ теплые вечера оползали многопудовые пласты и сыро бухали, разбиваясь о тротуаръ. Къ февралю дорога стала пухлая и высокая. Передъ реальнымъ училищемъ всегда бились артиллерійскіе кони, скользили подковы, хрипло кричали ѣздовые, кони то натягивали, то отпускали постромки, и пушки ныряли въ сыпучемъ, какъ песокъ, разболтанномъ копытами снѣгу.

На Рождествѣ еще горѣлъ на Соборной площади высокій фонарь. Каждый вечеръ его заправлялъ управскій сторожъ. Фонарь, поскрипывая, ползъ по дрожащимъ проволокамъ вверхъ, наливаясь по пути свѣтомъ, а остановившись, ровно сіялъ, освѣщая выходящее на площадь зданіе Управы, въѣздъ на мостъ и извозчиковъ. Въ февралѣ уже не было извозчичьей стоянки, фонарь не зажигали, и въ городѣ стояла глухая деревенская темнота.

Въ этотъ вечеръ церковный паркъ былъ тихъ, вершины липъ скрыты темнотой. И была въ этотъ

вечеръ таинственная прелесть въ цвѣтныхъ шарахъ аптеки, въ размятомъ, по масляничному, дорожномъ снѣгу, въ мягкой тьмѣ за рѣкой. Оставляя городъ, неслышно уходили войска, а въ нижнемъ этажѣ училища, гдѣ окна были заклеены матовой бумагой, занимался пятый классъ гимназіи, и на стеклахъ были видны мягкія тѣни склоненныхъ къ партамъ дѣвичьихъ головъ. Въ залѣ шла спѣвка. Сережа слушалъ голоса и слегка заглушенные дребезжащіе звуки училищнаго рояля.

Ему казалось, что совсѣмъ недавно было Рождество. За нимъ зашелъ Костя Николаевъ. Небо было въ колючихъ звѣздахъ, отъ сухого мороза поскрипывалъ снѣгъ. Бабушка только что подшила новый воротничекъ, и къ нему не привыкла шея. На тѣлѣ прохладно скользило свѣжее бѣлье, тѣло по праздничному было легкимъ и веселымъ. Они подошли къ дому Николаевыхъ. Костя сказалъ:

— Знаешь, Львенокъ, къ намъ придетъ Валя Турчина.

Толстый кокосовый половичекъ у входа былъ весь въ снѣгу. Съ освѣщенной лѣстницы спускалась дорожка, прижатая къ каждой ступени желѣзнымъ прутомъ. На верху, около бѣлой двери, у Сережи забилось сердце.

Въ прихожей, уже висѣли гимназическія шубки съ заткнутыми въ рукава теплыми платками, на полу стояли калоши взрослыхъ съ мѣдными, приколотыми къ краснымъ пяткамъ буквами, женскіе ботинки, а среди нихъ Валины, съ сѣрой мѣховой оторочкой. Дверь въ залу была открыта. Полъ блестѣлъ, темныя по вечернему окна отражали елочные огни. Пахло мандаринами, хвоей и принесеннымъ съ мороза мѣхомъ. Худой, затянутый поясомъ, румяный отъ волненія и мороза, съ пятью серебрянными до полгруди пуговицами, Сережа во-

шелъ въ залу, все увидѣлъ словно сквозь прозрачную воду, подошелъ къ Николаевой, шаркнулъ ногой, поцѣловалъ ея руку, началъ, шаркая здороваться съ гостями и дыханія въ немъ становилось все меньше и меньше. У блестѣвшаго чернымъ льдомъ рояля среди дѣвочекъ стояли три сестры Николаева въ розовыхъ платьяхъ. Старшая, худая и блѣдная, протянула Сережѣ вялую руку, и краснѣя, сказала:

— Вы не знакомы? Валя Турчина.

Онъ никогда не видѣлъ такъ близко блеска ея карихъ любопытныхъ глазъ. Онъ пожалъ маленькую теплую руку, сталъ сбоку, взялся за поясъ, перевелъ дыханіе и услышалъ свое часто и крѣпко бьющееся сердце. Онъ увидѣлъ, что у нея бѣлое платье, а не розовое, на затылкѣ бѣлый, крылышками, бантъ, что безъ берета и шубки она кажется очень легкой. Она повернула голову. У нея были двѣ темныя косы, а въ ушахъ дѣтскія золотыя сережки.

Елка для игръ была выдвинута на середину. Младшіе, взявшись за руки, хотѣли водить хороводъ, но онъ былъ малъ. Дѣвочки привели пожимающаго плечами Костю, хороводъ сталъ большой, мать Николаевыхъ сѣла за рояль, прищуривъ глаза, посмотрѣла на дѣтей и заиграла, легко нажимая педали. Пѣсенка была очень простая:

Жила была царевна
Царевна, царевна,
Жила была царевна,
Пре-кра-сная...

Межъ оконъ стояло зеркало. Дѣвочки, проходя мимо, смотрѣли туда. Сережа въ немъ увидѣлъ ея улыбку и широко открытые счастливые глаза. Младшую Николаеву посадили на стулъ подъ елку. Она была царевной и сидѣла, опустивъ голову, ро-

зовая и смущенная, глядя на свои положенныя на колѣни руки. Лобастый реалистъ Зотовъ вышелъ изъ хоровода и поцѣловалъ у нея руку. Она застыдилась, всѣ засмѣялись, ее и Зотова взяли въ кругъ, реалисты потянули такъ сильно, что у дѣвочекъ отлетали косы, на задѣтыхъ вѣткахъ дрожали спутанныя серебряныя травы.

И танцевали до утра!
До утра! До утра!
И всѣ кричали браво
Царевнѣ молодой!

За ужиномъ всѣмъ дали по тонкой высокой рюмочкѣ вишневой наливки. Когда Валя смѣялась, у нея дрожалъ бантъ. Онъ запомнилъ, какъ она сказала:

— Я обожаю меренги!

Елка кончалась. Младшіе жгли сѣрыя палочки. Они горѣли, разсыпая сухія звѣзды. Столовая была освѣщена, а въ залѣ уже стоялъ рождественскій полумракъ и былъ виденъ образъ съ зажженной лампадой. Свѣчи догорали, на стѣнѣ отъ елки лежала колеблющаяся тѣнь, проволочныя подсвѣчники разогрѣлись, воскъ капалъ, застывая на вѣтвяхъ красной крупой, падали огненныя капли. Свѣчи догорали, словно костерки въ зеленомъ лѣсу, отъ ихъ неровнаго огня переливались серебряныя травы, потрескивая, загоралась и чадила хвоя. Рѣдкіе огни были печально отражены чернымъ лакомъ рояля.

Въ прихожей прощались дѣвочки. Валя закутывалась въ бѣлый платокъ. Онъ держалъ ея шубку. Прижавъ платокъ подбородкомъ, захвативъ пальцами длинные шелковые рукавички, она надѣла шубку и поблагодарила его глазами. У нея были деревенскія, съ однимъ пальцамъ цвѣтныя вареж-

ки. Въ бѣломъ платкѣ, въ варежкахъ, съ убранными подъ толстую шоколадную шубку косами, она стала совсѣмъ родной и деревенской.

Онъ возвращался домой. Въ крѣпкомъ и чистомъ отъ мороза небѣ острыми огнями играли большія звѣзды, маленькія — кололись и дрожали. Въ переулкѣ деревянной лопатой сгребали снѣгъ и этотъ глухой щербатый звукъ былъ хорошъ, снѣгъ такъ вкусно похрустывалъ, что каждый разъ было пріятно ставить ногу и нажимать на него всей подошвой. У собора горѣлъ фонарь. На пушистой площади стояли извозчики съ легкими санками, кони изрѣдка потряхивали головой и, дрожа, разсыпались набранные на ремень бубенцы.

Часто въ январѣ онъ проходилъ мимо одноэтажнаго сиреневаго дома Турчиныхъ. Въ окнахъ — подвязанные и распущенные занавѣси, калитка съ желѣзнымъ кольцомъ, за заборомъ нѣсколько березъ и сѣрые столбы качелей. Однажды, послѣ уроковъ Сережа, съ засунутыми за бортъ шинели учебниками, пришелъ на знакомую улицу. Падалъ рѣдкій снѣгъ, изъ печной трубы поднимался легкій дымъ, слѣды по свѣжему снѣгу вели къ калиткѣ. Она стояла у окна съ гладко причесанными волосами, въ коричневомъ платьѣ, съ крыльями чернаго фартучка на плечахъ, и бѣлое кружево охватывало ея узкое запястье. И лицо ея было грустное и милое, простое лицо, которое онъ такъ любилъ. Въ тотъ вечеръ онъ взялъ лыжи и пошелъ за городъ. Какъ онъ любилъ въ этотъ день и чистое поле, и падающій съ вечерняго неба снѣгъ, и уходящіе въ даль телеграфные столбы, что пронзительно и одиноко звенѣли подъ вѣтромъ...

На улицѣ собирались реалисты. Уже взадъ и впередъ ходилъ голубоглазый Шахновичъ въ смушковой офицерской папахѣ. Спѣвка кончалась. Къ окну подошли двѣ гимназистки и посмотрѣли

внизъ. Шахновичъ отдалъ имъ честь. Онѣ испуганно отбѣжали, а потомъ снова подошли къ окну, но уже впятеромъ.

Въ училищѣ глухо разсыпался звонокъ. Внизу поднялись дѣвочки и нѣсколько секундъ постояли за партами. Порядокъ оконныхъ тѣней смѣшался.

Въ этотъ день всѣхъ распустили въ одно время. Большая дверь стала хлопать. Младшія, перебивая другъ друга, говорили объ отмѣткахъ, смѣялись и, стайками, расплывались, какъ маленькія рыбки. Шахновичъ перешелъ черезъ дорогу и остановился на углу. Паля Бжезовская задержалась въ дверяхъ. Она увидѣла Шахновича и что-то сказала подругамъ. Всѣ посмотрѣли въ ту сторону и медленно пошли къ собору. На углу Шахновичъ приложилъ руку къ папахѣ и шагнулъ впередъ. Паля остановилась и удивленно, нараспѣвъ, сказала:

— Ахъ, это вы?

Шахновичъ щелкнулъ каблуками и взялъ ея книги. Паля отстала отъ подругъ.

Прошли сестры Николаевы въ одинаковыхъ черныхъ шубкахъ. Въ дверяхъ показалась толстая пятиклассница съ очень коротенькой и жидкой косой. Она всегда уходила изъ класса послѣдней. Въ залѣ потушили свѣтъ. На площадкѣ потемнѣлъ снѣгъ, виднѣе стала церковь Покрова. Дверь перестала хлопать. Послѣдній разъ ее открыла худая и высокая, въ большихъ калошахъ учительница съ пухлымъ отъ гимназическихъ тетрадей портфелемъ. Съ нею вышла низенькая и толстая классная дама, батюшка въ боярской шапкѣ и нѣсколько дѣвочекъ изъ разныхъ классовъ, что щебетали радостно и поспѣшно. Сторожъ открылъ окна и началъ уборку пятаго класса, гдѣ на теплыхъ партахъ еще не высохли чернильныя пятна. Потомъ потухъ послѣдній свѣтъ.

Опустивъ голову, Сережа пошелъ черезъ Покровскій паркъ къ рѣкѣ. Подъ навѣсомъ церковнаго входа съ каменныхъ плитъ былъ сметенъ снѣгъ. Береговая линія была безъ огней. На порогахъ звенѣла вода, по рѣкѣ тянуло гарью. Въ этотъ вечеръ не шумѣли мосты. За рѣкой было жутко и пусто. Тишина казалась особенной. Всю недѣлю по вечерамъ отступали войска, долгій шумъ становился ясенъ къ ночи, обозы и пушки вступали въ притихшій городъ, глухо гудѣли промерзшіе мостовые настилы, ботали подковы, тяжело били по сухому и звонкому дереву намотанными на колеса цѣпями грузовики, вступалъ топотъ въ разгромъ, металлическій лязгъ и ровный грохотъ — шли тяжелыя батареи.

Въ эти вечера Сережа вылѣзалъ на крышу дома. Пробивая каблуками снѣгъ, нащупывая деревянную лѣсенку, онъ поднимался до трубы и ложился бокомъ на обмерзшій снѣгъ. Отъ трубы пахло кирпичемъ и старымъ печнымъ дымомъ. При маломъ свѣтѣ звѣздъ кругомъ все свѣтлѣло. Надъ вокзаломъ держался желтоватый призрачный свѣтъ и стояло два дымныхъ столба. По шоссе бродили огни автомобилей, вскидывая свои тонкія дрожащіе лучи. Иногда далеко за лѣсомъ дышало зарево. Подъ горой проходили войска, на высокихъ конскихъ сѣдлахъ качались вьюки, изрѣдка задѣвала за обнаженный камень подкова.

Кругомъ было дико и глухо. Онъ видѣлъ знакомую улицу съ спускавшимся внизъ заборомъ, занесенное снѣгомъ печальное пространство садовъ, вытянутый по рѣкѣ плоскій безъ огней городъ съ чернымъ, какъ разсыпанная угольная куча, пригородомъ. Тянуло вѣтромъ. Отъ него пахло полевымъ кустарникомъ, горькой подсушенной морозами ольхой. Онъ лежалъ, не шевелясь, холодѣло и сжималось сердце, все кругомъ обнажалось, пу-

стѣло, уже не было для него ни матери, ни бабушки, ни родного дома, а только онъ, затерянный, одинокій, подъ легкимъ свѣтомъ высокихъ и холодныхъ звѣздъ...

На берегу, за рѣкой, горѣло нѣсколько костровъ. То солдаты жгли военное имущество. Онъ смотрѣлъ на легкое зарево, и холодокъ бѣжалъ по его спинѣ, онъ вспомнилъ январьскую ночь начала этого года.

Тогда полный и голый мѣсяцъ поднялся, поблѣднѣлъ до голубизны, и всталъ надъ городомъ въ легкомъ оранжевомъ кругѣ. Ночь была суха, морозна, въ садахъ умирали молодыя яблони. Въ комнатѣ было натоплено, къ желѣзной печной дверцѣ нельзя было притронуться. Онъ собирался лечь въ постель, но заглядѣлся на окно, на затянувшія стекла, широкія матовыя лапы. Онѣ горѣли въ двѣ искры. Отъ мѣсяца со двора голубой, отъ лампы — золотистой. На улицѣ раздался хриплый звукъ пожарнаго рожка. Онъ вскочилъ на стулъ. Съ визгомъ отклеилась примерзшая форточка, зазвенѣло стекло. Его такъ натянуло узоромъ, что, казалось, оно разлетится, какъ льдинка. Отъ сухого мороза не хватало дыханія. Въ чистомъ небѣ стояли рѣдкія звѣзды, черные стволы яблонь надъ крышей искрились льдомъ. Рожки ночныхъ сторожей пѣли въ разныхъ концахъ. Одни хрипло, другіе рѣзко. По головѣ пробѣжалъ холодокъ. Онъ захлопнулъ форточку и одѣлся. Чердакъ отъ мѣсячнаго свѣта казался дымнымъ. Снѣгъ на крышѣ былъ сухой, скрипѣлъ подъ валенками, даже сквозь варежки чувствовалось накаленной желѣзо. Рожки, дребезжа, пѣли и въ деревянномъ пригородѣ, и на Валу, и въ Тычкѣ. Вездѣ хлопали калитки, скрипѣлъ снѣгъ, люди изъ дворовъ выскакивали на дорогу и оглядывали небо. Изъ-за черного сада поднималось слабое, но высокое на морозѣ пламя и надъ

нимъ уже дрожало подогрѣтое снизу сѣроватое зарево. Легко возносились малиновыя искры. Ударили въ соборный колоколъ, разъ, другой, чаще и въ сухомъ безвѣтріи поплылъ тяжелый и густой набатъ. На пожарѣ, треща, все веселѣе заворачивалось пламя, запахивая шубы, по дорогѣ бѣжали люди. Уже мелко и остро били въ тюремной церкви, медленно отвѣчали у Покрова, монастырскій звонъ былъ тонкій и серебристый, а кладбищенскій то замиралъ, то принимался бить очень часто. И уже глухо и страшно ударяли на островкѣ у Святого Николы: съ рѣки плылъ надтреснутый тяжелый набатъ. Сережу лихорадило. На пожарѣ собралась черная толпа, изъ полопавшихся отъ жара стеколъ выбивало пламя, было свѣтло, тамъ топорами ломали заборъ, растаскивали полѣнницы, уже поливали изъ ведеръ сосѣднюю крышу и вода замерзала густыми сосульками. Люди съ крикомъ шли на огонь, опускали на горящія бревна багоръ, зацѣпивъ, дружно пятились, кричали, и бревно съ хрустомъ вылетало изъ гнѣздъ, роняя вспыхивающій слежавшійся мохъ. При морозѣ горѣло крѣпко и быстро, какъ въ зной. Зарево опускалось, замолкли церкви, только на окраинѣ гудѣли запоздавшіе рожки, но все же радостно и тревожно замирало сердце. Затихло. Онъ долго не слѣзалъ съ крыши. Онъ думалъ, что на пустой площади, гдѣ подъ каменными сводами торговыхъ рядовъ стягомъ подвѣшена двуликая икона, снова дремлетъ сторожъ на деревянномъ, окованномъ желѣзомъ, ларѣ, въ тулупѣ, съ заткнутымъ за поясъ рожкомъ. Тѣнь отъ собора лежитъ на пустой площади, голубымъ свѣтятъ кресты, а на берегу, бросивъ острую, какъ пила, тѣнь, плотно, въ одной связи, стоятъ рубленные острокрышіе склады. Рѣка холодна и бѣла. На крѣпостныхъ щербатыхъ стѣнахъ щеткой стоятъ замерзшія травы, а среди стѣнъ, бѣлымъ

камнемъ — святой Никола. Въ его закругленной груди темнѣютъ узкія щели оконъ. Бѣлая шея несетъ тяжелобокую, въ блѣдныхъ при мѣсяцѣ звѣздахъ, главу. Молчатъ и стынутъ колокола. Все спитъ. И рубленный по рѣкѣ пригородъ, и монастырь, и церкви. Тяжелой парчей лежитъ рѣка и во льду, на каменномъ бою, дымится голая вода. Въ церковныхъ паркахъ, въ гнѣздахъ, по древнему не смыкая вполнѣ глазъ, спятъ вороны. Звенитъ въ полыняхъ теплая и сильная вода — и идетъ подо льдомъ, согрѣвая каменистое дно, идетъ изъ моховыхъ болотъ, глухими берегами, къ Пскову, гдѣ на утесѣ Дѣтинецъ охраняетъ бѣлую Троицу о пяти куполахъ.

XI.

Хуторъ стоялъ въ сторонѣ, закрытый отъ большака еловымъ лѣсомъ. Передъ окнами тянулось ровное снѣжное поле, а за нимъ синѣлъ горбатый гребень барскаго парка. Въ февралѣ по большаку отступала армія, придорожныя избы не зажигали огня. Въ четвергъ вечеромъ ѣхавшіе изъ города мужики встрѣтили на дорогѣ дровни. Конь брелъ, опустивъ повода, вожжи были привязаны къ передку. Въ дровняхъ навзничь, головой къ задку, лежалъ простоволосый человѣкъ. Онъ былъ убитъ изъ винтовки въ горло, кровь на его одеждѣ замерзла.

Въ четвергъ вечеромъ Яковъ пришелъ домой. Помывшись въ банѣ, онъ ушелъ въ избу, а женщины стали выпаривать на раскаленныхъ камняхъ его бѣлье и шинель. Когда Дарья вернулась, Яковъ спалъ.

Утромъ она посадила мужа у окна и начала стричь. Она была рослая, чистая и сухая, выше мужа на полголовы. Онъ сидѣлъ, положивъ на колѣни худыя руки и улыбался. Онъ подарилъ дочкѣ синюю кружку, и дѣвочка, закраснѣвшись опустивъ глаза, жалась къ колѣну отца.

Утромъ пришла съ груднымъ ребенкомъ жена Тимофея Максимова и сынъ сосѣдняго хуторянина, Санька. Увидавъ Якова, Варвара заплакала. Санька, хорошо одѣтый, молодой парень, усѣлся подъ образа, положивъ на лавку свою черную шапку. Варвару успокоили, и она попросила взаймы десять фунтовъ ржаной муки.

— Вотъ что, Яковъ, — сказалъ Санька, — поѣдемъ въ городъ. Я на большакѣ былъ. Продавали солдаты лошадь сильно солидную. А въ городѣ продаютъ все съ плеча.

Мать Якова доставала съ печки безмѣнъ. Ея голова была повязана синимъ повойникомъ, сѣдые волосы ровно разобраны надо лбомъ.

— Куда онъ тебя, Яшъ, зоветъ? — спросила она.

— Въ городъ.

— Брось сынокъ, куда ты поѣдешь въ такую кашу.

— А вотъ вчера, — сказалъ Санька, — пріѣхалъ одинъ, привезъ оцинкованный чанъ съ краномъ, топоровъ и бочку цемента. Теперь въ городъ съѣздить, сразу богатъ.

— А Богъ съ тобой, — сказала старуха, — забирай шапку и уходи.

Утромъ Яковъ рѣшилъ навѣстить родню. Онъ выѣхалъ съ женой въ полдень. Хуторская дорога выходила на барскую, обсаженную березами. Березы тянулись отъ имѣнія до большака. Древнія съ пустыми обугленными дуплами, онѣ низко развѣ-

сили тяжелыя, въ наплывахъ и крючьяхъ суки. Яковъ, въ шубѣ, заячьемъ треухѣ, правилъ, выставивъ изъ саней ногу. Его узкое лицо съ подстриженной бородой было желто, безъ румянца. Дарья держала на колѣняхъ узелокъ съ теплыми ржаными лепешками.

На большакѣ они встрѣтили партію верховыхъ. Солдаты скакали, словно пастухи. Отъ города темнымъ потокомъ шла армія: люди, повозки и толстыя мортиры.

— Вотъ какъ тронуло третьяго дня, такъ и плывутъ, что черная туча, — сказала Дарья.

— Ѣхать нельзя, — сказалъ Яковъ. — Ударитъ пушка на раскатѣ, сомнетъ сани.

По обочинѣ брели солдаты. Дарья вынула узелокъ съ лепешками и сказала:

— Отдай, Яшь, они небось голодны.

Они свернули на шедшій къ имѣнію проселокъ. Впереди синѣлъ примыкающій къ барскому парку лѣсъ. Изъ опушки выбѣжалъ вороной большеголовый жеребецъ, запряженный въ легкія санки. Откормленный, выхоленный до блеска, онъ хорошо шелъ, и сбруя легко билась на его сыромъ и сильномъ тѣлѣ. Правилъ дородный человѣкъ въ суконной шубѣ съ откинутымъ на плечи воротникомъ въ зеленой, надѣтой по офицерски на бекрень, фуражкѣ.

— А, Яковъ! — поровнявшись, сказалъ онъ рѣзковато, хриплымъ баскомъ и натянулъ на себя синія вязанныя вожжи. — Давно-ли вернулся?

— Вчера, Василій Константиновичъ.

— Что-жъ, теперь за хозяйство?

— Пора, Василій Константиновичъ.

— Хорошо! Хорошо! — добродушно сказалъ онъ, скинулъ перчатки и, изогнувшись, досталъ изъ кармана плоскій серебряный портсигаръ.

Ему было подъ пятьдесятъ. Черноусый, съ широкимъ налитымъ лицомъ, онъ, наклонивъ голову, закурилъ, прикрывая спичку ладонью, и его полное лицо покраснѣло отъ натуги. Жеребецъ тронулъ дальше.

Приставъ Василій Константиновичъ Никитинъ до войны купилъ отъ земства у рѣки, подъ имѣніемъ Городищемъ, двѣ десятины сосноваго лѣса. Онъ построилъ домъ съ двумя крылечками, обшилъ его тесомъ, надъ окнами прибилъ крашеные охрой рѣзные наличники. Когда все было готово, онъ съѣздилъ въ городъ и привезъ жену, черноволосую полную женщину, родомъ изъ богатыхъ мѣщанокъ.

Онъ бросилъ полицейскую службу, деньги вложилъ въ льняное дѣло и купилъ молодого жеребца. Лѣтомъ онъ рано вставалъ и велъ жеребца къ рѣкѣ. Бабы, полоскавшія бѣлье, часто видѣли голаго пристава. Посвистывая, онъ намыливался, окунувшись, отдуваясь, пофыркивая, поматывая круглой черной голоой, плавалъ рядомъ съ жеребцомъ, и вода хорошо держала его плотное тѣло.

Въ зной онъ отправлялся къ рѣкѣ. Въ томъ мѣстѣ густо росли кусты, къ берегу нанесло песку, въ водѣ темнѣла ямка по грудь. Приставъ, закопавъ въ сырой песокъ бутылку водки, раздѣвался и, оставшись въ фуражкѣ, садился въ воду по поясъ. Деревенскіе, нанятые за гривенникъ, мальчишки подавали ему съ берега папиросы, зажигали спички, разводили на пескѣ костерокъ и ловили раковъ. Солнце пекло, но надъ водой лежала тѣнь отъ березъ. Отмахиваясь отъ сѣрыхъ рѣчныхъ слѣпней, не торопясь, приставъ выпивалъ и закусывалъ, разламывая розовыхъ только что испеченныхъ въ золѣ раковъ.

По праздникамъ онъ съ женой ѣздилъ въ село къ обѣднѣ. Поставивъ экипажъ на поповскомъ дво-

рѣ, онъ шелъ съ женой черезъ село къ церкви, и всѣ любовались на ихъ красоту и дородство.

Лѣтомъ они ежедневно пили у себя въ лѣсу чай за круглымъ, вкопаннымъ въ землю столомъ. Межъ сосенъ сухо трудились кузнечики, пахло земляникой и лѣснымъ подсыхающимъ цвѣтомъ. По вечерамъ, при тепломъ склоняющемся солнцѣ, они шли гулять.

Онъ, загорѣлый, въ бѣломъ разстегнутомъ кителѣ, въ синихъ широкихъ, съ напускомъ на сапоги полицейскихъ штанахъ, шелъ съ хлыстомъ. Отъ полицейской службы у него оставалась привычка разговаривать съ народомъ. Встрѣчный по дорогѣ мужикъ, снявъ шапку, останавливался.

— Ну, какъ? — спрашивалъ приставъ.

— Да, слава Богу, Василій Константиновичъ.

— Куда?

— Да вотъ къ мельнику думаю сходить.

— Ну что-жъ! Иди! Иди! — говорилъ приставъ.

Она была ему подъ ростъ, но за годы деревенской жизни сильно располнѣла. У нея были цыганскіе глаза, плавная поступь, черныя брови, тяжелые волосы. Она любила цвѣтные платки, кольца и тяжелыя серьги. Во время прогулокъ она легко уставала, садилась на траву у рѣчного обрыва, расправляла платье, а онъ, тяжело нагибаясь, рвалъ для нея цвѣты. Когда мужъ уѣзжалъ, она скучала. Въ столовой висѣли двѣ картины съ убитыми утками, надъ столомъ — лампа съ карусельнымъ зеленымъ стеклярусомъ. Въ гостиной стояла мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, этажерка съ купленными по случаю, переплетенными въ кожу книгами, и круглый столъ, на который она связала дорожку изъ желтыхъ анютиныхъ глазокъ. Она брала со стола малиноваго бархата альбомъ и, отстегнувъ бронзовую застеж-

ку, разсматривала глянцевитыя розовыя фотографіи. Въ спальнѣ, гдѣ стояла орѣховая, покрытая стеганымъ одѣяломъ кровать, она наряжалась для себя передъ туалетнымъ столикомъ съ качающимся зеркаломъ, медленными движеніями рукъ поправляла волосы, съ лѣнивой граціей поворачивала голову и разсматривала себя сквозь полуопущенныя рѣсницы.

Лѣтомъ она любила лежать на подвѣшенномъ между двухъ сосенъ сплетенномъ изъ крѣпкой голландской бичевы гамакѣ, и на нее смотрѣли проходившіе мимо деревенскіе парни. Когда уѣзжалъ мужъ, приходили бабы. Она подолгу сиживала съ ними на крыльцѣ. Докторъ сказалъ, что у нея не будетъ дѣтей. Она говорила съ ними о женскомъ, легко плакала, ее жалѣли. Бабы подсылали къ ней своихъ дѣвченокъ, и она переплачивала за лѣсную землянику.

Въ этотъ солнечный зимній день, въ пятницу, она чувствовала себя нездоровой. Съ утра болѣло горло, трудно было глотать. Мужъ собирался проѣзжать застоявшагося жеребца, и она уговорила его свезти въ Голышево Ольгѣ Николаевнѣ Львовой давно приготовленный подарокъ. Прощаясь, онъ сказалъ, чтобы она не подходила къ холоднымъ дверямъ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ выѣхалъ на прямую, пересѣкавшую лѣсъ городищенскую дорогу. Закутавъ шею теплымъ вязаннымъ шарфомъ, она долго глядѣла въ окно, на пепельные стволы сосенъ, на воскъ освѣщенныхъ солнцемъ верхнихъ вѣтвей.

Въ Голышевѣ доили коровъ. Ольга Николаевна, въ платкѣ, бѣличьей шубкѣ и грубыхъ деревенскихъ полусапожкахъ, смотрѣла, какъ дѣвка, сидя подъ Пеструхой, разминала вымя. Корова лѣниво поворачивала голову къ свѣту, раздувала ноздри, и ея носъ сверкалъ влажнымъ зеркальцемъ.

Удой процѣдили и унесли на кухню, когда къ длинному, похожему на сарай голышевскому дому подъѣхалъ Никитинъ. Онъ выскочилъ изъ саней, въ незапахнутой, долгой до пятъ шубѣ и началъ привязывать жеребца.

— Василій Константиновичъ! — крикнула изъ кухни Львова. — Проходите въ столовую. Я сейчасъ выйду.

Снявъ шубу, Никитинъ остался въ защитной мохнатаго сукна гимнастеркѣ. Толстый въ животѣ, онъ былъ туго подпоясанъ широкимъ ремнемъ. Онъ досталъ изъ корзинки и поставилъ на столъ двѣ привезенныя съ собою банки съ клубничнымъ вареньемъ.

Ольга Николаевна вышла въ коричневомъ глухомъ платьѣ изъ деревенской домотканной шерсти. Щелкнувъ каблуками, онъ поцѣловалъ холодную отъ воды, пахнувшую глицериновымъ мыломъ руку.

— Я на минутку, — сказалъ онъ. — Съ вашего разрѣшенія, обогрѣюсь и обратно.

Она спросила его о здоровьи жены, поблагодарила за подарокъ и достала изъ буфета бутылку черничнаго вина и два стакана. Она сѣла, накинула на плечи платокъ. Вся въ темномъ, бѣлолицая и спокойная, она хорошо была видна при зимнемъ, падавшемъ изъ окна свѣтѣ.

— Василій Константиновичъ, — спросила она, — вы остаетесь въ деревнѣ?

Крутоплечій, съ низко посаженной голвой, онъ сидѣлъ спиною къ окну. За зиму онъ сильно располнѣлъ, и она видѣла, какъ натянуло у ушей его выбритыя до блеска щеки.

— Эхъ, Ольга Николаевна, — отвѣтилъ онъ, — а куда ѣхать? Въ городъ? Меня въ городѣ каждая собака знаетъ. Лучше сидѣть въ лѣсу.

— Страшно, — сказала она.

— Да, страшно.

Привязанный къ изгороди жеребецъ нетерпѣливо рылъ копытомъ снѣгъ. За стѣной пустили сепараторъ.

— Восемь лѣтъ, Ольга Николаевна, здѣсь живу, — сказалъ Никитинъ. — Я въ этомъ краю народу ничего плохого не сдѣлалъ. Вотъ посудите, — добавилъ онъ, — какой у меня сегодня разговоръ вышелъ. Утромъ пришелъ на кухню мужикъ. «Здравствуй, говоритъ, Василій Константиновичъ. Вотъ зашелъ на тебя посмотрѣть». Подошелъ онъ ко мнѣ, похлопалъ по плечу и говоритъ: «Не бойся, Василій Константиновичъ, не бойся. Тебѣ ничего не будетъ».

Онъ откашлялся и взволновано допилъ вино. Жужжаніе за стѣной стало медленнымъ и ровнымъ. Въ сепараторъ пустили молоко.

— Я имъ, Василій Константиновичъ, не вѣрю.

Онъ внимательно карими глазами посмотрѣлъ на нее. Онъ молчалъ. Голова и плечи его потяжелѣли. Въ сумеркахъ теплой и низкой комнаты былъ слышенъ изъ-за стѣны шумъ сепаратора.

Въ шубѣ онъ снова сталъ добродушнымъ и веселымъ. Онъ легко сбѣжалъ съ крыльца и, зная, что она на него смотритъ, сталъ зануздывать жеребца. Тотъ, играя, не давался и задиралъ голову. Никитинъ подтянулъ черезсѣдельникъ, сѣлъ въ сани, подбилъ полу шубы, разобралъ щегольскія синія вожжи и, сдѣлавъ все это ладно и быстро, улыбнулся и отдалъ честь.

— Р-р-р, — сказалъ онъ густо и хорошо, придерживая загорячившагося жеребца. Тотъ перебралъ ногами, словно снѣгъ его щекоталъ и, сорвавшись съ мѣста, сильно пошелъ къ воротамъ.

Она осталась на крыльцѣ. На изгороди висѣло мерзлое бѣлье, въ полуденномъ небѣ гнулись вершины кленовъ, и тяжелый блескъ лежалъ на деревенскихъ снѣгахъ.

XII.

Подъ вечеръ Яковъ выѣхалъ съ женой въ лѣсъ за дровами. Пила съ дрожащимъ звономъ рѣзала бѣлое осиновое тѣло, изъ-подъ согрѣвшихся зубьевъ на снѣгъ ссыпались опилки и пахли горькимъ виномъ.

Дрова уложили въ сани. Вершины елей стояли въ золотистой зарѣ, въ поляхъ свѣтились снѣга. Къ вечеру стало облачно и тихо. Подбивая возъ, Яковъ посмотрѣлъ на обсаженную березами барскую дорогу. Къ имѣнію, то по-одиночкѣ, то небольшими партіями, шли мужики. Днемъ за Яковомъ присылали изъ Замошья мальчишку, и онъ подумалъ, что народъ разбредется съ деревенскаго схода. Но мужики шли не только съ Замошья, но и отъ новыхъ хуторовъ. На закатѣ вездѣ лаяли потревоженныя собаки.

— Яшъ, что-то нехорошее начинается, — сказала Дарья. — Поѣдемъ изъ лѣсу домой.

Въ полѣ лежалъ глубокій снѣгъ. Возвращаться къ хутору было тяжело. Они выбрались съ возомъ на дорогу и увидѣли шедшаго къ имѣнію чужого мужика.

— Гдѣ землякъ былъ? — спросилъ Яковъ.

— Въ Замошьѣ.

— Тихо-ли тамъ?

— Тихо, — нехотя отвѣтилъ мужикъ, — было тамъ маленько. Ничего, тихо.

— Теперь куда-жъ?

— Да вотъ въ Городище надо сходить.

Съ обсаженной березами дороги они свернули на свою черезъ высокій отъ снѣга мостокъ и, подъѣхавъ къ хутору, скинули дрова передъ крыльцомъ. Дарья осталась распрягать, а Яковъ пошелъ въ сарай и, снявъ полушубокъ, началъ трепать ленъ. Онъ кончалъ, когда прибѣжала жена.

— Яшъ, — сказала она, — идутъ къ намъ какіе-то.

Онъ вышелъ изъ сарая и осторожно посмотрѣлъ изъ-за угла строенья. Справа, полемъ, шли къ хутору два вооруженныхъ винтовками человѣка.

— Ай, ты! — растерянно сказалъ онъ.

Возлѣ сарая, на снѣжной кучѣ, валялся большой ящикъ для рѣзки корма. Яковъ подлѣзъ подъ него, накрылся и сталъ слушать.

Одинъ изъ пришедшихъ былъ мужикъ въ черномъ романовскомъ полушубкѣ. Онъ поднялся на крыльцо и постучалъ. Незнакомый толстолицый солдатъ, остался на дворѣ. Дверь открыла Дарья.

— Чего колотишься? — спросила она, остановившись на порогѣ.

— Мужикъ дома?

— Нѣтъ.

— Намъ лошадь нужна и дровни.

— Я безъ мужика выдать не могу, — сказала она. — Вонъ конь по двору ходитъ. Хочешь, такъ самъ запрягай.

Мать Якова слушала разговоръ изъ сѣней. Она вышла на крыльцо въ повойникѣ, долгой юбкѣ, съ мелкими ключами, привязанными къ шерстяному поясу.

— Ой, милые, — испуганно сказала она. — Ко-

нишко-то у насъ немудрененькiй. Валяйте къ сосѣду. Его лошадь смѣлѣй.

— Намъ посмѣлѣй и нужна, — смѣясь сказалъ солдатъ.

— Милые, а куда-жъ это вы съ ружьями-то справились?

— Какъ куда, — усмѣхнувшись сказалъ солдатъ. — Пристава бить.

Дарья проводила ихъ до гумна. Она долго смотрѣла вслѣдъ, а потомъ опрометью бросилась къ избѣ. Яковъ съ матерью стоялъ у крыльца. Онъ былъ блѣденъ.

— Яшъ, — задохнувшись, сказала Дарья, — уходи скорѣй, Яшъ.

Старуха вынесла ему изъ избы свою шубу. Схвативъ ее, Яковъ побѣжалъ за хуторъ.

Въ чащѣ было тихо: по снѣгу, какъ по вечерней водѣ, за версту слышенъ былъ людской говоръ и неспокойный лай собакъ. Онъ долго стоялъ въ лѣсу, а осмѣлѣвъ, вышелъ къ опушкѣ. Темнѣло. Онъ рѣшилъ пойдти къ брату, что жилъ въ верстѣ. Днемъ Яковъ заѣзжалъ къ нему, но Алексѣй былъ въ отъѣздѣ.

Яковъ выбрался изъ лѣса, спокойно пошелъ черезъ поляну къ дорогѣ, но издали его окликнули. Подошло два мужика: братья Константиновы изъ Замошья. У старшаго былъ заткнутъ за поясъ топоръ, другой несъ винтовку.

— Ты куда? — спросилъ старшiй.

— Брата надо повидать.

— А мы идемъ пристава бить, — рѣзко сказалъ другой.

— Ты въ Городище долженъ явиться, — строго сказалъ старшiй.

— А вотъ, какъ справлюсь, приду.

— Ну гляди. Былъ сходъ, всѣмъ приказано.

Изба Алексѣя стояла на берегу. Костлявый, чернобородый, хромой на лѣвую ногу, онъ всегда былъ молчаливъ, обиженъ и суровъ. Онъ собирался въ Городище и стоялъ на дворѣ. На немъ были высокіе сапоги и рыжій, до колѣна, перетянутый ремнемъ полушубокъ. Черный воротникъ былъ отворочень на затылкѣ.

— Разъ видѣли, тебѣ надо итти, — выслушавъ брата, сказалъ онъ.

— А итти мнѣ, Лешъ, страшно.

— Что-жъ ты будешь дѣлать? — Страшно не страшно, а итти надо.

На барской дорогѣ они остановились и стали ждать попутчиковъ. Одна изъ березъ, свалившись, лежала вѣтвями въ полѣ. Темнѣло. На небо нашли облака.

— Ну, что ждать! — сказалъ Алексѣй.

— Переждемъ, Лешъ. Боже ты мой! И итти страшно, и не пойдешь — плохо.

Алексѣй досталъ изъ-за пазухи кисетъ и началъ свертывать. Въ полѣ похолодѣло, съ темнотой пришелъ вѣтеръ, вверху сухо поскрипывалъ надломленный сукъ.

— Какъ-то сердце все захватываетъ, — сказалъ Яковъ. — Страшно мнѣ, Лешъ, туда итти.

Поднявъ широкія плечи, Алексѣй закурилъ, и огонь освѣтилъ его темное чужое лицо.

— Вотъ я на фронтѣ былъ, раненъ былъ, а такого дѣла не знаю, — продолжалъ Яковъ. — Ѣхалъ домой, думалъ лучше будетъ, а вотъ оно какъ... Вотъ царя скинули, а теперь всѣ переглодались. А будто при царѣ спокойнѣе было?

— Про царя теперь забыть думать, — сурово сказалъ Алексѣй.

— Неушто, Лешъ, не будетъ лучше?

— Того не будетъ, Яшъ, — отвѣтилъ братъ съ горечью и сердцемъ. — Того не дождешься. Теперь — забыть думать.

— Такъ, — сказалъ Яковъ.

— Теперь трибуналъ! — Народная власть.

Помолчали. Яковъ вспомнилъ, какъ зимой на позиціи эскадронъ послали въ заставу. Прямо съ сѣдла, иззябшаго и усталаго, его выслали на постъ. Вечеръ, опушка, постъ у сѣнного стога. Вѣтренно, съ поля мететъ, вдали — низкій голый кустарникъ. Все темнѣй и темнѣй, и, кажется, полемъ кто-то ползетъ. Отъ рѣзкаго вѣтра на глазахъ выступали слезы, онъ зябъ, слушалъ и молилъ Бога, чтобы его поскорѣе смѣнили. Смѣнятъ, два часа можно спать, ни о чемъ не думать, а тамъ разсвѣтъ, тамъ что Богъ дастъ.

На дорогѣ ему стало нехорошо и безпокойно. Онъ стоялъ въ материнской, узкой въ плечахъ шубѣ, рукавицъ не было, руки застыли. Въ Замошьѣ затихло, въ поляхъ потемнѣло, а березы съ низкимъ навѣсомъ вѣтвей церковнымъ притворомъ уходили къ низкому городищенскому лѣсу.

XIII.

Огня не зажигали. Въ избѣ было тепло. Отъ поставленной на печь квашни пахло поднимающимся ржанымъ тѣстомъ. Дѣвочка спала на полу, а одѣтая по дорожному Дарья лежала на кровати и глядѣла на потемнѣвшее окно. У окна, на лавкѣ, склонивъ голову, держа въ опущенныхъ рукахъ шапку, сидѣлъ вернувшійся съ дороги Яковъ.

— Вотъ такъ-то, милые мои, — медленно впол-

голоса предостерегающе говорила въ темнотѣ старуха, — вотъ такъ-то, придутъ ночью армейцы: «У насъ права такія, ходимъ провѣрять». А кто ихъ знаетъ, какіе армейцы. Теперь шинель у всѣхъ обношена.

— Теперь народъ сибирякъ одинъ, — сказала Дарья.

— Правда, Дарушъ, правда, — отвѣтила старуха. — О томъ и шумѣть нечего.

— Нѣтъ совѣсти, — помолчавъ, снова сказала она. — Раньше въ семьѣ то, что бы отцу-матери грязное слово сказать... ни Боже мой. Въ воду послали-бы тушиться. И пошелъ-бы. А теперь отцабабку матюгомъ честятъ вдоль и поперекъ. Въ церкву идутъ — ржутъ, какъ жеребцы. Сыну говорю: почему ты, Лешъ, Богу не молишься? — «А чего доскамъ молиться?» — Да, дуракъ, поклонишься Господу Богу, такъ-то приходится хорошо. Не ропщи на Господа Бога, твои дѣла Онъ справитъ. Охъ, милые, спаси Мать Царица Небесная.

Яковъ поднялся и посмотрѣлъ въ окно. Въ избѣ ему было трудно.

— Я на крыльцо пойду, — сказалъ онъ.

— А иди, сынокъ, иди, Яша, — вздохнувъ,отвѣтила мать.

Онъ вышелъ въ темныя холодныя сѣни, нащупалъ дверь и отложилъ засовъ. Крыльцо было высокое. Яковъ сѣлъ на верхнюю ступень. Вѣтеръ чуть ходилъ за избой въ еловыхъ вершинахъ, открытый на поле дворъ былъ бѣлъ, пустъ и сливался съ полевымъ снѣгомъ. Поле шло до городищенскаго лѣса. Онъ поднимался въ неясномъ небѣ тяжелой гривой. Было страшно думать, что въ лѣсу скопилась толпа.

На крыльцо вышла Дарья. Въ это время Якову что-то послышалось. Шумъ шелъ отъ Городища.

Онъ то затихалъ, то становился явственнымъ. Зашумитъ, зашумитъ, затихнетъ и опять пойдетъ, какъ вѣтеръ въ лѣсу. Господи, спаси и помилуй, — подумалъ онъ. Ударилъ глухой выстрѣлъ.

— Слышь, уже выстрѣлъ дали, — сказала Дарья, и онъ не узналъ ея голоса.

Снова донесло глухіе удары. По лѣсу прокатился смутный гулъ, къ отголоскамъ примѣшался ропотъ голосовъ, словно лѣсомъ по тяжелымъ снѣгамъ гнали звѣря.

— Ой, кричатъ, — сказала Дарья, — ой, кричатъ тамъ, Яша.

Въ лѣсу ломалась рѣдкая стрѣльба. Затихло.

— Разъ десять или двѣнадцать? Ты считала? — не оборачиваясь, спросилъ онъ.

По снѣжному полю тянуло вѣтромъ. Молчать было плохо. Онъ снова сказалъ:

— Въ Городищѣ-то стало какъ тихо.

Дарья не отвѣтила. Она сѣла на крыльцо, и погорбившись, заплакала.

— Брось, чего ты, дурушка? Насъ не тронутъ, — сказалъ онъ.

— А вдругъ, Яшъ? Ты-то не пошелъ?

За избой, по елямъ все такъ-же шелъ вѣтеръ. Въ накинутомъ на плечи полушубкѣ на крыльцо вышла старуха и крестилась. Дарья бросила плакать. Она смотрѣла на бѣлое поле и на придвинувшійся къ хутору, страшный лѣсъ.

XIV.

Старуха, занавѣсивъ окна кафтаномъ, зажгла коптилку и поставила ее на столъ. Отъ порога тянуло, гнуло слабое желтое пламя, и тѣни ходили по

бревенчатымъ стѣнамъ. Дарья въ тулупѣ лежала на кровати и не могла согрѣться. Дѣвочка проснулась. Она высунула изъ подъ шубы голову съ растрепанной, сбившейся на бокъ косой и, не мигая, глядѣла на неровный огонь.

— Что, дурушка, не спится? — спросила старуха.

— Нѣ-а... бабъ.

— Ой, не могу, — сказала Дарья, — все слушаю. Лежу и трясусь.

Старуха остановилась около печки и повернула къ Дарьѣ свое морщинистое сухое лицо.

— Вотъ, — сказала она. — Нѣмецъ придетъ, всѣхъ заберетъ.

— Бабъ, а правда, нѣмцы собакъ ѣдятъ?

— Дурушка, они лягухъ ѣдятъ, — улыбнувшись, отвѣтила старуха. — Вася съ плѣну бѣжалъ, такъ разсказывалъ: раздернетъ пополамъ ножки и ѣстъ.

— Ай, бабонька, — испуганно сказала дѣвочка.

Старуха достала съ печки узелокъ. Худая, небольшого роста, она легко ходила. Узелокъ она принесла на лавку, сѣла и неторопливо принялась его развязывать:

— А пристава жалко, человѣкъ добрый.

— Дѣйствительно былъ хорошiй для добрыхъ людей, — отвѣтила Дарья.

— Ой, я думаю, на томъ свѣтѣ такой муки не будетъ для закоперщиковъ-то.

— Бабъ, а какой это приставъ?

— Дурушка, — отвѣтила старуха, — большой человѣкъ, здоровый, голова въ пяжинахъ: черные и бѣлые волосы. Круглолицъ, безбородъ, а усы коротенькiе.

— Онъ и не старый, — сказала Дарья. — Лѣтъ то сорокъ было-ли ему?

— Лѣтъ сорокъ бывши.

Вдали глухо залаяли собаки. Дарья приподняла голову и прислушалась.

— Эхъ, милая, — ласково сказала старуха, — ложись спать, Дарушъ, ложись.

— Какой тутъ сонъ, — отвѣтила Дарья.

Она встала, подошла къ окну и отвела полу кафтана. По небу шли большія облака, сквозь нихъ пробивался свѣтъ мѣсяца.

— Что-то Яковъ?

— А что Яковъ? Придетъ, небось, — возясь надъ узелкомъ, спокойно отвѣтила старуха.

Дарья сѣла на постель, сняла платокъ и гребнемъ стала прибирать волосы. Ея лицо за вечеръ вытянулось и похудѣло.

— Теперь все такъ, — сказала старуха, — свое есть, а давай больше. Жадность, милая, на всѣхъ напала. А какъ они не были трудники, такъ и не будутъ. Одно красное солнышко сосутъ. Вотъ мнѣ вчера Варька разсказывала, какъ солдаты цѣлую семью рѣшили. Спаси Мать Царица Небесная!

Она отложила узелокъ въ сторону.

— Ѣхали, Дарушъ, люди въ гости. Поравнялось съ ними два солдата. «Стой, дядя, дай цыгарку свернуть». Одинъ на сани ногу поставилъ — вертитъ, а другой сзади подошелъ. Разъ мужика ружьемъ по головѣ и давай молотить. Бабу-то долго били, не убить — такъ и встаетъ. Потомъ нашли, родная моя, — продолжала она печальнымъ распѣвомъ, — баба вся исколота, ротъ разорванъ, снѣгъ конями посмѣшанъ... Думаешь, однихъ порѣшили? Нѣтъ, роднушъ. Два дитенка съ ними были. «А какъ тебя зовутъ?» — у мальчика спрашиваютъ. — «Яшей». — «Ну, Яшъ, тебя не тронемъ». А другой говоритъ: «Зачѣмъ оставлять? Лишній глазъ».

Взялъ ребенка на руки и головой объ сосну. Дѣвочку масенькую, сиську сосала, кнутомъ затянулъ и въ снѣгъ...

— Вотъ тряхнуть-бы такихъ гадовъ! — сказала Дарья. — Сердце-бы не дрогнуло.

— Какъ тряхнешь? Въ эту самую мятежь, сохрани, Господи, и помилуй! Теперь новая власть всѣхъ душитъ, и начальниковъ и поповъ.

Старуха помолчала, покачавъ головой. Въ узелкѣ у нея были ситцевые обрѣзки и тряпки.

— Вотъ старики говорили, — снова сказала она, — человѣчья кровь рѣдко погиня. Нашли этихъ солдатъ. Во всемъ признались. Привезли мужики убитыхъ къ церкви, положили рядкомъ. Привели и солдатъ. Да развѣ ихъ испугаешь? Главнаго ведутъ, а онъ смѣется, шапка заломлена. Убилъ — смѣху да и только. Это какъ намъ къ празднику овцу далъ Богъ зарѣзать. Самые гадкіе годы настали. Сдохъ бы народъ — туда и пошли.

Дарья молчала.

— Да, милая положили ихъ у церкви. Одинъ мужикъ богатый принесъ денегъ пакетъ. Собралъ народъ и говоритъ: вотъ, братцы, при всемъ народѣ деньги на церковь отдаю, за то отдаю, что пропадай онѣ, эти деньги, а то и меня за эти поганыя деньги убьютъ.

— Господи, — сказала Дарья.

— Страшно жить стало, Дарушъ, страшно. Тамъ и шумѣть нечего. Милая, я молодая была, боялись сказать: тамъ человѣкъ убитый лежитъ... Крови нахлебались какъ въ окопахъ-то бились, а тутъ разошлось, разстравилось, ну на новую кровь и потянуло. Всячину они видѣли! Жалость-то, милая, не смѣнилась, душа-то не смѣнилась, а только совѣсть у народа потеряна.

На дворѣ стихло. Дѣвочка лежала, прикрывъ глаза, подложивъ руку подъ щеку.

— Ты что, Танька, никакъ уснула? — спросила старуха.

— Нѣ-а, — отвѣтила она, открывъ глаза, и полусонно улыбнулась. — Ты куклу обѣщала сдѣлать.

— Сдѣлаю, дурушка, сдѣлаю, — сказала старуха. — Съ тряпочекъ куколку сдѣлаю. Возьмемъ свернемъ тулово, тесемкой обовьемъ, руки сдѣлаемъ, кофточку сошьемъ, будетъ куколка наша ладна. Обрядимъ, Танюша, твою куколку, къ стѣнкѣ поставимъ, — стоитъ, какъ барышня.

Дарья застегнула тулупъ и вышла на дворъ. Ночь стала тихой и мѣсячной. Были видны сваленные у крыльца дрова, отъ колодезнаго сруба упала тѣнь. Яковъ сидѣлъ, поднявъ воротникъ шубы.

— Что ты, Дашъ, не спишь? — спросилъ онъ.

— Дома тоже не хорошо, — отвѣтила она, сѣла рядомъ и прижалась къ нему плечомъ. — А боюсь я, и спать ложиться.

На мѣсяцъ нашло облако съ пушистымъ краемъ.

— Вотъ какъ убить человѣка легко, — посмотрѣвъ въ сторону лѣса, сказала Дарья.

— Да, тутъ теперь, чуть не поддакнешь, тутъ теперь уже смерть.

Долго молчали.

— А то пойдемъ въ горницу, — тихо сказалъ онъ.

— Да, Яшъ, такъ и такъ до свѣту не уснуть, — отвѣтила она со вздохомъ. — Боюсь я теперь. Звѣри люди, что такое дѣло сдѣлали.

Межъ облаковъ видны были малыя звѣзды. Мѣсяцъ ровно и чисто свѣтилъ по снѣгамъ сквозь тонкое серебристое волокно. Посинѣлъ городищенскій зубчатый отъ высокихъ елей лѣсъ, засквозили бе-

резы на барской дорогѣ, въ поляхъ было тихо и искристо.

— Разбредется народъ, — сказалъ онъ, обративъ къ ней блѣдное и худое лицо. — Шорохъ пошелъ по снѣгу.

Вѣтеръ утихъ, стало мягко, изъ сѣрыхъ, какъ утиный пухъ облаковъ, на мѣсячномъ свѣту началъ падать легкій снѣгъ, и слышно было, какъ отъ Городища безмолвно шли люди.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Черезъ городъ на рысяхъ шла конница. Впереди на ворономъ конѣ ѣхалъ начальникъ въ офицерскихъ ремняхъ, въ опаленной до желтизны бѣлой папахѣ. За нимъ, часто подскакивая, рысилъ мальчишка трубачъ. Рыжебородый солдатъ, плотно стоя въ казацкомъ сѣдлѣ, велъ знамя, перевязанное по гробовому чехлу алымъ бантомъ. Кони шли по три, солдаты весело глядѣли по сторонамъ.

На площади остались броневики, батарея и полкъ пѣхоты. Съ затоптаннаго помоста говорилъ комиссаръ въ кожаной курткѣ, въ черныхъ офицерскихъ съ красными кантами штанахъ. Его голосъ осипъ, на шеѣ надувались жилы, бритое лицо было землистаго цвѣта.

— Товарищи! — кричалъ онъ, цѣпко захвативъ руками перила и на его лицѣ твердо стояли воспаленные каріе глаза, — положеніе еще хорошее. Не вѣрьте слухамъ! Товарищи, мы еще можемъ взяться за оружіе! Нѣмцы не пойдутъ на насъ!..

День казался мартовскимъ. По небу прозрачнымъ крыломъ шла легкая рябь, солнце блестѣло на крестахъ собора, шумѣли заведенные броневики. Все рождало веселое безпокойство.

Вслѣдъ за конницей снялась батарея. Громыхая щитами, она потянулась отъ собора по главной ули-

цѣ. Пушки скользили, ѣздовые ругались, кони тяжело выгребали изъ размятаго въ кашу снѣга. Противъ церкви Покрова одна изъ пушекъ увязла въ засыпанномъ снѣгомъ ухабѣ. Вокругъ нея собралась толпа, изъ училища, надѣвая шинели, выбѣгали реалисты.

— Ну, какъ, товарищи? — спросилъ артиллериста стоявшій на панели купецъ.

— По рижскому шоссе нѣмцы идутъ, — отвѣтилъ тотъ, — мы, товарищъ, за городомъ окрѣпимся, бой давать будемъ.

Уходилъ полкъ пѣхоты. Первый батальонъ двигался по срединѣ дороги, строемъ, а задніе толпой. Въ растегнутыхъ шинеляхъ, съ закинутыми за плечи мѣшками, солдаты шли по панели и забѣгали во дворы. Верхомъ, въ сѣдлѣ съ короткими стременами, клонясь при ѣздѣ, полкъ нагналъ комиссаръ.

— Товарищи! — кричалъ онъ, поднявъ руку съ плетью. — Я еще разъ приказываю...

Солдаты разступились, задернутый конь попятился на панель, комиссаръ началъ искать потерянное стремя. Въ первомъ, далеко ушедшемъ батальонѣ, веселый высокій голосъ началъ пѣсню:

Т-а-а-амъ дѣвчен-ка гу-ля-ла,
Цвѣ-ѣ-ѣтъ ка-ли-ны ло-ма-ла!

Полкъ уходилъ.

— Ло-ма-ла, — ло-ма-ла, — донесло настройно и дружно, — чубарчики-чукчи, ло-мала!

И было солнце, размятый снѣгъ, небо въ наплывающихъ бѣлыхъ тучахъ, изъ широко открытыхъ воротъ, пятясь задомъ, вынося зеленыя коробки, на дорогу выходили грузовики, а отъ собора другъ за другомъ, въ густомъ чаду перегорѣвшаго бензина, шли, далеко отбрасывая снѣгъ, оливковыя, съ тупо срѣзанными носами броневыя машины.

II.

На дворѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ стояли забранные въ подводы задержанные на главной улицѣ мужики. Среди нихъ былъ и Тимофей Максимовъ.

Въ третьемъ часу подводчикамъ выдали хлѣба и сельдей. Пока ѣли, одинъ изъ нихъ, забранный наканунѣ, разсказалъ, что вчера ночью ординарцы застрѣлили офицера и увезли его къ рѣчной полыньѣ. Закусивъ, всѣ пошли смотрѣть мѣсто разстрѣла. У амбара, гдѣ въ сугробъ была воткнута шашка, темнѣло проѣвшее снѣгъ печеночное пятно. Шашку выдернули и начали разсматривать. Она была новая, офицерская, съ лезвіемъ, обмершимъ снѣжной крупой.

— Возьму шашку-то, — сказалъ одинъ изъ мужиковъ, — может дома серпъ скую.

Къ тремъ часамъ городъ опустѣлъ. Передъ входомъ въ Совѣтъ выставили пулеметы, конные ординарцы маячали на углахъ. На дорогѣ глухо шумѣлъ броневикъ, мужикамъ приказали выводить подводы. Сани ставили гуськомъ вдоль панели. Въ раскрытыхъ дверяхъ, на засоренномъ соломой порогѣ стоялъ коммунистъ съ провалившимися щеками и сѣрымъ лицомъ.

Въ три часа изъ-за угла, съ главной улицы стремительно вылетѣла мотоциклетка. Пригнувшійся къ рулю человѣкъ завернулъ такъ круто, что Тимофею показалось — колеса скользнутъ, и человѣкъ забьется въ снѣгу со своей тяжелой машиной. Вверху зашумѣли. Гремя шпорами, пробѣжалъ ординарецъ, солдаты вынесли большой плохо заколоченный ящикъ. Опережая ихъ, по лѣстницѣ сбѣгали одѣтые въ вольное люди.

— Твоя подвода? — спросилъ комиссаръ.

— Такъ точно, — отвѣтилъ Тимофей.

Комиссаръ былъ въ мѣховой поповской шапкѣ, въ черномъ пальто клешъ съ оттопыренными отъ ногана и ручныхъ гранатъ карманами. Съ нимъ выбѣжала сильно нарумяненная женщина въ каракулевомъ съ пустыми плечами жакетѣ, въ бѣломъ оренбургскомъ платкѣ. Она сѣла на дровни, вытянувъ короткія обутыя въ полусапожки ноги и взяла на колѣни маленькій, но тяжелый чемоданъ.

— Трогай! — закричалъ комиссаръ.

Впередъ поскакали ординарцы. Положивъ на сѣдла винтовки, всматриваясь, они пошли по главной улицѣ осторожной рысью.

III.

Никогда еще не былъ такъ одинокъ озаренный съ заката соборъ. Отдыхала площадь, голуби ходили подъ бѣлой стѣной. И великое надъ площадью небо, и набережная, и снѣга рѣки, все было въ деревенской зарѣ.

Противъ училища, около церковной ограды, у брошенныхъ повозокъ, зарядныхъ ящиковъ и пушекъ работали реалисты. Они вытаскивали изъ зарядныхъ ящиковъ лотки со снарядами и снимали съ пушекъ тяжелые замки. Реалистамъ помогалъ молодой солдатъ въ нагольной, съ ямщицкой сборкой поддевкѣ.

Тяжелый, на высокихъ колесахъ зарядный ящикъ потащили къ рѣкѣ. На спускѣ онъ пошелъ быстрѣе и, погремѣвъ межъ прорубей, играя колесами, легко покатился по рѣчной дорогѣ. Между женскимъ монастыремъ и церковью Покрова, на отмѣченномъ елками участкѣ, стояли вытащенныя баграми высо-

кія льдины. Ящикъ подогнали къ проруби. Онъ плюхнулся и со всѣми снарядами пошелъ подъ ледъ. Всѣ радостно закричали.

Реалисты столпились вокругъ солдата. Опустившись на колѣно, снявъ шоферскія рукавицы, онъ разбиралъ пулеметъ. Кинувъ на ледъ похожій на сердце стальной замокъ, онъ вытащилъ длинное дуло, и изъ пулемета неожиданно хлынула маслянистая вода. Поднявъ голову, солдатъ улыбнулся, и Сережа увидѣлъ, что у него синіе глаза и женскія брови.

Потомъ въ прорубь начали бросать длинныя, съ мѣдными гильзами, трехдюймовые снаряды. Сережа лежалъ на краю проруби и смотрѣлъ, какъ ихъ заворачивало теченіемъ зеленой воды, какъ они медленно шли ко дну, ложились на каменныя плиты съ тупымъ и легкимъ трескомъ и, ставши толстыми, по рыбьи поблескивали зеленоватой мѣдью.

Солнце, уходя, освѣщало открытую рѣку съ далекою насыпью катка, елками и мостами. Это низкое солнце дѣлало все чудеснымъ. Вытащенныя на снѣгъ льдины играли синимъ и голубымъ, избы по берегу стали коричневыми. Было вольно, чисто и печально. Цвѣта теплаго жемчуга были снѣга, и монастырь на берегу поднималъ свои травяныя главы. Рѣка шла къ острову, перекинутые на него съ береговъ мосты казались легкими и сквозными.

Изъ-за мостовъ, на пустыхъ дровняхъ, выѣхалъ мужикъ. Онъ гналъ лошадь, нахлестывалъ и озирался. Сережа посмотрѣлъ вверхъ. На зарѣ, высоко въ небѣ летѣлъ нѣмецкій аэропланъ. Онъ дѣлалъ круги, онъ снижался. На его желтыхъ, какъ шелкъ, крыльяхъ всѣ увидѣли жуткіе черные кресты. Всѣ слышали густое, по разному мѣняющееся пѣніе, и вдругъ подъ нимъ, надъ рѣкой, чудесно раскрывшись, просіяла желтая ракета. Рождая въ небѣ призрачный свѣтъ, она догорѣла падучей звѣздой.

Солдатъ медленно натянулъ кожаныя, съ раструбами по локоть, рукавицы.

— Почему вы не ушли? — спросилъ Сережа.

— А Богъ знаетъ, — отвѣтилъ онъ. — Надоѣло съ большевиками. Хочу домой къ матери ѣхать.

Всѣ смотрѣли на него. Онъ поправилъ папаху, улыбнулся, а лицо его стало печально.

— А вы издалека? — спросилъ Сережа.

— Изъ Архангельска, милый.

Онъ пошелъ по рѣкѣ. Папаха по удалому была надѣта набекрень, спину обтягивала нагольная поддевка, и шелъ онъ какъ-то весело и отчаянно, словно въ этотъ день ему было некуда идти.

IV.

Въ избѣ, по субботнему, горько пахло дымомъ. Дарья спала за пологомъ, а Яковъ сидѣлъ у окна. Послѣ безсонной ночи у него блестѣли глаза, на худыхъ скулахъ выступилъ румянецъ. Въ это утро за всѣхъ работала старуха мать.

Мать вынула круглые караваи. Они быстро согрѣли дубовый столъ, накинутыя холстины, и въ избѣ запахло горячимъ ржанымъ хлѣбомъ. Послѣ полудня заѣхалъ Замошскій мужикъ. Яковъ надѣлъ тулупъ, попрощался и покорно сѣлъ въ чужія дровни.

— Всѣхъ гонятъ, — сказалъ по дорогѣ мужикъ. — Ой, Яшка, чужіе пришли, въ лаптяхъ, шубы худыя, кто съ радостями, кто подъ страхомъ.

По сырымъ, крѣпко осѣвшимъ снѣгамъ летѣлъ вѣтеръ, поля были тусклы, ровны, березы шумѣли,

какъ вода, и отъ полевого вѣтра и безсонницы Яковъ быстро озябъ. Мужикъ правилъ, сидя посреди дровней на пяткахъ, Яковъ сидѣлъ къ нему спиной и смотрѣлъ на убѣгавшую изъ-подъ саней дорогу.

Въ Замошьѣ, около высокой съ синими ставнями избы, толпился народъ. Посреди дороги покорно ждалъ съ подводой больной глазами старикъ Баранъ. И на высокомъ крыльцѣ и на дворѣ стояли люди. У воротъ, среди чужихъ, Яковъ увидѣлъ темное лицо брата. Алексѣй отвернулся. Къ Якову подошелъ плотникъ Боровиковъ, коренастый мужикъ съ голымъ и морщинистымъ, какъ у скопца, лицомъ. Поздоровавшись, онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ, Яшъ, если-бъ не было этого дѣла.

— А назадъ не поворотишь, — помолчавъ, добавилъ онъ. — Теперь, выходитъ, пойдемъ хоронить пристава съ приставихой.

Стало нехорошо. Яковъ посмотрѣлъ на покорнаго, съ отвалившимися красными вѣками старика, на бѣлую, въ розовой гречкѣ кобылу и увидѣлъ брошенныя на сани отчищенныя осенней землей лопаты.

На крыльцѣ показался солдатъ. Онъ безъ улыбки осмотрѣлъ затихшій народъ и медленно спустился съ крыльца. Короткая шинель была разстегнута, папаха примята, шея замотана зеленой обмоткой. Лѣвой рукой онъ придерживалъ ремень закинутой за плечо винтовки, его припухшее у глазъ лицо было нездороваго цвѣта.

Пасмурилось. Толпа вышла изъ деревни на прямую барскую дорогу съ толстыми и голыми березами. Въ головѣ разговаривали, а задніе молчали. Много было чужихъ, но всѣмъ было тяжело идти на старое мѣсто. Въ Городищенскомъ паркѣ, на

крестѣ дорогъ, передніе люди остановились и окружили солдатъ.

— Что тамъ стали?

— Да солдатъ говоритъ, нужно бы зайдти и мельника убить, — отвѣтилъ незнакомый мужикъ.

Когда Яковъ подошелъ, говорилъ уже не солдатъ, а Боровиковъ. Онъ былъ маленькаго роста, его закрывали высокіе мужики. Яковъ услышалъ:

— Братцы, зачѣмъ мельника бить? Онъ нашъ работникъ. Мало-ли онъ намъ добра сдѣлалъ?

Рядомъ съ Боровиковымъ, все такъ же придерживая лѣвой рукой ремень закинутой за плечо винтовки, стоялъ солдатъ въ примятой папахѣ.

— А чего, — сказалъ онъ. — Надо зайти. Вмѣстѣ всѣхъ и зарывать.

— Такъ какъ же, товарищи? Такъ рѣшимъ, али поднятіемъ рукъ?

— А все-таки не оставили бы Сергѣя Кириллыча?

V.

У рѣки росли прямыя голыя снизу ели. Вверху тяжело ходили ихъ плотныя зеленыя маковицы. Слѣва, за елями, стояла сѣрая рубленная мельница. Здѣсь всѣ были, мололи, знали широкій у рѣчной плотины дворъ, мельницу съ забѣленными у входа мучной пылью бревнами и стоявшій въ сторонѣ низкій, съ палисадникомъ домъ.

На пустомъ дворѣ ходили двѣ утки. Загремѣвъ, выскочилъ черный лохматый песъ и, натягивая цѣпь, началъ рваться и лаять. Старикъ былъ на мельницѣ. Въ треухѣ, въ сѣрой по колѣна курткѣ и русскихъ сапогахъ, онъ вышелъ на шумъ, уви-

дѣлъ мужиковъ и остановился на порогѣ. Его лицо съ сѣдой чухонской бородкой смертно поблѣднѣло.

Къ тебѣ пришли, Сергѣй Кириллычъ, — среди общаго молчанья сказалъ, выступившій впередъ, Боровиковъ.

Мельникъ не отвѣтилъ.

— Надо на обыскъ, — качнувшись, поглядѣлъ на стоявшій въ другомъ концѣ двора домъ, сказалъ солдатъ.

— Пусть главари пойдутъ, — отвѣтилъ ему кто-то изъ толпы зло и глухо, — мы поднасильные. Мы и на дворѣ подождемъ.

Замолчали.

— Есть у тебя левольвертъ, Сергѣй Кириллычъ? — спросилъ Боровиковъ.

Глядя прямо передъ собой, мельникъ непослушными руками разстегнулъ снизу свою сѣрую куртку, вынулъ изъ кармана обвисшихъ на колѣняхъ штановъ короткій съ толстымъ барабаномъ потертый до темноты бульдогъ и отдалъ его солдату. Небо было въ тучахъ. Сѣрое, въ бѣловатыхъ неясныхъ пятнахъ, оно медленно плыло надъ широкимъ дворомъ, шумѣли ели, холодно бѣлѣла высокая замерзшая плотина. На другой сторонѣ двора, на порогъ низкаго дома выбѣжала мельничиха, а съ ней десятилѣтній простоволосый мальчикъ. Мужики смотрѣли на опустившаго голову старика. Онъ поднялъ на народъ глаза, медленно снялъ треухъ и, оставшись съ бѣлой, подстриженной по-мужицки въ скобку головой, сказалъ:

— Разстрѣливайте. Пусть нашего и поколѣнія нѣтъ!

Яковъ отвелъ глаза и посмотрѣлъ въ ноги. Когда онъ снова поднялъ голову, къ мельнику подошелъ Боровиковъ. Онъ только сказалъ:

— Живи, Сергѣй Кириллычъ. Тебѣ никто худого не сдѣлаетъ.

VI.

За рѣкой, въ сосновомъ лѣсу, на полянѣ стоялъ домъ пристава. Вдали, на мельницѣ, хрипло лаялъ растревоженный песъ. Дровни подогнали къ заднему крыльцу и въ домъ вошелъ солдатъ съ шестью мужиками. Часть людей осталась возлѣ строенія, а остальные пошли по старымъ слѣдамъ лѣсной опушкѣ, гдѣ въ снѣгу лежало заколянѣвшее за ночь тѣло. Слышно было какъ въ домѣ спорили, возились, какъ, выходя, тяжело ступая, мужики зашумѣли на заднемъ крыльцѣ. Изъ-за дома выѣхали дровни. Рядомъ, направляя коня къ опушкѣ, съ вожжами въ рукахъ шелъ старикъ Баранъ, а во всю длину его саней лежало что-то большое и бѣлое.

Подъ разбитымъ окномъ темнѣло мѣсто костра. Бумажный пепелъ, за ночь унесло далеко по снѣгу. Яковъ стоялъ въ сторонѣ. Онъ все боялся, что привяжутся, но обошлось безъ него. Чужіе мужики разобрали лопаты и пошли въ лѣсъ. Около дома остался Боровиковъ, замошскій чернобородый кузнецъ, хуторянинъ въ бѣломъ, обшитомъ по борту кожей полукафтаньѣ и бывшій стражникъ Никифоровъ, печальный, чахоточный, высокій человѣкъ въ манджурской папахѣ. Подошелъ солдатъ. Вынувъ бумажку, прижавъ ее къ стѣнѣ дома, онъ поглядѣлъ исподлобья и спросилъ:

— Какъ звать?

— Яковъ Савровъ.

— Ты въ караулъ назначенъ, — кинулъ солдатъ и, помусливъ карандашъ, медленно записалъ имя. Переписавъ всѣхъ, онъ спряталъ бумажку, поглядѣлъ въ разбитое окно дома и, обернувшись, пересмотрѣвъ мужиковъ запухшими зелеными глазами остановивъ на Никифоровѣ свой взглядъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Гадость надо убрать. Пусть твоя баба полъ вымоетъ.

Солдатъ ушелъ. Никифоровъ сѣлъ на крыльцо, досталъ кисетъ и, наклонивъ голову, скрывая отъ мужиковъ лицо, сталъ медленно свертывать.

— Это въ укоръ-то, значитъ? — въ полголоса сказалъ Якову Боровиковъ. — Ну онъ больше къ народу и въ стражникахъ тянулъ.

— Ты не знаешь, какъ дѣло было? — спросилъ Яковъ.

— А, братъ, — сурово отвѣтилъ Боровиковъ, — здѣсь только тотъ, кто былъ, знаетъ, сколько пуль всадилъ.

Небо на закатѣ посвѣтлѣло. Отъ мельницы пришла Дарья въ полушубкѣ, темномъ платкѣ и высокихъ сапогахъ. Она отвела мужа за домъ и сказала:

— Пойдемъ, Яшъ, не стали-бы стрѣлять.

— Я бы, Дарьюшка, ушелъ, — отвѣтилъ онъ грустно, — да бѣсъ ихъ возьми, въ караулъ назначили. Ты хлѣбца мнѣ принеси.

Когда она ушла, Яковъ сѣлъ на крыльцо пустого дома. Лѣсъ передъ вечеромъ шумѣлъ полно и долго. По лѣсу торопясь шла баба въ бѣломъ платкѣ, направляясь къ тому страшному мѣсту, гдѣ межъ стволовъ мужики рыли могилу. Передъ домомъ росла тонкая и прямая сосна съ раздвоенной вершиной. Снѣгъ подъ ней по февральскому былъ въ мелкихъ шишкахъ и сухой иглѣ. По вечернему затеплились ея восковые суки, по вечернему на снѣжную поляну палъ легкій отсвѣтъ зимней зари.

VII.

Въ сумеркахъ надъ полемъ летали первыя порошинки. Небо было пушисто и сѣро, лѣсъ стоялъ зеленый и прямой. Дарья несла завязанный въ платокъ, покрытый хлѣбомъ горшокъ щей. Въ полѣ къ полуголой ели уже былъ выставленъ отъ Городища постъ. Тамъ стоялъ туго запоясанный по тулупу Боровиковъ и одѣтый въ черное стражникъ.

Въ бревенчатой, срубленной на краю парка школѣ топили печь. Сидя на корточкахъ, въ растегнутомъ бѣломъ полукафтаньѣ Терентій подкладывалъ дрова. Въ углу, въ шапкѣ и въ армякѣ лежалъ большой голенастый мужикъ Савелій. Яковъ сидѣлъ на разостланомъ на полу тулупѣ и слушалъ разговоръ чернобородаго, устраивавшагося на ночь кузнеца. Опустившись рядомъ, Дарья достала изъ кармана деревянную ложку, и Яковъ, развязавъ узелокъ, перекрестился, снялъ теплый и влажный хлѣбъ и поставилъ промежъ вытянутыхъ ногъ глиняный горшокъ со щами.

Она глядѣла на него. Съ растрепанной бородой, съ спутанными волосами, онъ ѣлъ, опустивъ глаза, зачерпнувъ, проводилъ ложкой по краю и вытягивалъ длинную и худую шею.

Темнѣло. На волѣ началъ падать снѣгъ. Онъ валился чуть косо, большими и бѣлыми хлопьями. Печка медленно разгоралась, тяжелыя и сырыя полѣнья сипѣли, на берестѣ таялъ ледъ.

— А вотъ не знаю, милый, — уклончиво говорилъ мужику кузнецъ, — такъ и скажу, что не знаю. Да и какъ узнаешь? Каждый пятится отъ худого дѣла.

Лежавшій въ углу Савелій сѣлъ, отогнулъ поднятый воротникъ армяка и поправилъ низко надѣтую

шапку. Онъ подождалъ, не скажетъ ли еще чего кузнецъ, но всѣ молчали.

— Вызвали его на крыльцо, — твердо сказалъ Савелій, — онъ вышелъ безъ оружія. Они тамъ говорить начали, говорить и выстрѣлили. Онъ на уходъ къ лѣсу побѣгъ. Они со сторонъ стрѣлять. Его сзади лопнули. Я подошелъ, а ужъ и мозги изъ головы вывалились.

— И чего онъ въ городъ не уѣхалъ, дуракъ, — медленно сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Да если бъ онъ худой былъ, — отвѣтилъ кузнецъ.

Терентій отошелъ отъ огня, сѣлъ спиною къ стѣнѣ и обхватилъ руками обернутыя бѣлыми суконными оборами тонкія ноги. Яковъ опустилъ ложку и задумался. Дарья вздохнула. Окна потемнѣли, крестовины рамъ забѣлѣли отъ свѣжаго снѣга.

— Вотъ какъ дѣло было, — спокойно, въ наступившей тишинѣ, сказалъ Терентій. — Мы сошли туда на закатѣ солнца. Въ этотъ часъ. Вызвали его на крыльцо, съ нимъ вышла жена. «Что вы, братцы, собрались сюда, навѣрно, вы, братцы, пришли меня бить? Вѣдь это будетъ нехорошо, вѣдь это будетъ самосудъ». Окружили его. Кто-то торнулъ штыкомъ въ пузо. Онъ не упалъ, а побѣжалъ къ лѣсу по чистой полянѣ. Убѣжалъ онъ саженей семьдесятъ, а кто-то сбоку, со стороны приложился... Онъ и сунулся. Подбѣжали къ нему, ударили въ упоръ, въ голову. Савелій правду говоритъ, мозги были выѣхавши.

— Вѣрно, — сказалъ изъ угла Савелій, — его вызвали на крыльцо, начали говорить: тебя бить будемъ. Онъ сразу на уходъ. Его на бѣгу ранили, а когда легъ — убили. Санька али солдатъ убилъ?

Потрескивая, разгоралась печь и на проконопаченную бѣлымъ мохомъ бревенчатую стѣну падалъ свѣтъ.

— Въ это время, — снова сказалъ изъ темноты Терентій, — жена его кричала и просила у народа: не троньте хоть меня. — «Нѣтъ, барыня, мы тебя не тронемъ. Иди спать въ свою комнату». Прошла она въ комнату, а тутъ на улицѣ: «нѣтъ, нельзя намъ ее оставить. Она разскажетъ, кто билъ, а нѣмцы придутъ, будетъ плохо. Надо слѣды скрывать.» Посмотрѣли въ окошко. Видятъ ходитъ по комнатѣ. Ну, въ домъ не пошли, а въ окно выстрѣлъ дали...

— Ой, бросьте, не говорите того, что худое было, — сказала Дарья.

— Я, милая, Бога молю, — шепотомъ сказалъ Яковъ, — чтобы нѣмцы скорѣе пришли.

— Яшъ, а Яшъ, — шепнула она, — брось ты этихъ, отойди къ роднѣ въ Бердино, пусть перетихнетъ.

Въ корридорѣ послышались шаги. Толкнувъ дверь, вошелъ солдатъ. Его шинель была застегнута, папаха побѣлѣла отъ снѣга. Приставивъ къ стѣнѣ винтовку, онъ снялъ папаху и обилъ ее о косякъ. За нимъ, внося холодъ, вошелъ Санька въ острой барашковой шапкѣ и дѣвка въ полусапожкахъ, въ черномъ полупальто и бѣломъ платкѣ. Она поздоровалась съ Дарьей, сѣла рядомъ и вытерла рукавомъ румяное, влажное отъ снѣга лицо.

— Въ яму-то закопали? — спросилъ солдата Савелій.

— Закопали, бѣсовъ!

— А сильная женщина, — сказалъ Санька. — На семь пудовъ, вотъ какая.

— Она едва въ эти двери влѣзла, — сказалъ Савелій. — Теперь нѣтъ такихъ бабъ, словно три бабы вмѣстѣ сложены.

Солдатъ засмѣялся. Онъ сѣлъ съ Санькой на лав-

ку у окна. Санька передалъ ему кисетъ. Разставивъ ноги, склонивъ голову, солдатъ медленно сталъ разматывать ремешокъ.

— Въ крови заплывши лежали, — сказалъ Санька. — Даже страшно какіе здоровые.

— Надо знать, — увѣренно отвѣтилъ Савелій, — что въ такихъ здоровыхъ людяхъ много крови.

— Приставиха жирнѣй, — сказалъ солдатъ. — Ее не скоро порѣшили. Все какъ-то не нять. было бить. Штыкомъ кололи, да не помирала, — настолько жирна. Какъ бросили въ яму — такъ твякнуло.

— Васъ бы бѣсовъ разстрѣлять за такія дѣла, — сказала дѣвка.

Всѣ посмотрѣли въ ея сторону. Она сидѣла около Дарьи на свѣту, вытянувъ ноги, и на ея подкованныхъ полусапожкахъ таялъ снѣгъ.

— Ишь ты, какая смѣлая, — сказалъ солдатъ.

— А кто штыкомъ кололъ? — рѣзко отвѣтила она. — Барыню то, говорятъ, всё штыкомъ мертвую кололи.

Мужики угрюмо молчали.

— Вотъ послухай-ка, Дарьюшка, — сказала дѣвка, — про Саньку говорили, будто онъ съ ней жилъ. Тьфу! Брешетъ народъ. Стала бы она съ такой дрянью спать. Санька пришелъ къ могилѣ, а ему смѣясь: твою пасестру убили... ой, тошненько, они свою работу насилу до ямы донесли. Въ простыняхъ да въ крови такъ и бросили. А какая барыня была: толстая, черная, волосы носила съ высокимъ чубомъ. Я, бывало, ей ягоды брала. Ой, поглядѣла я, пальцы то переломлены, какъ кольца сдирали, а у него руки выворочены — такъ тащили. Съ насмѣшками въ могилу бросали. Тую внизъ, а его наверёхъ. Съ усмѣшками все.

— А, будетъ болтать, — сказалъ солдатъ, — убили и конецъ!

— Безвинныхъ людей убили, — хрипло сказалъ кузнецъ. — Я говорю, зачѣмъ ихъ было бить, можно миновать было.

— Такъ ты бы тогда сказалъ.

— А что говорить? Такъ ничего не сдѣлаешь. У каждаго своя судьба.

— Ты бы сказалъ, — насмѣшливо добавилъ солдатъ. — Я бы тогда тебя перваго изъ винтовки вгорячахъ приложилъ.

— Приложить каждаго, другъ, можно...

— Намъ развѣ антересно, — лѣниво сказалъ солдатъ.

Онъ вычеркнулъ спичку. Огонь освѣтилъ измятую, грязной поддѣльной смушки папаху и зеленоватое, съ толстымъ носомъ лицо. За окномъ густо падалъ снѣгъ, и Дарья молча стала собираться домой.

VIII.

За рѣкой посинѣло. Въ шесть часовъ ударили ко всенощной. Когда Анастасія Михайловна вышла изъ дому начинались сумерки. Въ садахъ успокоились вороны. Снѣгъ казался бѣлѣе, дома ниже. На главной улицѣ вывѣшивали бѣлые флаги.

Соборъ былъ теменъ, холоденъ и пустъ. Стоявшій у закрытаго свѣчного ящика староста не узналъ Анастасію Михайловну. На ней былъ простой черный платокъ. Передъ иконой Богородицы въ холодномъ мѣдномъ подсвѣчникѣ горѣли три свѣчи. Слабо былъ освѣщенъ лампадами алтарь, тяжелымъ казалось золото развернутаго складнемъ иконостаса. На клиросѣ пѣлъ и отвѣчалъ на возгла-

сы псаломщикъ. Онъ, въ шубѣ, стоялъ передъ аналоемъ съ прилѣпленной свѣчей. Всенощная шла безъ молящагося народа. Былъ пусто, словно въ церкви стоялъ бѣдный гробъ.

Перекрестившись, Анастасія Михайловна опустилась на колѣни. Начинали Великое Славословіе. Холодны были плиты пола. Пѣли въ два голоса: псаломщикъ и сторожъ. Покаянно, на колѣняхъ, она слушала, преклонивъ главу.

Слава въ вышнихъ Богу
И на землѣ миръ,
Въ человѣцѣхъ благоволеніе...

Никогда еще не былъ такъ скорбенъ вечеръ. За стѣнами — опустѣвшій городъ, сумерки, ожиданіе врага. Соборная пустота и холодъ на родной землѣ. — Господи, врага встрѣчаемъ, — думала она, — врагъ спасетъ отъ своихъ. А на клиросѣ пѣли единымъ дыханіемъ:

Хвалимъ Тя, благословимъ Тя, кланяемся,
вословимъ Тя, благодаримъ Тя,
Великія ради Славы Твоея,
Господи, Царю Небесный, Боже, Отче,
Вседержителю, Господе, Сыне Единородный..

Она стояла на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери. На Ея груди при неровномъ свѣтѣ туманно переливалась подвѣска изъ мелкаго рѣчного жемчуга. Ликъ Ея былъ нѣженъ и кротокъ, къ плечу припадалъ Младенецъ. Анастасія Михайловна вспомнила, какъ дѣвушкой выстаивала съ покойной матушкой всенощную, какъ уставала, становилась на колѣни, начинала сильнѣе молиться, а церковь тихо пѣла прославляя и кланяясь, и въ тишинѣ казалось, что нѣтъ никого, всѣ едины и, какъ тихое вечернее пѣніе, — свѣтъ надъ главами город-

скихъ храмовъ. И межъ лѣсовъ и озеръ, въ смолкшихъ по вечернему погостахъ, надъ малыми куполами деревянныхъ церквей — легче зари свѣтъ, и небо радостно, а земля по вечернему мирна и благословенна.

На всякъ день благославлю Тя
И восхвалю имя Твое во вѣкъ,
И во вѣкъ вѣка...

Тепломъ наливалось сердце, по щекамъ текли слезы, и слезы были радостны и легки, какъ спадающій на весеннюю траву теплый дождь, и счастливо и смиренно припадала она передъ Владычицей, а когда поднимала глаза, колеблясь, оживалъ Ея ликъ и милостива и благостна была Ея улыбка. И все любила она: тихость храма, славословіе вечернее, украшавшіе Владычицу теплые жемчуга, воды протекавшей за храмомъ Великой, вечерніе тополя, и уже не было стѣнъ: все едино хвалило милость и радость Ея.

...Буди, Господи, милость Твоя на насъ, яко
же уповахомъ на Тя.
Благословенъ еси, Господи, научи мя оправ-
даніемъ Твоимъ.
Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ
и родъ...

И теперь, глядя на образъ, она плакала отъ горечи сердца и, казалось, въ скорби былъ ликъ Богородицы, въ слезахъ смуглая щека. И среди снѣговъ, въ пустотѣ зимняго вечера, передъ приходомъ врага — только Она надъ забытымъ въ снѣгахъ чернымъ городомъ, — Ея древній, скробный ликъ.

Медленно, въ холодѣ, горѣли свѣчи, неподвижно висѣли на древкахъ тканыя золотомъ хоругви.

Быстро правили службу. Было время смиренія, когда закрыты Царскія Врата, и золото вѣтвей — на алой церковной занавѣси. Привычно читалъ псаломщикъ и, кончивъ, сказалъ:

— Именемъ Господнимъ благослови, Отче!

Въ темной рясѣ, въ одной епитрахили, священникъ вышелъ сѣверными дверьми.

— Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лицо Твое на ны и помилуй ны.

— Аминь, — отвѣтилъ чтецъ.

— Свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка, идущаго въ міръ...

А уже на клиросѣ быстро запѣли. Благодарственно побѣдное пѣніе глухо звучало въ пустомъ соборѣ.

— Слава Тебѣ, Христе Боже, — поднявъ узкое худое лицо, сказалъ священникъ.

Хоръ отвѣтилъ. Псаломщикъ прочелъ молитвы. Взявшись лѣвой рукой за епитрахиль, священникъ остановился противъ Царскихъ Вратъ, лицомъ къ пустому и темному храму, и началъ говорить отпустъ. Онъ кончилъ и стоялъ въ большихъ, видныхъ изъ-подъ рясы сапогахъ, узкогрудый и худой.

— Вы одна сегодня, Анастасія Михайловна?

— Да, батюшка, одна.

Онъ вздохнулъ.

— Такія времена, такія времена, — сказалъ онъ, — Божье попущенье.

— Благословите меня, батюшка.

— Господь благословитъ.

Она поцѣловала его руку, подошла къ Скорбящей и помолилась у Голгофы, гдѣ на траурномъ подножьи бѣлѣла Адамова голова, гдѣ на крестѣ

былъ вознесенъ измученный, съ кровоточащими ладонями Спаситель. Ей стало спокойно, печально и легко.

Въ пустой притворъ залетали хлопья. Ровно бѣлѣло крыльцо, темныя гранитныя колонны были холодны и блестящи. Когда она спускалась, вверху ударилъ колоколъ, неровно загудѣла мѣдь. Черезъ площадь цѣпью шли нѣмцы въ круглыхъ желѣзныхъ шапкахъ.

IX.

Одинъ изъ автомобилей, зеленый и длинный, съ двумя нѣмецкими офицерами, прокладывая свѣжіе слѣды, проѣхалъ по главной улицѣ и остановился противъ кирпичнаго дома. У воротъ стоялъ бородатый, въ черной шубѣ купецъ. Машина была русская, за рулемъ, въ смятой фуражкѣ съ очками, сидѣлъ плѣнный шофферъ.

— Эй, борода! — крикнулъ онъ. — Отворяй ворота!

— Въ чемъ дѣло? — испуганно спросилъ купецъ.

— А чортъ ихъ знаетъ, — спокойно отвѣтилъ шофферъ. — Видно къ тебѣ на постой.

Одинъ изъ офицеровъ, въ острой, затянутой матеріей каскѣ, сидѣлъ отвалившись, поднявъ сѣраго мѣха воротникъ. Другой, съ молодымъ, краснымъ отъ снѣга лицомъ, сидѣлъ очень прямо, подтянувъ къ животу растегнутую револьверную кобуру и держалъ въ рукахъ стэкъ.

Собравшійся на панели народъ помогъ отложить врота, автомобиль попятился на середину дороги, дернулся, захрипѣлъ и въѣхалъ съ неподвижно сидящими нѣмцами на широкій купеческій

дворъ. Молодой офицеръ выскочилъ первый. Худощавый, въ черныхъ крагахъ, въ прусской высокой фуражкѣ, онъ осмотрѣлъ дворъ и стэкомъ указалъ шофферу на каретный сарай. Хозяинъ поклонился, но они, не глядя на него, вошли въ домъ.

— Первые идутъ сердитые, — сказали у воротъ.

— Теперь до Новгорода пойдутъ, — отвѣтилъ мѣщанинъ, — вотъ такъ-то вездѣ будутъ бѣлые флаги вывѣшивать.

— А ужъ и наши бѣжали, — сказала закутанная въ большой платокъ женщина. — Цѣлую недѣлю, какъ паутина, по всѣмъ дорогамъ тянулись. Сегодня, вижу, послѣдніе защитники поѣхали. Сперва деревенскія сани, а потомъ броневикъ гремитъ по сугробамъ.

— А мужики-то съ мѣшками пріѣхали на базаръ, — смѣясь сказалъ мѣщанинъ, — хотѣлось имъ лавочки-то пограбить. Вотъ теперь распихиваютъ добро, прячутъ.

Вверху тяжело роилось сѣрое небо.

— Дураки, что радуетесь, зубы скалите, — сказалъ долго молчавшій купецъ. — Враги пришли.

— А намъ свои хуже враговъ.

— Повѣрите-ли, — отвѣтилъ купцу горожанинъ въ круглой барашковой шапкѣ, — нѣмцевъ встрѣчаемъ, а и грустно и радостно.

— А ужъ избави Богъ отъ своихъ, — снова сказала женщина. — Что бы Богъ здоровья далъ нѣмцамъ. Дадутъ при себѣ спокойно пожить.

Купецъ не отвѣтилъ. Онъ былъ сѣдъ и хмуръ.

Въ домѣ зажгли свѣтъ. Онъ упалъ на снѣгъ, и Сережа увидѣлъ, какъ чиста и пушиста пороша. За соборомъ потемнѣло, снѣгъ падалъ крупными хлопьями. Онъ заносилъ крыши, сады, побѣлѣвшую дорогу, онъ падалъ сквозь голыя липы у Покрова.

Тамъ, противъ училища, остановился запряженный черными толстоногими конями, крытый брезентомъ фургонъ. На дорогѣ стояли тяжело нагруженные ранцами нѣмцы. Отъ нихъ пахло желѣзомъ и потомъ. Съ лицами, полускрытыми холодными касками, повѣсивъ на шеи винтовки, они молча курили крѣпкій табакъ и смотрѣли на окруженную голыми липами церковь и брошенныя у ограды русскія пушки.

X.

Когда началъ падать снѣгъ, въѣхали въ деревню. Тимофей остановилъ подводу у воротъ отцовскаго дома. Онъ вбѣжалъ въ горницу и приказалъ матери накрывать на столъ.

Разматывая платокъ, вошла комиссарша. Круглолицая, съ подрумянеными скулами, она сѣла въ передній уголъ и, опустивъ, какъ кукла, руки, начала жаловаться, что остудила ноги.

Василій Максимовъ сидѣлъ на постели и хмурился. Вошелъ комиссаръ, лысый коммунистъ и чужой мужикъ.

— Вотъ, товарищи, — сказалъ Тимофей, — невесело живемъ.

Комиссаръ досталъ обшитую войлокомъ фляжку и подозвалъ Василія къ столу. Комиссаршѣ налили въ граненый стаканъ. Всѣ выпили. Спустивъ на плечи платокъ, растегнувъ жакетъ, комиссарша показала господское съ кружевнымъ воротомъ платье. Ея подвитые бѣлые волосы разсыпались кудельками по лбу, глаза заблестѣли.

— Угощайтесь, товарищи, — сказалъ Тимофей, — сейчасъ мамаша свинины зажаритъ.

На улицѣ, головой къ закрытымъ воротамъ, стоялъ сѣрый конь, на которомъ пріѣхалъ Тимофей. Рядомъ была брошена казенная подвода. Улица опустѣла, у забора были привязаны посѣдланные кони, ординарцы грѣлись по избамъ. На казенной подводѣ лежали запорошенные снѣгомъ мѣшки съ мелкимъ сахаромъ. Тимофей быстро перетащилъ тяжелый мѣшокъ на свои дровни, открылъ ворота и вогналъ коня во дворъ. Онъ вернулся, не раздумывая, подошелъ къ ординарческому коню и, вынувъ изъ кармана складной ножъ, срѣзалъ кожу, оставивъ сѣдло голенькимъ. Кожу онъ спряталъ въ пустую собачью будку. Падалъ снѣгъ. Отъ выпитаго спирта кружилась голова. Онъ засмѣялся и сказалъ:

— И такъ хорошъ! И безъ кожи доѣдешь.

Въ разстегнутой шинели Тимофей вернулся въ избу. На столѣ стояла разведенная въ желѣзномъ ковшѣ водка и сковорода съ зажаренной свининой. За столомъ рядомъ съ отцемъ сидѣлъ, облокотившись о столъ, захмелѣвшій комиссаръ и слушалъ разсказъ мужика.

— Я къ вокзалу ѣхалъ, — говорилъ мужикъ. — На! Аэропланъ бѣлый съ крестами летитъ и совершенно низко. А отъ линіи — нѣмцы! Изъ рощи выскочитъ и скроется подъ откосъ. Мужикъ ѣхалъ, видатъ — стой! Остановили, обыскали и дальше пошли...

— А въ городѣ? — спросилъ комиссаръ.

— Въ городѣ бѣлый флагъ о сдачѣ вывѣшивали.

— Вернемся, мы эти проводы вспомнимъ, — поглядѣвъ замутившимися глазами, сказалъ комиссаръ.

Тимофей подалъ знакъ отцу. Василій поднялся.

— Все хвастаютъ, — спускаясь съ крыльца, сказалъ отцу Тимофей. — Тутъ бы вечеромъ нѣмцы налетѣли, вотъ была бы крошиловка.

— А кто это съ нимъ? — спросилъ отецъ.

— Шкура его, съ города портниха.

Они отперли клѣть и подошли къ санямъ.

— А Илья, — сказалъ отецъ, увидавъ мѣшокъ, — двадцать полушубковъ привезъ и шапокъ съ сотню. А комплекъ идетъ за керенку.

Онъ стоялъ въ криво надѣтой шапкѣ и улыбался. — Э, да и ты хлебнулъ славно! — смѣясь, сказалъ Тимофей.

Они взяли мѣшокъ и перенесли въ клѣть.

— У насъ дѣло лучше, — сказалъ Тимофей, — сахаръ будемъ продавать, да и то, какъ лѣкарство.

— А коммунисты уходятъ, — весело сказалъ отецъ.

— Имъ что! — сказалъ Тимофей. — У нихъ все грабленное. — Гдѣ можно, тамъ и берешь. Комиссаръ керенки скатертями везетъ. Онъ, бродяга, въ моихъ саняхъ ѣхалъ. Эхъ, если бы былъ у меня парень, другъ рѣшительный!

— Ай, Тимка! — сказалъ отецъ.

— Ничего, ничего, — потрепавъ отца по плечу, сказалъ Тимофей. — Я шутя!

На улицѣ справляли подводы. Три ординарца сидѣли верхомъ, а четвертый осматривалъ сѣдло и ругался. Засунувъ руки въ прямые карманы шинели, Тимофей вышелъ за ворота. Подводчикъ, поглядывая на освѣщенныя окна, подбивалъ положенное въ сидѣнье сѣно. Къ Тимофею подошелъ Илья, мужикъ съ длинными, какъ у обезьяны, руками.

— Слушай, — спросилъ онъ, — правда, нѣмцы у насъ будутъ?

— Видишь, драпа даютъ, — отвѣтилъ Тимофей.

— Что за люди нѣмцы, я ихъ никогда не видѣлъ?

— А вотъ, какъ на вокзалѣ всыпали бабамъ, — усмѣхнувшись, сказалъ Тимофей, — сразу легче стало, — не стали полушубки брать!

Изъ избы вышли всѣ разомъ. Снѣгъ путался въ конской гривѣ. Комиссару было худо. Шатаясь, онъ дошелъ до дороги и повалился въ сани. Тимофей помогъ комиссаршѣ, усадилъ ее и, приложивъ руку къ папахѣ сказалъ:

— Прощайте, товарищи! Надѣюсь, скоро свидимся!

Деревня затихла. Въ эту субботу никто не топилъ бань. Широкая улица уходила въ поле. Въ разстегнутой шинели Тимофей вышелъ за околицу, остановился и послушалъ. — Ну, въ городѣ теперь нѣмцы, — подумалъ онъ. Въ сумеркахъ терялся плетень, дорогу заметало. Было глухо. Ровняя поля, шелъ снѣгъ.

XI.

Въ полночь далеко, верстъ за пятьдесятъ, ударилъ глухой и тяжкій взрывъ. Тимофей проснулся. Въ темной избѣ тяжело храпѣлъ отецъ. Подтянувъ тулупъ, Тимофей накрылся съ головой, вздохнулъ и сталъ задремывать. Сквозь находящій сонъ ему прислышалось, будто бы въ деревнѣ зашумѣли, но уже трудно было слушать, онъ дышалъ все ровнѣе и, когда сталъ засыпать, кто-то сильно застучалъ въ оконное стекло. Встряхнувшись, онъ вскочилъ и, босой, побѣжалъ къ окну. На завалинкѣ стоялъ мужикъ:

— Василій, никакъ ты спишь! — закричалъ мужикъ, приложивъ ладони ко рту.

— Батька! — крикнулъ Тимофей, нашарилъ са-

ноги и, вынувъ изъ голенищъ обертки, торопливо сталъ обуваться.

— Что такое? — спустивъ съ кровати ноги, сипло спросилъ Василій.

Мать проснулась и, ничего не понимая, отерла рукой сонное лицо. Лѣвый сапогъ трудно было натянуть, но Тимофей, поймавъ ушки, топнулъ объ полъ и, надѣвъ папаху, накинувъ шинель, выбѣжалъ съ отцомъ на улицу.

Была слышна далекая стрѣльба, въ деревнѣ раздавались голоса, плакали бабы, скрипѣли ворота, на улицу выгоняли коней, скотъ, тонко блеяли выбѣжавшія на морозъ изъ теплыхъ хлѣвовъ овцы. Снѣгъ пересталъ, черныя ночныя тучи закрывали небо. У калитки стоялъ, надѣвшій долгую шубу, Илья.

— Нѣмцы всѣхъ забираютъ, — тревоженно сказалъ онъ. — А подо Псковомъ наши сопротивленіе оказываютъ. Мы къ Порхову свою армію строить пойдемъ.

У сосѣдней избы уже накладывали на дровни скарбъ и вездѣ, какъ во время ночного пожара, выли жалкими голосами, плакали и выкликали бабы. Накинувъ платокъ, мать побѣжала на голоса.

— Теперь все кончено, — сказалъ Илья. — Весь мужичнякъ тронулся. Какъ подо Псковомъ дали взрывъ, такъ и пошли. А пошла ихъ полная дорога. Кто на лошадяхъ, кто пѣшкомъ.

— А ты куда? — спросилъ Василій. — Тоже уходить?

— Справился уходить и я, — нетвердо отвѣтилъ тотъ и взялся за поясъ. — Что будетъ, а мнѣ оставаться нельзя.

Тимофей посмотрѣлъ въ сторону города.

— Василій, надо и тебѣ уѣзжать, — сказалъ Илья.

— У тю! — отвѣтилъ спокойно тотъ, — какого бѣса.

Бабы плакали на дальнихъ хуторахъ.

— Василій, — помолчавъ, сказалъ Илья, — дай мнѣ мѣру муки.

— У насъ лишней нѣтъ.

— Дай. Все равно уходить. Вся деревня справляется.

— Пусть пошли, — сказалъ Василій, — а муки не дамъ. Время не такое.

Тимофей остался одинъ. Со стороны города все было тихо. Подошла мать.

— Ой, сынокъ, — сказала она со слезами. — Весь народъ бѣжитъ, а подо Псковомъ, говорятъ, наши дерутся. Я поглядѣла, порядочные мужики къ Порхову поѣхали.

Она помолчала, а потомъ робко прибавила:

— Не время-ли, сынокъ, тебѣ справляться?

— Переночую, — спокойно отвѣтилъ Тимофей.

— А вдругъ тебя, Тимъ, нѣмцы захватятъ?

— Что я, дуракъ? — сказалъ онъ. — Будутъ нѣмцы, услышу, успѣю справиться.

— Какъ знаешь, — покорно сказала она, — я то, милый, рада, что ты у насъ погостишь.

Изъ деревни тронулся обозъ. Слышно было, какъ онъ вышелъ на шоссе, какъ въ ночи, сухо потрескивая, потянулись немазанныя телѣги.

— Всѣ ушли, — прислушавшись, сказала мать. — Только по деревнямъ бабы поютъ.

Она первый разъ осталась наединѣ съ сыномъ. Сперва робко, боясь, что онъ уйдетъ, а потомъ смѣлѣе, она стала разсказывать, какъ жили безъ него. Тимофей слушалъ. Такъ, бывало, лѣтомъ, когда за блѣдныя луга склонялось солнце, остыва-

ла пыль, и съ рѣки тянуло сырой травой, процѣдивъ удой, она сидѣла съ бабами на завалинкѣ, а рядомъ прижавшись къ колѣну, смирно стоялъ набѣгавшійся Тимофей.

XII.

Утромъ деревня стояла безъ дыма. Крыши несли грузъ свѣжаго снѣга, и морозная тѣнь отъ избъ занимала половину широкой улицы. Утромъ Василій Максимовъ почистилъ конюшню, запрягъ вороного въ навозницу и выѣхалъ съ сыномъ въ поле. Они остановились на горкѣ, гдѣ подъ снѣгомъ лежала продернутая льдомъ осенняя пахота, и начали срывать навозъ. Полемъ отъ города шла одѣтая по воскресному, въ бѣломъ шелковомъ платкѣ и новомъ полушубкѣ знакомая дѣвка Акулина Никанорова.

— Ты откуда, Кушка? — спросилъ Василій.

— Съ города, — отвѣтила она, остановившись на краю поля.

— Зачѣмъ была?

— Была тамъ, — широко улыбаясь, сказала она, — съ нѣмцами шутила, пригласила къ себѣ нѣмца въ гости.

Противъ солнца свѣтились облитые серебромъ снѣга, и уголъ поля зачернѣлъ навозными бабками, когда съ порховской дороги свернулъ обозъ. Первыми, послѣ ночного бѣгства, возвращались домой богатые, на хорошихъ коняхъ, мужики. Приставшіе за ночь кони медленно тянули нагруженныя дровни, а за телѣгами брелъ привязанный скотъ.

— То-то тихо обратно идутъ, — сказалъ Тимофей.

Онъ стоялъ, опираясь на вилы, въ папахѣ и короткомъ полушубкѣ. Отецъ закурилъ. Въ деревнѣ Барашкахъ отворили ворота, слышно было, какъ мужики загоняли скотъ. Потомъ все затихло. Народъ разошелся по избамъ и легъ спать.

Принимаясь за работу, Тимофей посмотрѣлъ въ сторону города. Поле отливало золотистымъ зерномъ. Вдали шли два человѣка.

— Смотри! — сказалъ онъ отцу. — Цѣлиной по снѣгу стелятъ два нѣмца.

— Надо бѣжать, — сказалъ отецъ.

— Нельзя бѣгать, — остановилъ его Тимофей. — Могутъ на мушку взять. Я эти дѣла знаю.

Нѣмцы направлялись къ нимъ. Шли они налегкѣ, съ винтовками за плечами, широкимъ и быстрымъ шагомъ. Тимофей бросилъ работу.

— Моэнъ, — поровнявшись, сказалъ худощавый.

— Моэнъ, — отвѣтилъ Тимофей и поздоровался за руку.

— Барашки, Барашки, — улыбаясь, нетвердо сказалъ нѣмецъ и засмѣялся. Онъ отстегнулъ висѣвшую на поясѣ фляжку и пальцемъ показалъ, сколько Тимофей можетъ выпить.

— Денькую, панъ, — сказалъ Тимофей и сдѣлалъ три большихъ глотка сладкой, настоенной на анисѣ водки.

Нѣмецъ досталъ изъ кармана сложенную вчетверо записку. Тимофей взялъ ее, отдалъ фляжку и воткнулъ вилы въ снѣгъ.

— Акулина Никанорова, деревня Барашки, — прочелъ онъ вслухъ. — Правду сказала, не похвастала, — подумалъ онъ и обернулся къ отцу:

— Къ Кушкѣ въ гости!

— Ай, боюсь, — отвѣтилъ Василій, — я ихъ, главное дѣло, боюсь.

Тимофей взялъ нѣмца за плечо и повернулъ лицомъ на сосѣднюю деревню.

— Вотъ Барашки, панъ, — сказалъ онъ, — Акулина Никанорова, — и на пальцахъ сосчиталъ: — Какъ пойдете — шестой домъ.

Нѣмецъ закивалъ головой и, попращавшись, пошелъ съ пріятелемъ цѣлиной на деревню.

— Ну, батька, — сказалъ Тимофей, бросая вилы въ навозницу, — теперь мнѣ надо ѣхать!

Когда сѣраго, запряженнаго въ отцовскія дровни коня повернули головой къ открытымъ воротамъ, и Тимофей стоялъ на дворѣ съ веселымъ лицомъ, мать, плохо видя отъ слезъ, увязала въ сѣняхъ его сапоги, шелковый поясъ и голубую рубаху.

XIII.

Передъ приходомъ нѣмцевъ у купца Лосева квартировалъ автомобильный взводъ. Въ день отступленія хозяинъ купилъ у солдатъ ящикъ чая и сибирскаго масла. Подъ вечеръ къ Лосеву зашелъ постоялецъ въ новой щегольской поддевкѣ и хромовыхъ сапогахъ.

— Вотъ зашелъ къ вамъ, хозяинъ, попрощаться, — сказалъ солдатъ.

— Ну что-жъ, счастливо, — отвѣтилъ Лосевъ, — теперь куда?

— Да вотъ хочу домой къ матери ѣхать.

— А мать-то далеко?

— Въ Архангельскѣ.

— Погодите, молодой человѣкъ, — посмотрѣвъ на него, сказалъ Лосевъ. — Я вамъ чайничекъ на дорогу подарю.

— Да нѣтъ, спасибо. Я налегкѣ.

Онъ попрощался и пошелъ со двора: дубленая поддевка стянута на спинѣ сборкой, папаха — набекрень.

Наступилъ вечеръ. Съ темнотой городъ затихъ, небо потяжелѣло. Лосевъ стоялъ у калитки.

— Ну, какъ у васъ, Василій Васильевичъ, — подойдя къ нему, спросилъ сосѣдъ. — Мои сукины дѣти ушли и топоръ утащили. Настоящіе большевики.

— Я про своихъ не могу сказать, что большевики, — отвѣтилъ Лосевъ. — Вотъ вчера разбили лампу и заплатили. Кто-же теперь изъ солдатъ платитъ.

Началъ падать снѣгъ, и нѣмецкіе автомобили въѣхали на главную улицу. Вокругъ машинъ собрался народъ, и Лосевъ увидѣлъ въ толпѣ постояльца. Солдатъ смотрѣлъ на нѣмцевъ, засунувъ руки въ грудные карманы поддевки...

Потомъ съ дорогъ свезли снѣгъ. Днемъ по главной улицѣ съ барабанами и флейтами проходили нѣмецкія роты; вечеромъ доносило зорю. Въ понедѣльникъ утромъ морозило. Неожиданно ударили въ набатъ, часто, часто и оборвали... Лосевъ закрылъ лавку и пошелъ къ собору.

— Потушили, — поравнявшись, сказалъ знакомый прикащикъ. — Разгораться было начало, да, славу Богу, вода близко.

— А гдѣ горѣло?

— На бензиновомъ складѣ. Оставшійся солдатъ поджегъ. Зажегъ-то въ одномъ углу, да, слава Богу, огонь еще не подошелъ къ бочкамъ. Его нѣмцы судить повели.

Около управскаго дома народъ окружалъ коренастаго сторожа Василія, одѣтаго въ тяжелую ночную шубу и старую полицейскую фуражку.

— Я этого солдата знаю, — говорилъ Василій. — Онъ ежедневно въ складъ на караулъ ходилъ. Третьяго дня, когда Совѣтъ ушелъ, хозяинъ меня позвалъ и говоритъ: «Ты, Василій, гляди, никого на складъ не пускай. Всѣ запасы нѣмцамъ надо въ цѣлости сдать». Стою вчера — откуда ни возьмись солдатъ. Совъ въ калитку! «Нельзя». «Да вѣдь мы хозяева». «Были вы, а теперь другіе»... Ночь я прокараулилъ, утромъ пошелъ въ ряды, да забылъ кошелекъ. Пришлось вернуться. Подхожу къ воротамъ, а изъ калитки — солдатъ! Дверь на складъ настежь, дымъ валитъ. Я закричалъ, а тутъ и въ набатъ ударили.

— Жаль мальца, — сказалъ высокій мѣщанинъ. — Я видѣлъ, какъ его нѣмцы вели: молодой человѣкъ, красивый, здоровый.

XIV.

Утромъ два нѣмца водили солдата по городу. Это было его послѣднее желаніе.

Онъ шелъ впереди съ изжелта-блѣднымъ лицомъ. За ночь запали глаза, ссохлись губы. Сѣрая въ мелкую смушку, съ зеленымъ верхомъ папаха была надвинута набекрень, желтая поддевка распахнута. Онъ много курилъ, часто останавливался, смотрѣлъ на открывшуюся межъ домовъ рѣку, и

съ его лица не сходила грустная и отчаянная улыбка.

Ему разрѣшили брать у прохожихъ папиросы. На панели собирался народъ: всѣ знали, что онъ приговоренъ. Остановившись, солдатъ снималъ кожаныя, съ раструбомъ по локотъ рукавицы, бралъ ихъ подъ мышку и закуривалъ. Тяжело было смотрѣть на его подтянутое лицо, на обутые въ хромовые сапоги ноги, твердо стоявшія въ рыхломъ снѣгу. Закуривъ, поднеся руку къ папахѣ, онъ молча благодарилъ, и у людей падало сердце.

Его водили въ крѣпость, что на островкѣ межъ двухъ мостовъ, гдѣ ошибочно назначили мѣсто разстрѣла. Вокругъ низкой церкви Николы бѣлѣлъ дворъ. Противъ церковной паперти стояла богадѣльня съ двумя толстыми березами у крыльца, и когда солдата вели по крѣпостному двору мимо церкви, богадѣлки вышли на крыльцо и крестились на него, какъ на мертваго. А былъ онъ выше средняго роста, плечистъ, чернобровъ, ему давали двадцать три года.

На высокомъ берегу стояла полуразсыпавшаяся сѣрая крѣпостная стѣна. У крутого подножья на промерзшую землю бѣлыми языками намело снѣгъ, въ бойницахъ жили галки, по гребню росла сухая трава.

Надвигался солнечный день. Въ школахъ шли уроки, на базаръ пріѣхало съ десятокъ дровней, часы тягуче вызванивали время.

На обратномъ пути солдатъ остановился на мосту, положилъ на перила руки и долго смотрѣлъ на рѣку и снѣжныя поля. Подъ мостомъ лежала синяя тѣнь, на главахъ женскаго монастыря чисто сіяли кресты. Нѣмцы съ ружьями стояли поодаль и ждали.

XV.

— Пойдемъ, сказала Валя.

Она была въ бѣломъ, а косы не за спиною, а по плечамъ. Она взяла его за руку, и они побѣжали по гимназическому корридору. На площадкѣ у дверей стоялъ старикъ въ аломъ кафтанѣ.

— Это въ садъ — спросила она.

— Въ тропическій садъ, — почтительно поправилъ онъ и распахнулъ дверь.

Пахнуло тепломъ и запахомъ цвѣтомъ. Все радостно золотилось. За деревьями, повѣсивъ хоботы и хвосты, шли сѣрые слоны, а на полянѣ шумѣлъ циркъ. Въ домѣ, средь зелени, кричали, звонили, смѣялись и пѣли. И какіе то пестрые веселые клоуны показывались въ окнахъ, выскакивали, кувыркались. Они побѣжали мимо, узенькой аллеей, и онъ чувствовалъ ея теплую руку. По сторонамъ блестѣли широкіе листья и цвѣли бѣлые колокольчики. Они добѣжали до площадки. Старая, потрескавшаяся широкая лѣстница, поросшая пучками травы, веселыми уступами падала внизъ. А за нею не было ничего, кромѣ блѣдно голубого.

— Давай прыгать, — сказала она.

Держась за руки, они начали прыгать. Сначала выходило неловко, а потомъ заиграла въ деревьяхъ музыка, съ легкимъ ритмомъ, и они прыгали подъ тактъ. Тактъ — ступенька, тактъ — другая.

— Смотри, Валя, какъ я умѣю, — сказалъ онъ, набралъ воздуха, присѣлъ и подпрыгнулъ, чтобы пролетѣть двѣ ступеньки, но сразу понесся и, очень очень медленно, по птичьи, сталъ опускаться, но не дотронулся до ступеней, а радостно изумился, какъ его подняло. Онъ леталъ и радостно говорилъ:

— Валя, какъ я раньше не зналъ. Какъ же я раньше не зналъ, милая Валя...

...За рѣкой держался сѣрый холодокъ. Щеки остыли. Панель посыпали золой. Въ пустой раздѣвалкѣ Сережа увидѣлъ закрытую черными шинелями стѣну. Онъ раздѣлся, побѣжалъ на верхъ, а классы уже строились на молитву. Въ большой залѣ, стоялъ утренній суровый свѣтъ.

На первомъ урокѣ записывали. Прямой и высокій учитель объяснялъ геометрическую задачу. Стояло ровное казенное тепло, всѣ хорошо слушали. За высокой кафедрой на стѣнѣ висѣлъ портретъ, курчаваго поэта, а справа — карта Россіи: много нѣжной зелени цвѣта выросшей подъ колодой травы.

На третьемъ урокѣ въ классѣ лежало солнце: доска казалась дымной, а мѣловыя буквы рыхлыми. Сидѣвшая очень прямо учительница спрашивала французскіе стихи, улыбаясь, благодарила за отвѣты и что-то отмѣчала въ записной, краснаго сафьяна, книжкѣ. Потомъ по корридору прошелъ сторожъ, и крѣпкій колокольчикъ наполнилъ пустую и солнечную залу. Француженка поднялась. Дежурный поспѣшно распахнулъ дверь, всѣ встали. Улыбнувшись, она кивнула всѣмъ головой и легко вышла изъ класса. Паркетъ въ залѣ блестѣлъ, словно срѣзанный воскъ, подъ солнцемъ радостно цвѣла новая, въ рѣзномъ кіотѣ, училищная икона. Младшіе гуляли, какъ дѣвочки, взявши другъ друга за пояса, а то играли въ пятнашки, бѣгали, скользили и увертывались. Въ классахъ открыли окна, и пятый классъ, въ которомъ учился Сережа побѣжалъ въ Покровскій паркъ играть въ снѣжки.

На набережной маршировали нѣмцы, пахло корою липъ, въ солнечномъ снѣгу хорошо стояла зеленая, сдѣланная изъ деревянныхъ копьевъ рѣшетка.

Перемѣна прошла быстро. Въ окнѣ училища показался сторожъ, и на улицѣ раздался звонокъ. Мальчики побѣжали, но на дорогѣ снова начали играть, загребая снѣгъ, быстро лѣпя снѣжки и подступая. Такъ они подбѣжали къ училищу, и уже въ дверяхъ Сережа увидѣлъ, что по дорогѣ два вооруженныхъ нѣмца ведутъ знакомаго солдата, съ которымъ они разбирали пулеметъ. Сережа задержался, но всѣ торопились и со смѣхомъ и криками втолкнули его въ корридоръ. Они вбѣжали въ классъ. Отъ снѣга горѣли порозовѣвшія ладони, всѣ сидѣли взлохмаченные и румяные.

Послѣ звонка долго ждали физика. Шумъ наросталъ, стихалъ, снова рождался веселый птичій говоръ. Нестерпимымъ казалось солнечное, медленно идущее время.

Сережа вышелъ въ корридоръ. Въ шестомъ классѣ шелъ урокъ: подъ ногами учителя поскрипывалъ паркетъ. Въ концѣ корридора, сидѣлъ стриженный ежикомъ сторожъ. Подбѣжавъ къ нему, Сережа спросилъ время. Сторожъ растегнулъ мундиръ, досталъ толстые серебряные часы и, посмотрѣвъ на Сережу, строго добавилъ:

— Ровно черезъ пять минутъ на площади разстрѣляютъ солдата.

— Какого солдата?

— А вотъ, — отвѣтилъ сторожъ, — его недавно нѣмцы вели.

XVI.

Срокъ истекалъ. Купцы закрыли ряды. Тихо и жутко стало на площади. Мѣсто было извѣстно: около собора у сѣверной стѣны, подъ высокими, забранными желѣзной рѣшеткой окнами. Нѣмецкіе постовые ходили, опираясь на ружья, и народъ поспѣшно отступалъ. Покрытый соборной тѣнью участокъ былъ пустъ и холоденъ, въ чистомъ небѣ бѣлѣла грань колокольни. Въ городъ обозомъ ѣхали мужики, но задержались въ народѣ. У газетной будки стоялъ принесенный изъ церкви аналой, а около, съ крестомъ и евангеліемъ, ждалъ блѣдный жидкобородый соборный священникъ.

Еще минутная стрѣлка не стала прямо, когда мужики, чтобы лучше видѣть, стали на дровни. Всѣмъ былъ слышенъ твердый шагъ повизгивающихъ на камняхъ тяжелыхъ сапогъ. Нѣмецкое отдѣленіе велъ коренастый, лѣтъ подъ сорокъ офицеръ. Нѣмцы остановились на чистомъ мѣстѣ, спиной къ толпѣ, подравнялись и опустили ружья къ ногѣ. Офицеръ задержался у будки. Онъ былъ одѣтъ по походному, въ каскѣ, автомобильныхъ крагахъ, съ револьверомъ у пояса; у него было красное на морозѣ лицо. Онъ спокойно смотрѣлъ, какъ солдатъ снялъ папаху, перекрестился и, подойдя къ священнику, поцѣловалъ крестъ.

Въ это время другой стороной мужикъ везъ положенный на дровни большой бѣлый, сколоченный изъ свѣжаго лѣса гробъ. Рядомъ шелъ пожилой управскій человѣкъ.

— Хоронить около ограды, — сказалъ онъ. — Ближе къ нѣмецкому кладбищу.

Исповѣдь кончилась. Женщины начали пробиваться впередъ. Солдатъ шелъ среди конвоировъ къ собору. Онъ снялъ папаху, перекрестился,

сталъ лицомъ на народъ, и блѣднымъ пятномъ казалось его лицо на синеватой соборной стѣнѣ.

Толпа затихла. Какая-то дѣвушка билась на рукахъ и кричала:

— Уведи меня! Уведи! Не надо! Родненькіе, не надо!

И тутъ женщины заплакали въ нѣсколько голосовъ, раздалась команда, залпъ отдало въ пустыхъ рядахъ. Народъ, смѣшавшись, бѣжалъ: одни въ городъ, а другіе къ собору, гдѣ мягко подкосивъ ноги, мѣшкомъ, у стѣны легъ солдатъ, куда уже принесли снятый съ крестьянскихъ дровней бѣлый гробъ.

XVII.

— Ой, милые! — плакала и крестилась старуха въ черномъ платкѣ. — Пресвятая Богородица! Не суди Ты, Пресвятая Мать Богородица. И гробъ ему и исповѣдь на рынкѣ. Сразу въ гробъ, и не раздѣвали.

— За падлу считаютъ, — сказала молодая женщина и посмотрѣла на поблѣднѣвшаго Сережу.

— Боже мой, не дай видѣть страсти эти.

— А переносилъ все спокойно, — сказала молодая. — Вышелъ, спокойно сталъ.

— Къ стѣнкѣ-то сталъ, одну руку — въ полушубокъ и выровнялся. — Такой здоровый, милые. Какъ ударили — сердце задрожало. . .

И снова пустота, снова голуби у рядовъ, снова пробило на колокольнѣ четверть. Стоя на дровняхъ, проѣхалъ мужикъ, солнце склонялось, тѣни легли, и въ училище шли дѣвочки съ ранцами.

А на бульварѣ игралъ духовой оркестръ. Нѣмецкіе музыканты въ шинеляхъ, безкозыркахъ, въ безпалыхъ шерстяныхъ перчаткахъ, играли на набережной, передъ двухъ-этажнымъ сиреневымъ домомъ, занятымъ офицерскимъ постоемъ. Оркестръ кончилъ, музыканты продували трубы, и Сережа увидѣлъ, какъ во второмъ этажѣ, открывъ форточку, высунулся пожилой офицеръ съ проборомъ, съ затянутой воротникомъ шеей. Красный, улыбаясь, держа на подоконникѣ руку съ сигарой, онъ что-то весело приказывалъ вытянувшемуся капельмейстеру.

Сережа пошелъ берегомъ. Чернѣли голыя липы, на скамейкахъ лежалъ снѣгъ. На закатѣ свѣтился гладкій у прорубей ледъ и такъ же, какъ въ тотъ вечеръ, монастырь поднималъ травяныя главы и на рѣчномъ просторѣ лежалъ тотъ-же легкій и печальный свѣтъ.

Къ вечеру надъ мостами печальнымъ косякомъ летѣли галки, они играли высоко надъ рѣкой, то разсыпаясь, то сбиваясь въ мелькающія крикливыя стаи. Медленно уходило за голыя зарѣчныя рощи солнце, синѣли поля, зернисто подмерзалъ снѣгъ, въ пустомъ небѣ потухали монастырскіе кресты и послѣ недавнихъ слезъ стыли щеки.

XVIII.

Утромъ въ саду держался легкій сиреневый холодокъ, и въ немъ медленно розовѣли вершины яблонь.

За усадьбой, въ лѣсу, гдѣ снѣгъ погнулъ кусты можжевельника и лапы елей, гдѣ надъ кочками промерзлаго мха, валежникомъ и пнями намело

спокойные сугробы, стояла удивительная тишина. Всю ночь лѣсъ былъ беззвученъ, и утромъ, когда солнце освѣтило сѣрые стволы елей, въ немъ сильно запахло хвоей и выступившими отъ мороза смолами.

Возвращаясь домой, Назимовъ увидѣлъ у крыльца вчерашніе слѣды. Вчера вечеромъ, когда началъ падать снѣгъ, его вызвали на дворъ и, выйдя онъ увидѣлъ у крыльца сына сосѣда хуторянина.

— Ты, Митя, зачѣмъ? — спросилъ Назимовъ. — Отца дожидаешься?

— Нѣтъ, Александръ Сергѣевичъ, я къ тебѣ, — сказалъ онъ. — Вчера были собравшись въ Костыгахъ мужики и говорили, что, какъ нѣмцы придутъ надо Засѣки сжечь.

— За что? — спросилъ Назимовъ.

— А за то, что богаты.

Крупными хлопьями падалъ снѣгъ, покрывая натрушенное у крыльца сѣно, уныло бѣлѣло поле.

— Ты мужикамъ не вѣрь, — сказалъ Митя. — Встрѣтятся, поютъ одно, а за глаза — другое. Уходи ты добромъ. Теперь дворянская кровь на дорогѣ стынетъ.

Вчера Назимовъ долго стоялъ на крыльцѣ. Съ темнотой пришла вечерняя нѣжность, когда небо мягко и сѣро, снѣгъ ровенъ, пушистъ, вокругъ просторнаго двора стоятъ потемнѣвшія отъ времени бревенчатыя службы, крыши мягко бѣлѣютъ въ темнотѣ, и съ поля пахнетъ свѣжимъ снѣгомъ и ракитой...

Въ своей комнатѣ онъ взялъ книгу, но не было силъ читать. Онъ усталъ отъ тишины и прибли-

жающагося полдня. Онъ снова одѣлся, снялъ со стѣны охотничье ружье и рѣшилъ сходить на порубку, а потомъ въ Костыги.

Какъ и въ первый день, онъ вышелъ съ собакой, но его уже не радовала ея зимняя игра. Въ березовой аллеѣ лежала тѣнь, дорогу съ вечера занесло. За большакомъ торчали высокіе пни. Видно было, что мужики пилили стоя, не сгибая спинъ. Кое-гдѣ остались жидкія, съ скудными макушками осины, что выросли въ защитѣ и уже успѣли погнуться отъ вѣтра. Тамъ, гдѣ недавно высился строгій лѣсъ, гдѣ вершины слабо пропускали солнце, теперь стояли пни.

Остановившись, онъ подумалъ, что по веснѣ, по пнямъ высыпетъ земляника, на порубку выпустятъ скотъ, осенью по коровьимъ слѣдамъ не пойдутъ грибы, а тамъ отъ дождей и вѣтровъ почернѣютъ, загніютъ пни и обрастутъ широкими мхами.

Только на одномъ мѣстѣ, ближе къ деревнѣ сиротливымъ островомъ стоялъ нетронутый лѣсъ. На опушкѣ, осматривая деревья, ходилъ мужикъ.

— Послушай, баринъ, — поклонившись, спросилъ онъ Назимова, — можно лѣсъ у васъ сѣчь?

— А мнѣ-то что? — сказалъ Назимовъ.

— Вѣдь твой лѣсъ.

— Лѣсъ вашъ теперь! — сказалъ Назимовъ и пошелъ прочь по проложенной порубщиками дорогѣ къ Костыгамъ.

На перевалѣ онъ остановился и посмотрѣлъ на Засѣки. Вдали у еловаго лѣса, отлого лежалъ садъ, а посрединѣ темнѣлъ низкій домъ. Приближался полдень, и синеву неба заволакивала легкая мгла.

На костыговскихъ задахъ и на широкой улицѣ

передъ избами были свалены свѣжія бревна. Посреди деревни, на завалинкѣ, сидѣли мужики: старикъ Ефимъ, подслѣповатый хитрый мужикъ Василій и два молодыхъ.

— Здравствуй, здравствуй, Сергѣичъ, — сказалъ Ефимъ, — какъ живешь?

Голодная собака, забѣжавъ впередъ, помахивая хвостомъ, нетерпѣливо ждала остановившагося хозяина.

Назимовъ стоялъ въ надѣтой набекрень фуражкѣ, глубоко, по походному, заваливъ за плечо ружье. Василій любопытно посмотрѣлъ на его разстегнутый полушубокъ и на начищенные офицерскіе сапоги.

— Что-жъ ты въ бѣлую гвардію не хочешь итти, — сказалъ онъ. — Слыхать на Дону офицеры поднялись.

Всѣ посмотрѣли на Назимова.

— А ну-ка, Василій, скажи, — медленно отвѣтилъ онъ, — когда вы Засѣки собираетесь жечь?

— Да что ты, Александръ Сергѣичъ, — испуганно сказалъ старикъ, — не слухай ты никово. Что ты, Христосъ съ тобой!

XIX.

Въ саду потемнѣло, въ столовой не зажигали огня. Онъ любилъ зимнія сумерки, время, когда въ домѣ тихо, въ углахъ темно, на чистыя стекла ложатся узоры, напоминающіе о сочельникѣ, звѣздахъ, искрящихся подъ мѣсяцемъ снѣгахъ. Въ столовой тепло, отъ буфета пахнетъ ванилью, посинѣвшія окна подергиваетъ игольчатыми вѣтками, а

за домомъ — ели и далеко, далеко въ снѣгахъ холодно свѣтятъ голыя рельсы.

Къ дивану подошелъ теплый послѣ сна Задай, положилъ у колѣна морду и замеръ. Назимовъ потрепалъ его мягкое ухо. Задай лизнулъ руку и тихо заскулилъ.

Осенью подъ вечеръ отецъ сидѣлъ въ саду на скамьѣ въ короткомъ полушубкѣ, барашковой шапкѣ съ бархатнымъ шлыкомъ, приставивъ къ колѣну суковатую палку. У его ногъ сидѣлъ старый ирландскій сеттеръ Сильва, рослый, спокойный и хромой. Въ саду стояла прохлада, пахло остывающей землей. Иногда, увидѣвъ сына, онъ говорилъ:

— Подойди, Саша. Посиди со мной.

Отецъ сидѣлъ молча. Къ вечеру сильнѣй пахло свалявшейся травой. Становилось зябко и грустно.

— Видишь, гуси летятъ, — говорилъ отецъ.

— Да, папа.

Гуси пролетали, темнѣло. Изъ кармана полушубка отецъ вынималъ мужицкій кисетъ, черешневый мундштукъ, раскладывалъ все на шароварахъ, и закуривалъ. Робко начинали проглядывать звѣзды, по холодку пахло дымомъ, а Сильва сидѣла неподвижно и смотрѣла вверхъ. . .

Какъ хорошо было въ дѣтствѣ прокрасться въ отцовскую спальню. Послѣ охоты отецъ спалъ крѣпко, въ комнатѣ пахло порохомъ, болотомъ, табакомъ. На столѣ валялись мѣдныя гильзы, въ углу стояли тяжелые забрызганные грязью сапоги съ широкими голенищами. Онъ трогалъ приставленную къ углу двухстволку и отъ матовыхъ изнутри стволовъ солновато пахло чернымъ порохомъ. Въ корридорѣ спала мокрая съ грязной шерстью Сильва, а на кухонномъ

столѣ лежала нанизанная на еловую вѣтку гроздь селезней съ ясными зеркальцами на крыльяхъ и сѣрыхъ чирятъ. Вѣтка была продернута сквозь взрѣзанныя горла и плоскіе носы. Онъ любилъ кисловатый запахъ дичи, крови и еловой хвои, онъ гладилъ скользковатыя, тронутыя, яркой зеленью крылья и ощупывалъ дичь. Кожа съ перомъ скользила на холодныхъ утиныхъ тѣльцахъ, онъ смотрѣлъ, куда попалъ зарядъ, гдѣ подъ чернымъ синякомъ, хрустѣли перебитыя дробью легкія утиныя кости... И на всю жизнь онъ запомнилъ проводы, материнскія слезы, пустѣющій домъ. Осень, дождь, отецъ уѣзжаетъ въ городъ. Запертая въ комнатѣ Сильва становится на заднія лапы, царапаетъ стекло и, упершись въ него носомъ жалобно повизгиваетъ. Онъ рядомъ съ Сильвой, и по стеклу длинными струями бѣжитъ дождевая вода...

Отецъ посѣдѣлъ, сталъ угрюмъ, у Сильвы молокомъ подернулись глаза. Однажды утромъ ее нашли въ сараѣ за телѣгой. Гимназистомъ онъ приходилъ въ садъ, и ему, какъ всегда по осени, подъ вечеръ становилось грустно, и сладостно одиноко. Садъ шелъ скатомъ внизъ, осень его прорѣдила, онъ сквозилъ даже въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ подъ лѣсомъ росла рябина, липа, гдѣ когда-то отецъ убилъ трехъ глухарей. Въ саду было просторно и печально. Онъ слушалъ вѣтеръ, глядѣлъ на побурѣвшій яблоновый листъ, и холодъ пробирался подъ гимназическую шинель. Въ ту осень онъ былъ боленъ нѣжностью и любовью. Холодно, по осеннему уже шумѣлъ позади ельнякъ, вѣтеръ поворачивалъ упавшіе листья, и старый домъ и осенняя даль съ зеленями, все въ мірѣ казалось безконечно печальнымъ...

Назимовъ принесъ дровъ и затопилъ печь въ столовой. Онъ сѣлъ рядомъ и началъ грѣть озябшія руки. Дрова были березовыя, сухія, печь ров-

но и сильно шумѣла, опустивъ голову, онъ слушалъ, и подъ, шумъ огня, домъ словно тронулся и поплылъ. Онъ думалъ, что молодость прошла, и впереди не будетъ ни радости, ни счастья. Съ усадьбой все кончено. Изъ пустыхъ, закрытыхъ на зиму комнатъ тянуло запахомъ соломы и яблокъ.

Въ столовую вошла Дарья Федоровна и увидѣла сына.

— О чемъ ты все думаешь, Саша? — спросила она.

Онъ всталъ, поцѣловалъ ее въ лобъ, прижалъ ея голову къ груди и сказалъ:

— Видишь, какой я сталъ большой.

— Ты для меня все еще мальчикъ, Сашенька, — отвѣтила она, и ему стало больно отъ ласки, чувства стараго дома и одиночества.

Когда уже ложились, онъ прошелъ въ спальню и взялъ лежащій на столѣ наганъ. Онъ былъ тяжелый, съ пушинками на вороненой маслянистой стали, съ врѣзанными углубленіями на барабанѣ. Назимовъ его осмотрѣлъ. Барабанъ, маслянисто потрескивая, показалъ спрятанные въ гнѣздахъ патроны.

Ночь, отъ ночи все полнѣй становился мѣсяцъ. Въ блѣдномъ свѣтѣ чисто искрились деревья. Назимовъ обошелъ усадьбу и остановился въ саду. Ночь была тихая, голубымъ свѣтились поля, рано заснули деревни. Уже прошли военные обозы, въ городѣ стояли нѣмцы. Въ чистомъ небѣ слабо роились звѣзды Млечнаго Пути.

Въ голомъ свѣтѣ, въ снѣгахъ темнѣла срубленная дѣдомъ усадьба. Бѣлое поле уходило къ далекому погосту, гдѣ у церковной стѣны подъ слоемъ промерзшаго песка лежалъ дубовый дѣдовскій гробъ.

Онъ вспомнилъ нерадостное дѣтство, вспомнилъ, какъ въ угловой комнатѣ усадьбы молился дѣдъ. Мать говорила, что передъ нимъ оживали иконы. Однажды ночью дверь была пріоткрыта. Босой, въ бѣлъѣ, дѣдъ лежалъ ничкомъ и, приподнимая лицо, искоса глядя на икону, просилъ: «Никола Угодникъ, не гляди на меня такъ грозно!»

Въ дѣтствѣ было особое чувство къ оставшимся послѣ дѣда иконамъ. Проснувшись, перейдя отъ сна въ сонную тьму, когда за бревенчатыми стѣнами, за садомъ и знакомыми полями, лежала страшная ночная земля, онъ чувствовалъ ихъ присутствіе въ живой теплотѣ дома. Мальчикомъ, убѣгая подъ вечеръ въ поле, онъ чувствовалъ оберегающую силу черезъ стѣны и садъ.

Съ дѣтствомъ у него былъ связанъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ сновъ. Будто бы день солнечный и очень свѣтлый. Они уѣзжаютъ. Дѣдъ на козлахъ, а онъ, отецъ и мать сзади. Миновали съѣздъ съ горы, кони зафыркали отъ испуга, и онъ оглянулся на домъ. И будто бы буря сильная, ощущеніе бури, а деревья не шелохнутся, садъ мертво тихъ, и надъ бревенчатыми стѣнами оставшагося позади дома, словно медленно свертываясь, медленно отдѣляясь отъ стѣнъ, поднимается крыша. Все безмолвно, а буря летитъ надъ садомъ, и онъ видитъ поднимающія крышу изнутри мужицкія руки и межъ крышей и стѣной злобно-пристальный провожающій ихъ взглядъ...

Теперь онъ стоялъ спиной къ дому. Снѣга сада ровно спускались внизъ, все было просто: яблони, низко опустившійся заборъ и дальній вырубленный лѣсъ. Въ небѣ лежалъ неполный, но уже хорошо округленный мѣсяцъ, въ поляхъ цѣпенѣло молчаніе. Назимовъ стоялъ, не двигаясь, и смотрѣлъ на открытое поле. Онъ почувствовалъ стран-

ную тяжесть въ плечахъ и оглянулся. Домъ покоился въ снѣгахъ, черный и низкій; и Назимову стало страшно, что свѣтъ мѣсяца мертво блеститъ въ его окнахъ.

XX.

Въ этотъ день Тимофей угощалъ на своемъ хуторѣ мужиковъ. Онъ былъ доволенъ и веселъ. Варвара смотрѣла на мужа счастливыми глазами. Вино допили, Тимофей позвалъ мужиковъ на дворъ и вывелъ изъ конюшни сѣраго коня. Хуторъ стоялъ на пригоркѣ, за снѣжнымъ гребнемъ, голубѣло небо, и Тимофей въ голубой рубахѣ, по цыгански, гонялъ коня по снѣжнему двору.

Подошелъ полдень. Надѣвъ новую папаху, накинувъ на плечи солдатскій, съ сыромятными завязками полушубокъ, Тимофей отправился съ мужиками въ Замошье. Дорога отъ хутора шла пустыми полями, на полпути росла береза, повѣсивъ надъ дорогой толстый сукъ. У березы мужики повстрѣчали мальчишку, и тотъ сказалъ Тимофею, что ему приказано явиться въ Городище.

На лѣсной полянѣ у дома пристава чернѣло мѣсто костра. Здѣсь утромъ мужики палили послѣдняго никитинскаго борова. Изъ деревни на помощь имъ прислали Данюху. Она была стара, горбата и ходила свахой. Ей приказали готовить и за работу подарили оставшійся отъ убитой барыни черный съ розами платокъ. Утромъ мужики растопили печь, принесли на кухню корыто нарубленной свинины и старуха до полдня варила студень, разливала по чашкамъ и носила его на холодный чердакъ.

Когда Тимофей вошелъ въ горницу, вдоль стѣнъ, на принесенныхъ изъ кухни лавкахъ сидѣли мужики, курили и ждали обѣда. Маленькая горбатая старуха рѣзала у стола хлѣбъ. Тимофей увидѣлъ жену Якова и Боровикова.

— Вотъ Данюшку, старуху снарядили, — здороваясь съ Тимофеемъ, сказалъ Боровиковъ, — барынинъ ей платокъ подарили.

— Хороша! — сказалъ Тимофей.

— Снарядили, кормилецъ, снарядили! — отвѣтила Тимофею старуха.

— Какъ-же, — смѣясь, сказалъ Боровиковъ, — надо снарядить, чтобы не была военная кухарка не снарядившись у такихъ генераловъ.

Черезъ выбитыя стекла сквозило. На полу бѣлѣлъ снѣгъ, за домомъ шумѣли сосны. Тимофей сѣлъ. Всѣ знали, что онъ привезъ много добра. Онъ это чувствовалъ, и у него было веселое лицо.

— Вотъ и этотъ будто виданный, — вглядываясь въ него мутными голубыми глазами, сказала старуха. Она туго повязала подаренный ей черный съ розами платокъ, отчего выпирали румяныя щеки.

— Бабушка, ты меня узнала? — спросилъ Тимофей.

— Кормилецъ, видѣла. Память моя легкая, папашка померъ, — не оставилъ.

— Это сынъ твой съ войны пришелъ, — смѣясь сказалъ Боровиковъ.

— Ишь ты какой! — шутя сказала она, внимательно посмотрѣвъ на Тимофея. — Будто я своего не узнаю! А что же ты бороду сбрилъ?

— У него воши въ бородѣ заведутся, — сказалъ Боровиковъ.

Мужики засмѣялись.

— Запиши ее, Максимовъ, въ армію, — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Такихъ на тотъ свѣтъ требуютъ, — сказалъ другой. — Тамъ не всѣ болота завалены.

— А смѣйтесь, ребята, — сказала она, — смѣхъ не брань. Вотъ какіе мои сынки. Вотъ дожила, что́ сынки побранливаютъ за ухватку! Я вѣдь, ребята, не бранливалась, и-и, миленькіе — и она выругалась по мужицки.

— Охти тошнененько — сказало сидѣвшая у окна Дарья. — Какая ты, Данюха, сдѣлалась!

— Я я всегда лихая была, — остановившись по срединѣ избы, сказала старуха, — насъ такихъ три казачихи здѣсь. Меня тятя любилъ. Баютъ, и работницы такой не было: цѣжу молочко, да попиваю. Я блудня была, а замужъ выдали за одного сынка. Жаль мужика, дюже добрый былъ! Въ гумнѣ стоятъ солдаты, а я къ нимъ отъ мужа по ночамъ. Гуляла, гуляла, да и бросила. Накосите, дураки! — кончила она и показала мужикамъ кукишъ.

— Ну, Данюха, подавай, — смѣясь сказалъ Боровиковъ, — Надо войско кормить.

Старуха заторопилась и, горбясь, ушла.

— Вотъ ужъ она прошла всѣ гордыя земли, — все смѣясь и покачивая головой, сказала Тимофею Дарья. — Она-то пожила! Лыки воровала, смолу гнала. Шла однажды съ бору, да въ канавѣ и родила. Взяла ребенка въ подолъ, обобрала свои прожитки, да въ подолѣ домой и принесла.

XXI.

Отобѣдавъ, назначенные въ караулъ мужики пошли въ школу. Смеркалось. Топившаяся печь бросала свѣтъ на вымытый и еще не просохшій полъ. Тутъ находился отдежурившій сутки стражникъ, а въ углу сидѣлъ дѣдъ Баранъ.

Къ вечеру пришла Варвара, и на дровняхъ, къ школѣ подъѣхалъ солдатъ. Привязавъ коня, онъ вошелъ въ караульное помѣщенье, подкатилъ къ печкѣ чурбанъ и сѣлъ на свѣту, широко разставивъ обутые въ тяжелые сапоги ноги. Полы его растегнутой шинели легли на полъ. Не снимая папахи, онъ курилъ и глядѣлъ на огонь съ недовольнымъ и пухлымъ лицомъ. Онъ заѣхалъ назначить посты, а потомъ долженъ былъ отправиться въ волость.

— Нѣмцы въ Псковъ вошли, — сказалъ кузнецъ, — а въ полночь большое зарево выкинуло. Явились въ казарму, открыли складъ, а тутъ, какъ стебануло, — все это на воздухъ сразу пошло. Въ городѣ — двери настежь, стекла высыпало. Домъ рядомъ стоялъ — осѣлъ и на мелкія камни разсыпался. Какъ головешки нѣмцы валялись, обожженные...

— А куда ихъ врагуша несла, — сказала Варвара.

Она сидѣла простоволосая, положивъ на колѣни платокъ, ея широкое плоское лицо было спокойно.

— Тамъ ужъ и пошла драка, — снова сказалъ кузнецъ. — Теперь вездѣ припрягаютъ къ войнѣ мужиковъ.

— Плохо, товарищи, съ нѣмцами драться, — сказалъ Тимофей. — На позиціи были, ничего не сдѣлали.

— Какъ-же мы будемъ воевать въ лаптяхъ, да въ кафтанахъ, — подхватилъ лежавшій на соломѣ Боровиковъ. — При Николаѣ сапоги выдавали.

— То другая была война, — отвѣтилъ солдатъ.

— А чортъ ее побери, — отвѣтилъ Тимофей. — Я за нѣмецкую отъ капусты усталъ. Ее въ десять лѣтъ зайцы не переѣдятъ.

— То другая война, — обернувшись, глядя на Тимофея, раздраженно повторилъ солдатъ. — Хорошо знаемъ, какъ при Николаѣ воевали. Офицера жалко, а солдата въ Россіи хватитъ. За что воевали? За ложку щей!

Печь разгоралась сильнѣй.

— Дуракъ ты, дуракъ, — глухо изъ темноты сказалъ все время молчавшій дѣдъ. — Воевалъ за ложку щей!

Солдатъ поднялъ голову. Его опухшее лицо было освѣщено огнемъ. Онъ косо улыбнулся:

— Ну вы, старики помалкиваете, да въ усы себѣ дуйте!

Я крестъ за Плевну имѣю, — еще глуше сказалъ дѣдъ. — Я Александру служилъ.

— Кому служилъ? — смѣясь спросилъ солдатъ.

— Царю? Вотъ бѣсъ бѣса и хватилъ.

— У тю, — сказала Варвара, — вы его не слушайте. Совсѣмъ дурной дѣдъ.

Солдатъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Не тѣ, старикъ, времена, — сказалъ онъ. — Вотъ какъ вышла эта перемѣна, царя какъ забросили, кресты сдать приказъ. А что намъ съ нихъ? Нате! Чего они болтаются?... А казенную бумажку скурилъ, — на, и угорѣла!

Всѣ молчали.

— День-то проканителили, а подходитъ вечеръ, — уже спокойнѣе сказалъ солдатъ. — Надо караулъ выставлять.

Онъ обвелъ всѣхъ глазами:

— Максимовъ, — сказалъ онъ, — ты назначенъ на первую очередь.

Тимофей послушно всталъ, застегнулъ полушубокъ, взялъ винтовку и лежавшія на подоконникѣ двѣ обоймы. Одной онъ зарядилъ винтовку, а другую положилъ въ карманъ. На дорогѣ онъ попрощался съ Варварой и крѣпко поцѣловалъ ее въ губы. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ: она шла, не оглядываясь.

XXII.

Тимофей замерзъ и началъ обтаптывать снѣгъ. Была слышна далекая стрѣльба, въ лѣсу за Замошьемъ розовѣло, дрожало и гасло неяркое при свѣтѣ мѣсяца зарево. Потомъ пожаръ затихъ, но вдали начали бросать зеленыя ракеты. Онѣ мягко трепетали въ зимнемъ небѣ, разливая надъ лѣсомъ нѣжный свѣтъ.

Было тихо на хуторахъ, чисто просвѣчивали росшія по дорогѣ березы, въ бѣломъ полѣ лежала ихъ тѣнь. Тимофей смотрѣлъ на раскрывающіяся ракеты, слушалъ, и отъ гладкаго мѣсяца, бѣлаго поля и тишины холодѣла кровь. Онъ думалъ о женѣ, какъ она идетъ, идетъ — пустыми полями.

Время шло. Отъ Замошья донесло ровный топотъ. Дорога промерзла, конь билъ копытомъ. Поровнявшись, верховой остановилъ коня:

— Товарищъ, гдѣ, старшій?

— Въ волость поѣхалъ, — отвѣтилъ Тимофей. — А ты откуда?

— Отъ ручья.

При мѣсяцѣ масляинсто отливала рыжая шерсть.

У верхового черезъ плечо висѣла шашка, онъ былъ молодъ, широкоскулъ въ сплющенной надѣтой сильно на правое ухо черной барашковой шапкѣ.

— А что, товарищъ, у васъ было? — спросилъ Тимофей.

— Стычка съ нѣмцами произошла. Мы, товарищъ, у лѣсного ручья засаду сдѣлали. Они на мостъ выѣхали, а мы начали изъ винтовокъ садить. Верховые ушли, а пѣшіе побѣжали. Какъ гады завертѣлись отъ стрѣльбы на льду.

Конь дышалъ тепломъ, и поматывалъ головой. Верховой оглянулся:

— Ну мнѣ пора! Дорога прямо.

— Прямо.

Онъ ударилъ плетью и погналъ коня рысью. Свѣтилъ мѣсяцъ, блестѣла дорога, былъ слышанъ топотъ копытъ.

— Нехорошо, — подумалъ Тимофей, — не надо было нѣмцевъ тревожить.

Стало скучно. Онъ вспомнилъ, какъ переходилъ украинскую границу, какъ мерзъ въ полѣ, какъ ѣхалъ въ открытой теплушкѣ, свѣсивъ ноги, а внизу вдоль насыпи шла баба въ чистыхъ поршняхъ. Онъ улыбнулся, на память пришла давняя осень, болото, на которое онъ ходилъ съ матерью брать клюкву, большое болото въ плоскихъ берегахъ. У матери за плечами висѣла на бѣлыхъ лямкахъ новая лучинная корзина-набируха, и на ногахъ были поршни. И онъ былъ въ легонькихъ поршенкахъ. Сперва брали по придорожной канавѣ. Клюква росла жесткими кустками, положивъ на холодный песокъ свои ягоды. Листъ съ березъ осыпался, кусты были буры, надъ болотомъ стоялъ туманъ. Онъ боялся гадовъ, но мать сказала, что они ушли подъ корни и спятъ, свившись въ клубки. Высокіе бѣлые

мхи цвѣли рыжеватыми звѣздами, и были тяжелы отъ холодной осенней воды. И мохъ, и гнилые пни, и подножье голыхъ кустовъ были убраны зеленымъ блестящимъ листомъ съ крупной вызрѣвшей ягодой. Низко летѣли птицы. Онъ видѣлъ, какъ сѣрые лѣшіе гуси спустились на болото, кричали межъ кочекъ двойными сиплыми голосами. Онъ сбѣгалъ за отцомъ. Тотъ изъ старой шомполки застрѣлилъ отставшаго гуся. Онъ былъ теплый, жирный и лежалъ, повѣсивъ голову и грязноватыя, какъ смерзшіеся листья, лапы. Его побитый дробью зобъ былъ твердъ. Тимофей сѣлъ на сырую кочку, что бы поглядѣть, что у гуся въ зобу. Онъ просунулъ въ пробитую дробовымъ зарядомъ дырку палецъ, разодралъ зобъ и оттуда посыпались совсѣмъ свѣжія непрожеванныя ягоды и зеленый брусничный листъ...

XXIII.

Утромъ показалась нѣмецкая колонна. За ней тянулись крытые фургоны, двуколки на высокихъ колесахъ и короткостволая, рябая, расписанная цвѣтными углами пушка. За пушкой въ саняхъ везли связанныхъ веревками по тулупамъ, съ заведенными назадъ руками мужиковъ. Одинъ изъ нихъ бородатый безъ шапки всю дорогу, заливаясь, плакалъ. Вдали при безвѣтріи вставалъ столбъ сѣраго дыма. Горѣли подоженные нѣмцами хутора. Къ утру, когда взошло солнце, колонна заняла Замошье.

Тимофей проснулся поздно. На смятую солому падало солнце, въ школѣ не было ни кузнеца, ни Боровикова. Оставивъ винтовку въ углу, Тимофей отряхнувъ солому съ измятаго полушубка, надѣлъ его и вышелъ изъ школы. Пахло елью, солнце широко лежало на золотистыхъ утреннихъ снѣгахъ. Онъ былъ голоденъ и шелъ широкимъ, сильнымъ шагомъ. Ночью шелъ снѣгъ, дорога къ Замошью была чиста, онъ первый прокладывалъ слѣдъ по рыхлому легкому снѣгу. Миновавъ занесенное за ночь мѣсто поста, онъ вошелъ въ обсаженную березами дорогу. Слѣва темнѣлъ хуторъ Якова. На хуторахъ топили, и Тимофей съ радостью подумалъ, что вернувшись домой, онъ сядетъ за столъ, Варвара подастъ горшокъ щей, онъ закуситъ, а потомъ пойдетъ въ конюшню и наложитъ сѣна коню.

Онъ миновалъ хуторъ Якова и подходилъ къ Замошью, когда увидѣлъ впереди за березами нѣмецкій постъ. Онъ вспомнилъ, что вотъ такъ-же на отцовскомъ полѣ въ воскресный день онъ повстрѣчалъ утромъ нѣмцевъ и одинъ изъ нихъ угостилъ его сладкой водкой. Не убавляя шага, онъ смѣло подошелъ къ часовому.

— Хальтъ, — заступивъ дорогу, сказалъ стоявшій слѣва высокій нѣмецъ. Другой, коренастый и черноусый, закинувъ за плечо винтовку, подошелъ къ Тимофею.

— Ничего нѣтъ, панъ, — улыбнувшись, сказалъ Тимофей, видя, что нѣмецъ хочетъ его обыскать и чтобы помочь нѣмцу поднялъ руки. Нѣмецъ провелъ руками по туловищу, подъ полушубкомъ, его руки быстро скользнули внизъ и нащупали въ правомъ карманѣ винтовочную обойму...

Тимофея погнали въ деревню. Онъ не чувствовалъ за собою вины и шелъ спокойно. Въ околи-

цѣ онъ увидѣлъ двухъ старухъ: мать Якова и сваху Данюшку, которая вчера назвала его своимъ сыномъ. Она посмотрѣла на Тимофея и покачала головой.

Въ избѣ съ синими ставнями, квартировалъ комендантъ. У воротъ были привязаны кони, во дворѣ стояла походная кухня, и молодой въ красной безкозыркѣ поваръ училъ стоять на заднихъ лапкахъ двороваго щенка.

Тимофея ввели въ избу. Знакомая баба топила печь, а за столомъ сидѣлъ и писалъ нѣмецкій офицеръ съ круглой, подстриженной ежикомъ головой, и мундиръ плотно обтягивалъ его сильную спину. Онъ былъ рыжій и несмотря на зиму веснущатый. Передъ нимъ на столѣ лежала сѣрая карта, бинокль и отобранная отъ Тимофея винтовочная обойма. Кончивъ писать, онъ поднялся и подошелъ къ стоящему у порога въ криво надѣтой папахѣ Тимофею...

Папаха осталась въ избѣ. Въ темныхъ сѣняхъ нѣмецкіе солдаты содрали съ Тимофея полушубокъ. Онъ не сопротивлялся. Во рту было солоно, запухало разбитое лицо. Его толкнули въ спину. Пошатываясь, онъ спустился съ крыльца, и его глазамъ стало больно отъ бѣлаго подъ солнцемъ снѣга.

XXIV.

— Гдѣ это? — сказалъ женѣ Яковъ. — Да никакъ у Тимофея Максимова? Дашъ, смотри! Вѣдь это Тимкинъ хуторъ затопился.

Они стояли подъ лѣсомъ. Вдали поднимался густой и грязный дымъ. При безвѣтріи онъ шелъ вверхъ толстымъ столбомъ.

Уже догорало, когда изъ деревни вернулась старуха.

— Ну, ребята, — остановившись, сказала она, — Тимофея Максимова нѣмцы на березѣ задавили!

Отъ быстрой ходьбы у нея не хватало дыханія.

— Боже мой, — передохнувъ, сказала она, — поглядѣла я, какъ онъ въ голубой рубашкѣ, промежъ коней, на свою муку поволокся. Погнали по дорогѣ и давай плетьми наливать! Ой, звѣрко его нѣмцы били! Послѣднюю рубашку плетьми сняли... А тутъ и хуторъ зажгли. Варвара голая съ ребятами едва выскочила. Сунулась безъ памяти — мужа то жалко, потащили, какъ вороненка.

Дарья посмотрѣла на старуху и заплакала.

— Ой, Дарушъ, — сказала старуха, — подвели къ березѣ, ящикъ подъ ноги; лѣзь въ петлю, а не то тутъ-же заколемъ. Не хочетъ лѣзть-то. А тутъ защелкали ружьями, — надѣлъ петлю, горько такъ усмѣхнулся, бросился, руками-ногами затрясъ и готовъ!

XXV.

Днемъ въ Замошьѣ согнали мужиковъ. Среди нихъ былъ Яковъ. Всѣ стояли безъ шапокъ. Изъ избы вышелъ рыжій офицеръ въ зеленой каскѣ, мышинаго цвѣта шинели, съ узкими погонами на плечахъ. Его сопровождалъ молодой человѣкъ въ студенческой фуражкѣ.

— Ну, какъ, мужики? — по русски спросилъ молодой. — Оружія у васъ больше нѣтъ?

— Нѣтъ, баринъ, — отвѣтилъ за всѣхъ стоявшій впереди Боровиковъ. — Нѣтъ, кормилецъ, всѣ чисто принесли. Скажи, милый, сдаемся, — душу отдаемъ.

Офицеръ, выслушавъ переводчика, засмѣялся и, подойдя къ Боровикову, похлопалъ его затянутой въ перчатку рукой по плечу.

— Комендантъ говоритъ, перевелъ молодой, — сто лѣтъ теперь будешь жить — никто не тронетъ.

— Дай Богъ миръ, — кланяясь, сказалъ Боровиковъ, — во вѣки вѣковъ — миръ!

XXVI.

На Страстной Великая очистилась. Уже было солнечно и мягко, широко и полно несла песочныя воды рѣка. Просыхала набережная, въ солнцѣ стояли голые и радостные тополя. Вечеромъ звонили въ церквахъ и, по новому отражаясь въ водахъ, благославлялъ вскрывшуюся рѣку монастырь. Вечеромъ на дальнемъ берегу горѣлъ костеръ, — монахини смолили ладьи.

А въ еловомъ лѣсу, за монастыремъ уже по новому качали вѣтвями, шумѣли освѣженныя ели, въ синихъ бороздахъ таялъ снѣгъ, по вечерамъ въ полѣ рождались влажные звуки.

Въ домѣ Львовой было тихо. Шла страстная, въ церквахъ звонили въ глухіе колокола. Въ началѣ Страстной Сережа говѣлъ, а къ концу недѣли проросъ посаженный на блюдѣ овесъ, и въ домѣ запахло шафраномъ и ванилью.

Въ субботу Анастасія Михайловна повезла на кладбище брусничные вѣнки, а Сережа пошелъ на островокъ. Тамъ, у крѣпостныхъ стѣнъ, на сы-

ромъ пескѣ, бѣлыми сотами лежали истаявшія льдины, тамъ сѣтью ловили рыбу. Лодку сносило, рыбаки, налегая, гребли, а потомъ, весело упираясь въ песокъ, тянули, и изъ воды выходила мокрая, блестящая въ ячеяхъ сѣть, и въ гремящемъ мелкомъ льду сильно бились бѣлобрюхія щуки.

Подметали широкій мостъ. Сережа остановился у перилъ. Съ полой водой уплыли проруби, катокъ и зимнія дороги. Оставляя на камняхъ набережной темный слѣдъ, спадала вода. За женскимъ монастыремъ еще были залиты луга, и отъ деревенскаго берега шла ладья съ богомольцами къ Плащаницѣ. Было одиноко, грустно, и отъ рѣки пахло весенней землей.

Пустовала площадь. Ступени собора посыпали еловой хвоей. Въ притворѣ стояли нищіе, а посреди храма въ тишинѣ и сумеркахъ — Плащаница. Убранная бѣлыми гіацинтами, она свѣшивала малиноваго бархата шитые золотыми буквами и крыльями края.

Въ церкви Сережа увидѣлъ Назимова. Онъ былъ въ солдатской шинели, очень прямъ, очень худъ. Перекрестившись, онъ подошелъ къ Плащаницѣ. За нимъ поднялся Сережа и поцѣловалъ холодное серебро Евангелія и смуглое Тѣло межъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

1929—1932, Провансъ.

Buchdruckerei Speer & Schmidt, Berlin SW 68, Alexandrinenstr. 105-106.

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI